

Сергей Виниченко

В поисках минувшего времени

Сергей Виниченко

**В поисках минувшего
времени**

**Опыт историко-краеведческого
исследования**

2020 год

В краеведческих очерках представлен обширный документальный материал, дополняющий биографии ряда известных исторических личностей, уроженцев Пресногорьковской линии, чья деятельность в различные периоды прошлого оставила глубокий след в народной памяти. Поисковый материал представлен находками краеведа при изучении формирования торговых трактов и развитии ярмарочной торговли в конце XVIII – начале XIX веков, ожививших экономические отношения между Россией и Средним жузом, показана история появления в Тоболо-Ишимском междуречье запорожских казаков, раскрыта их роль в военно-хозяйственной колонизации Казахстана и строительстве крепостей. Несколько очерков посвящено событиям вековой давности – боевым действиям в период гражданской войны и Западно-Ишимского восстания, основанные на архивных данных, мемуарной литературе и воспоминаниях очевидцев. В научный оборот введены ранее неопубликованные источники.

Книга предназначена для историков, студентов исторических факультетов и широкого круга читателей, интересующихся историей своего Отечества.

*На обложке картина Н.Самокиша
«Кавалерист в Галиции»*

От автора

Тем, кто родился и вырос в лесостепной полосе Тоболо-Ишимского междуречья, на самой границе Зауралья и Северного Казахстана, название «Горькая линия» знакомо с раннего детства. Этот край с поэтической пронзительностью описал в своих произведениях незабвенный Иван Петрович Шухов. У сибирских казаков есть свой Шолохов, воспевавший

отчий край и мы, его потомки, низко кланяемся писателю за этот бесценный дар. Книги, прочитанные автором в юности, дали мощный толчок к исследованию исторического прошлого станиц 1-го военного отдела Сибирского казачьего войска.

Сделано многое - изданы книги, опубликованы многочисленные статьи, но неисчерпаемы глубины прошлого. Неожиданно появляется ниточка, ведущая в давно ушедшее время и вновь начинается расследование, поиски, размышление и сопоставление фактов, изучение документов, карт, фотографий. Так рождается новый очерк, заметка, рассказ. Факты и легенды составляют удивительную краеведческую мозаику, оживляя события давно прошедшие, делая ушедшее время и живших в нем людей ближе современному читателю, которого сложно чем-то удивить в наш бурный век. Вызванный чтением интерес постепенно приобретает глубокое значение, понуждает читателя заняться изучением прошлого своей семьи, родного

края, к нему приходит осознание чего-то жизненно важного и нужного... Если такое происходит с человеком после знакомства с книгой, значит, труд автора не пропал даром.

В исторических очерках автор стремился показать не столько хронологию событий, происшедших с главными героями, сколько дух ушедшей эпохи – взаимоотношения между людьми, обстоятельства, повлиявшие на формирование характеров и людских судеб. Общее, что делает этих людей близкими друг другу - сокровенная связь с Пресногорьковской линией, сибирским казачеством, с чудной природой нашего лесостепного края, привольем, красотой упавших в озера небес. Эта связь не рвется, несмотря на разное время жизни людей, вне зависимости от того сколько лет или столетий их разделяет...

АВТОР ВЫРАЖАЕТ ИСКРЕННЮЮ БЛАГОДАРНОСТЬ ВОЙСКОВОМУ СТАРШИНЕ СИБИРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА ШИЛОВУ ОЛЕГУ ГЕННАДЬЕВИЧУ, ПРИ СОДЕЙСТВИИ КОТОРОГО КНИГА ВЫШЛА В СВЕТ.

О книгах автора:

Прекрасные работы. Чистый, красивый русский язык. За каждым предложением стоят многие дни исторических изысканий! Получил истинное наслаждение, пролистывая страницы Ваших работ. Я думаю, что буду не раз к ним возвращаться. С пожеланиями творческих успехов. Искренне Ваш, Николай Александрович Еремин, доктор технических наук, г.Москва.

С интересом прочёл ваши книги, где так кропотливо собраны документальные сведения по истории сибирского казачества. Эта тема мне близка, потому что родовые шуховские корни связаны с запорожскими казаками. Желаю вам успехов в ваших многотрудных и плодотворных историко-краеведческих разысканиях. Всего вам доброго! Ваш Илья Иванович Шухов (прозаик, переводчик, сын писателя И. П. Шухова, г.Алматы).

В Пресногорьковке есть мой большой друг, известный профессиональный историк, краевед, учитель высшей категории Виниченко Сергей Николаевич. Он написал массу книг и каждый год изыскивает какие-то артефакты. Он создал такую систему, что просто не отрываешься от его книг...

Доктор юридических наук С. М. Жалыбин
(из телеинтервью 13.07.18 г.)

В книгах все как на ладони: и тесно, и просторно, а главное - последовательно и вразумительно...

Иван Шмыглов, читатель.

Каждая из книг является органическим продолжением предыдущей, а в полном сочетании является колоссальным по объему, глубоким по содержанию плодом подвижнического труда автора... Чтение изменяет представление о прошедшем времени в такой степени, что меняет едва ли не все мироощущение читателя...

В. В. Стародуб, краевед,
заслуженный работник науки и образования РК.

Благодаря автору сотни людей знают свои корни, историю своей родины, жизнь своих земляков, изложенных в документальных повестях...

Г. М. Абрамова, журналист.

Содержание

Глава I. Офицеры I-го военного отдела Сибирского казачьего войска	9
Последний атаман (Набоков Ф.К.).....	9
Федор Шубин, герой Бородинской битвы, основатель Акмолинского укрепления	22
Потанины из редута Островного	28
Полковник Семен Елгаштин и его потомки	37
Три войны Николая Кубрина	43
От рядового до командарма (Глебов Ф.Л.)	57
Тайны отставного генерала (Нарбут И.Я.)	75
 Глава II. Нездешние	79
Жизнь за веру (Преображенский В.А., игуменья Евпраксия)	79
Люди и судьбы (Шехтер А.П.).....	101
 Глава III. По данным архивов	105
К истории развития торгово-экономических отношений на Пресногорьковской линии в XVIII –XX веках.....	105
К истории строительства крепостей – звезд в середине XVIII века.....	116
Гайдамаки на Пресногорьковской линии	126
Топонимика Пресногорьковской станицы.....	134
Тайна старого погоста (о бое под Пресногорьковской)	137

Сибирские казаки в Западно-Ишимском
восстании 1921 года 142

Глава IV. Поисковые материалы 173

Леонтий Садовой против генерала Пепеляева 173

Пограничные рубежи Николая Киженцева..... 177

Перегон (о катастрофе ИЛ-4 в августе 1943 года) 181

Имена на граните (военная история одной семьи) 184

Фотографии станичников

Слабая память поколений
сберегает лишь легенды...

Станислав Ежи Лец

Глава I. Офицеры I-го военного отдела Сибирского казачьего войска

Последний атаман

На Генеральском острове давно поселилась тишина, лишь мягко шелестят заросли сухого камыша и бьет на взлете крылом тугую воду Убагана взлетающая в небо пара лебедей... Остров бережет свои тайны, скрытые от глаз пытливых краеведов, время от времени ступающих на его берега. Но, может быть, их поиски все же приоткроют завесу над ушедшим временем...

1 мая 1813 года в Омске, при большом стечении народа, было открыто войсковое казачье училище, ставшее позже Сибирским кадетским корпусом, из стен которого вышли блестящие офицеры русской армии. Открытие училища благословил иконой Святого Николая Чудотворца атаман Сибирского линейного казачьего войска Федор Карпович Набоков[12,с.136]. Он был последним атаманом из «природных» сибирских казаков, выросшим на крепостной линии самобытным офицером, чья жизнь и служба крепко связаны с родными местами.

Семья

Отец будущего атамана Карп Петров Набоков скончался 29 ноября 1778 года в крепости Пресногорьковской в возраст-

те 35 лет[7,МК1778]. Он был на несколько лет младше супруги Марии Ивановны и оставил ее вдовой с Федором(1768 г. р.), Василием и малолетней Татьяной на руках.

Драгунские полки, расположенные в крепостях и редутах с момента основания линии - Луцкий, Вологодский, Олонецкий и два пехотных Ширванский и Нотебургский - были приведены в Сибирь генералом Теофилом фон Киндерманом из российских губерний еще в 1745 году. Драгуны и гренадеры составляли основную часть гарнизонов крепостей. В 1765 году на линии появились драгуны Ревельского, Азовского и Троицкого полков. Вместе с казаками Ялуторовского ирегулярного полка, донскими и яицкими казаками, башкирами и мещеряками, проходящими здесь годовую службу, они строили крепости в 1752-м и перестраивали их в 1765 - 75 годах. После «пыльного похода» 1771 года Екатерина Великая посчитала, что полки, не удержавшие в российских пределах орды калмыков, подлежат расформированию и учредила на их основе легкие полевые пятисотенные команды. Вновь созданные воинские соединения принимали активное участие в подавлении мятежного Пугачева в пределах Оренбургской губернии. В их составе сотниками и пятидесятниками служили гайдамаки, сосланные в сибирские крепости после разгрома Запорожского казачьего войска. Карп Набоков также принимал участие в «замирении». Получив в крепости Пресногорьковской 19 января 1774 года боезапас и ружье, он отправился в составе пятисотенной команды на подавление мятежа. Тот факт, что Карп принадлежал к казачьему сословию, а не к драгунам, подтверждает запись в метрической книги Никольской церкви за 22 июля 1770 года о рождении у казака Набокова дочери Марии, крещенной в крепостной часовне Троицкого драгунского полка. Восприемницей определена жена коменданта Михайлы Зайцова Вера Симоновна.

Запись в формулярном списке о службе обер-офицеров за 1813 год также свидетельствует о том, что Федор происходил из урядничих детей, стало быть, из казаков, а не из драгун.

Разница в возрасте между мужем и женой в зауральской глуши никого не смущала – население было немногочисленным, в течение десятилетий люди боролись с жуткими морозами и глубокими снегами зимой, жарою и засухами летом, взаимоотношения с южными соседями были жесткими и перерастали временами в боевые столкновения, потому жизнь поселенцев была недолгой. Мария Ивановна присмотрела в редуте Пресногорьковском жену для пятнадцатилетнего Федора. Ею оказалась полная тезка будущей свекрови, восемнадцатилетняя старшая дочь отставного казака Ивана Васильева Хлебникова Марья. 28 ноября 1783 года молодые были обвенчаны в деревянной Свято-Никольской церкви, стоявшей в самом центре новой восьмиугольной земляной крепости, построенной по приказу генерала фон Шпрингера. Церквушка дожила до конца века и сгорела. На ее месте в 1805 году зауральские зодчие воздвигли каменный храм, величественно парящий над окружающей местностью уже более двухсот лет.

Семья тестя была многочисленна, у Ивана и Орины (Ирины) были свои дети - Павел, Поликарп, Агафья, Парасковья, и «дети на пропитании» - Алексей и Марфа. В семье проживала и мать Ивана, престарелая Анисья Козмина (1715-1789) [Исповедная книга кр. Пресногорьковской, 1787]. Из-за большого количества детей-сирот в Сибири и невозможностью каким-то образом обустроить их, правительством было принято решение отдавать детей в семьи поселенцев «на пропитание» до достижения ими трудоспособного возраста. За такое попечительство главы семейств получали денежное довольствие. Поэтому, у многих старых по возрасту казаков и отставных драгун в ревизских сказках того времени были записаны совсем маленькие дети.

Первенцы Набоковых, Иван и Лукерья, умерли в младенчестве – детская смертность была высокой из-за полного отсутствия медицинской помощи, младенцы умирали от поноса, горячки, «живота» и неизвестных болезней. Позже на свет появились четыре девочки – Авдотья (1789), Анастасия (1791), Лизавета (1793), Марфа(?) и сын Семен (1794) [7, ИАОО, ф.16].

Воинская служба

1 июля 1784 года Федор Карпов сын Набоков начал нести службу в крепости Пресногорьковской простым казаком [8, ф.489]. Он познал все ее тяготы и лишения, которые были неизмеримо тяжелы. Государева плата казакам за охрану границы, так называемой Симовой черты, строительство укреплений и домов, подвозку леса, рыбную ловлю, сопровождение караванов далеко на беспокойный юг, была ничтожно мала. Только через семь лет Федор стал младшим урядником (капралом), а 1 апреля 1795 года – пятидесятником. Последнее звание он получил за отражение нападения на редут Сибирский, самый западный на Новошимской линии. Командовал небольшим гарнизоном майор фон Элинсберг, который заметил смелость и решительность Набокова. Четырехугольный квадрат стометрового земляного редута, с воротами, повернутыми к казачьему тракту, до сих пор хорошо просматривается на гугловских картах у озера Мохового, в шести верстах от современной Песчанки. На этих валах Федор получил ранение копьем в руку. Охранявшие границу казаки редута контролировали черту, проведенную от отряда Алабужского до реки Абуган, объезжая «довольно большие пирамиды, сделанные из дерна камня и окопанные».

Будущий атаман был невысок ростом – 165 см., лицом бел, имел глаза серые, волосы светло – русые, нос посредственный, прямой, «говорит порядочно, читать и писать по-русски не умеет, в походах не бывал».

Казахско-российские отношения на линии крепостей в конце XVIII века были напряженными – остро стоял вопрос о земле. Линии, пролегшие в междуречье Тобола и Ишима, перекрыли пути кочевков к зауральским пастбищам родам Среднего жуза. Еще сохранялась в народе память о пугачевщине, «бунте бессмысленном и беспощадном», а в Младшем жузе уже активно действовали отряды старшины рода байбакты Сырыма Датулы и Коктемира. Часть степной аристократии, кочующей вдоль линии, была обласкана царскими чиновниками. Об этом писал капитан Иван Андреев, проехавший от Семипалатинской крепости до Пресногорьковской в 1789 году: «... от крепости Святого Петра по линии до крепости Пресногорьковской как верноподданного Вали-хана волостей, потому ж доброжелательного и испытанного в верности к российской стороне Кулебаки-батыра..., таковых же доброжелательных старшин, как то Байжигит-мурзы с братом его Кусяш-батыром, Бабука-батыра, Бачек-батыра, Сарыгалдак-хози Утяшева... конские табуны по местам пропускаемы на зимнее содержание в жилую сторону российских границ со взятием аманатов в залог постоянства и подписок волостей по годам атагайской, кирейской, уваковской и чаргитим-чак-чацкой»[2, с.28]. Рядовые кочевники, не имея возможности перейти линию, вели боевые действия – отгоняли скот, нападали на редуты, сжигали заготовленное сено. В 1801 году начальство оказало Набокову особое доверие - в свите казахских депутатов он отправился в Санкт-Петербург и некоторое время находился при дворе императора Александра I, где был награжден ста рублями и чином хорунжего.

В 1803 году с сотней казаков он ходил в поход в степь против хана Вали. Через три года с отрядом в три сотни человек Набоков выступил против султанов Болы и Агатая. В 1807 году командирован был с отрядом для возвращения угнан-

ных у хана Вали мятежными кипчаками табуна лошадей в полторы тысячи голов, с отрядом в 270 человек разбил аргын, производивших набеги на Сибирскую казачью линию [8, ф.489]. В 1804 году Федору Карповичу подчинялись казачьи отряды всей Пресногорьковской дистанции, протянувшейся на 169 верст с форпостами Сибирским, Песчаным, Крутоярским, Пресногорьковской, Кабаньей и Пресновской крепостями, редутами Камышловским, Пресногорьковским, Пресноизбным, Островным, Новорыбинским, Кладбинским. В них служили 57 урядников и 892 казака [ИАОО, ф.67].

В 1808 году император Александр I подписал Указ о создании Сибирского линейного казачьего войска и тут же начался вывод регулярных войск в центральные губернии России. Они сыграли важную роль в Отечественной войне 1812 года, участвовали в Бородинской битве и заграничном походе русской армии. Обязанности охраны протяженной Сибирской пограничной линии были возложены исключительно на сибирских казаков. Федор Карпович Набоков был поставлен во главе войска, состоявшего из десяти полковых округов и расположившегося от реки Тобол до Усть – Каменогорской крепости на Иртыше. К этому времени он владел грамотой, читал и писал «по-русски». Недостаток военного образования, огромные территории, отсутствие связи и дорог, не позволяло ему эффективно управлять созданным войском. Сменивший Набокова на должности атамана С.Б.Броневский пишет: «... Назначен был майор Набоков, офицер ревностный и деятельный, с достоинствами, достаточными для казачьего быта, но не для управления войском, составлявшим уже огромную уланскую дивизию» [Записки С.Броневского.-//Исторические записки, - Спб,1889].

В 1813 году с отрядом в 350 человек в городке Ишим атаман умирал взбунтовавшихся военнопленных поляков, союзни-

ков Наполеона. Художник Николай Каразин посвятил этому событию акварель, на которой Набоков зачисляет пленных в казаки и распределяет по крепостям.

Поход в Центральный Казахстан

Особенно известен поход Набокова в Центральные районы Казахстана в 1816 году, где он бывал еще в 1800-м. У озера Зеренды его отряд нашел куски медной руды, представленные генералу Лаврову, будущему начальнику штаба армии Кутузова. Генерал понимал особую важность цветных металлов для бурно развивающейся российской промышленности и отнесся к находкам с большим интересом. Подготовка похода требовала сил и средств, этому помешала большая война, поэтому лишь в 1816 году экспедиция на юг состоялась.

Автору удалось разыскать в архивах рапорт Ф.К.Набокова генерал-лейтенанту Глазенапу, в котором он каллиграфическим почерком на нескольких страницах излагает свои размышления о дальнейшей колонизации Центральных районов Казахстана с учетом опыта экспедиции. Удивительно, но в тексте нет ни одной орфографической ошибки, и язык для офицера-самоучки вполне литературный.

Поход начался «4 мая при многочисленном собрании народа в лагере, отслужив господу богу с водоосвящением, при пушечной из двух орудий пальбе, молебен. В 9 часов пополуночи выступил в поход, при выстреле из орудия», - записал Набоков в дневнике[4, с.30]. К озеру Зеренды вышли три отряда: сам Набоков возглавлял пресногорьковский отряд, инженер - поручик Логинов вел казаков из крепости Пресновской, а третий отряд, в составе которого был макшейдер И.П.Шангин, вышел на юг из крепости Святого Петра.

Сводный отряд состоял из «офицеров 7, нижних чинов 16, казаков Сибирского войска и канониров 156, бергауеров с Колыванокузнецких рудников 7, фельдшер 1, денщиков и слуг 6,

киргизов: старшин 3, вожатых 4, Всего: 200 человек. Из орудий: один 12 фунтовый единорог со 120 зарядами, 350 лошадей, 50 фур и повозок»[5,с.83].

20 мая Набоков соединился с петропавловцами на озере Зеренды, а через два дня у горы Иман-тау встретился с отрядом Логинова. Из зарисовок Ивана Шангина на реке Нура: « 5 августа при заходе солнца, прибыл на квартиру экспедиции караван из 70 верблюдов, следующий из Пресногорьковской крепости в Коканд и принадлежащий казанским татарам. Сей караван, по распоряжению майора Набокова, соединен был с другим на 100 верблюдов и отправленный из крепости Святого Петра от калужского купца Свешникова» и отправлен на юг. Вокруг лагеря было множество кибиток, в коих во всю ночь мушкеты играли в забызги (деревянные дудки) и женщины забавлялись пением и чрез это не давали никому заснуть. Когда же на заре стало тихо, то Набоков приказал сделать переправу на правый берег, сие было исполнено столь тихо и скоро, что киргизы о сем не слыхали»[10,с.98]. При поиске рудных мест особенно отличились сотник Ребров, пятидесятники Вяткин и Буданов, прапорщик Семен Набоков 3-й, переводчик Крайкин.

7 сентября, открыв ряд рудных мест, сделав описание местности, Набоков в верховьях Нуры близ Балхаша принял решение следовать назад, на линию. Он разделил отряд на три части: сам следовал в крепость Петропавловскую, другие отряды двинулись в Коряковский и Семиарский форпосты на Иртыше. Перед выступлением отряды получили наставление и отправились в далекий путь после выстрела из единорога. За пять месяцев были исследованы горы Зеренды, Имантава, Жамантау, Сандыктау, Улутау, Якшиянгизстава, бассейн реки Нура. Собранные им данные о местности и населении были использованы для дальнейшей колонизации территории нынешней Акмолинской области. По словам Н.Симонова: « При

одном его имени все замирало в степи. Мужества, беззаветной отваги Набоков требовал от каждого всадника своего полка, и его казаки были на славе»[9,с.5].

Воспоминания об офицере сохранили не только истории войска, но и народная молва. Интересна записанная в 1894 году в селе Башкирском (Половинский район, Курганской области) легенда о Набокове.

«Не доезжая 15 верст до Башкирского, около небольшого озера казаки стали лагерем. Озеро сейчас носит название «Набоково» (озеро расположено в двух км от п. Гренадерка, Узункольского района – прим.С.В). Ужас, наводимый им, был так велик, что в степи его называли царем. В этих местах жил тогда киргизский князь, имевший огромные табуны лошадей. Он много слышал о Набокове и хотел померяться с ним силами. Его слова дошли до атамана и он тут же приказал седлать лошадей и скакать в аул. Князь вышел из юрты. Офицер подъехал к нему и спросил: «Есть ли у тебя столько хлеба и молока, чтобы накормить моих казаков?». Князь ответил утвердительно и приказал кипятить в котлах молоко. Когда молоко в казане закипело, Набоков схватил князя за пояс, приподнял и начал валить в казан. Князь боролся с Набоковым и в конце-концов признал его силу»[11, с.227]. Казаки основали сторожевой пикет Шибаево (ныне село Воскресенское РФ, таможенный пост) и небольшое сельцо Набоково, которое сейчас не существует.

Федор Карпович вышел в отставку в 1822 году. Однако характер атамана требовал постоянной деятельности. В последнее свое дело подполковник Набоков ушел в степь для открытия внешних округов - в 1830 году из крепости Пресногорьковской к урочищу Аман-Карагай, в 100 верстах к югу от линии. Отряд его состоял из 2-х обер-офицеров, 13-ти урядников и 128-ми казаков. Он выполнял приказ генерал-губернатора Вельяминова, решившего по просьбе султанов Сарта

Ючина, Догана Хлибабина, Конур-кульджи Худаймендина открыть округа в их кочевьях. В основанном казаками Набокова Аманкарагайском пикете, в местности Кара-оба на реке Обеган, в 1834 году проходила церемония избрания Чингиса Валиханова старшим султаном Аманкарагайского приказа. На ней присутствовал полковник Федор Кузьмич Шубин, основатель Ак-Моллы [13, с.145]. Случилось это событие уже после смерти Набокова. Пикет существовал еще долгие годы. В 1836 году командиром его был сотник Хлебников, командовавший отрядом из 120 казаков и 11 урядников. В 1843 году в урочище служили 173 казака и артиллерийская команда из 12 человек и 195 пехотинцев 2-й роты Сибирского №3 линейного батальона.

Версии автора о захоронении Ф.К.Набокова

Праправнук атамана, Павел Павлович Набоков, проживающий в Челябинске, отыскал в Омском архиве метрическую книгу Пресногорьковской церкви за 1831 год. В ней записано: «17 августа Аманкарагайского отряда начальник, подполковник Федор Карпов Набоков, умер от лихорадки, 62 года, исповедан, причащен и погребен священником приходским в Аман-карагайском отряде Гавриилом Андреевичем Нассоновым»[6,с.211].

Эта запись заставила автора по иному рассмотреть версию захоронения атамана в Пресногорьковской крепости, которую он изложил в книге «Живая старина Пресногорьковской линии»[5,с.82]. Долгое время я полагал, что тело подполковника было привезено из Аманкарагайского приказа казаками в Пресногорьковскую крепость по тракту вдоль правого берега реки Убаган, через пикеты Таволжанский, Ершовский, Улукульский, Сибирский и предано земле у стен церкви сразу после кончины Набокова. Расстояние небольшое - около ста километров по Убаганскому тракту. Была и запись в одном из документов Омского архива, согласно которой эта версия

подтверждалась. Новая находка заставила автора подумать о другом месте захоронения. Изучая акварель Чокана Валиханова «План летних стоянок аулов Кушмурунского округа», написанную им в 1852 году, автор обнаружил в дефиле озер Талы и Копа надпись, сделанную рукой Чокана - «могила Набокова». Сегодня полуостров между озерами превращен разливами Убагана в остров, на который трудно попасть – он зарос камышом, восточный берег озера Копа сильно заболочен. В документах, касающихся гражданской войны, говорится, что на острове в апреле-мае 1919 года скрывались от белых «партизаны» группы Мочалкина, здесь же в послевоенные годы жили сосланные ингуши и чеченцы. По данным сарыкольского краеведа Яны Ванжи остров ныне (май 2019 года) имеет следы пребывания человека, изрыт буграми и ямами, покрыт редким кустарником. Местность подвержена частым пожарам, уничтожающими травяной покров, редкую растительность и густой камыш. Сегодня найти место захоронения атамана не представляется возможным.

Местные жители называют остров «Генеральским», или Киндик [3,с.91]. По легенде сюда приезжал охотиться какой-то генерал и скоропостижно скончался. Известно, что в ноябре 1834 года Аманкарагайский внешний округ посетил с инспекцией казачьего войска генерал Мусин-Пушкин, но он в конце ноября благополучно прибыл в Омск.

Надо понимать, что любой приезжий с блестящими эпохеами офицера русской армии воспринимался коренными жителями как большой начальник, да и Набоков мог действительно простыть на охоте, а жаркое лето не позволило везти умершего на линию. На предполагаемом месте захоронения последнего атамана житель Кара-обы посадил ель, но местные старожилы уверяют, что прах «генерала» позже был выкопан и отправлен в Москву (источник – К.С.Бешимов). Ясно, что

останки Набокова были перевезены в конце XIX столетия и преданы земле там, где он родился и был некогда крещен - у стен храма в станице Пресногорьковской. По воспоминаниям старожилов, в 30-е годы прошлого века на церковном погосте было три памятника и несколько чугунных плит каслинского литья (одна из плит лежала на могиле генерала В.И. де Сент-Лорана, умершего в 1831 году, была передана в Кустанайский областной краеведческий музей в 1972 году – прим.С.В). Все это вместе с кованым забором, окружавшим кладбище, растащили местные товарищи, используя куски чугуна в качестве гнета при солении капусты и огурцов.

Время и люди постарались стереть следы церковного кладбища, и отыскать могилу некогда грозного «Чоборбатыря»[1,с.28], как называли Набокова в Степи, ныне не представляется возможным.

Судьба семьи

Брат атамана, Василий Карпович Набоков 2-й, дослужился до есаула и был уволен со службы в 1812 году. В это время он служил в редуте Сибирском, где 11 мая 1811 года у него родились близнецы Николай и Константин, а 20 мая следующего года - сын Иван. Елизавета Федоровна Набокова 11 мая 1811 года была повенчана в крепости Звериноголовской с инженерной команды капитаном Логином Щелоковым. Семен Федорович Набоков 3-й вступил в службу 1 января 1809 года. Во время похода в Центральный Казахстан в чине прапорщика командовал расчетом единственного орудия - единорога. В 1828 году он был командиром в редуте Преснокамышловском. Вдова Мария Ивановна Набокова проживала в Пресногорьковской, о чем говорится в ревизской сказке от 8 июля 1834 года «о дворовых людях подполковницы Марьи Ивановой Набоковой, приобретенных покупкою от майора Капичевского, и ныне находящихся

ся при ней, Набоковой, Петропавловского округа в крепости Пресногорьковской, где и приписаны к собственному ея дому».

Примечание: все даты приведены по старому стилю.

Источники:

1. Абдиров, М.Ж. История казачества Казахстана. - Алматы,1994.
2. Андреев, И.Г. Описание средней орды киргиз-кайсаков, - Алматы. Гылым,1998.
3. Бейсенбайулы, Ж.Чокан Валиханов - Астана,2016.
4. Виниченко, С.Н. Листая старые страницы,- Курган,2014.
5. Виниченко, С.Н. Живая старина Пресногорьковской линии, - Курган, 2012.
6. МК Пресногорьковской церкви за 1831 год. Запись 63, стр.211об.
7. МК Пресногорьковской церкви за 1778,1783,1785,1786,1811,1812 гг. (ИАОО, ф,16), <http://ka-z-ak.ru/index/>
8. Российский Государственный исторический архив, ф.489,оп.1, д.3067
9. Симонов, Н.А. Очерк службы №1 Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка».- Москва, 1901.
10. Сибирский вестник, - Спб.1820.
11. Страницы истории Половинского района, - сост. Дедов А.И., Курган,2009.
12. Шулдяков, В.А. Александровцы.-// в кн: Тобольск и вся Сибирь. Омск – 300 лет. Тобольск, 2016.
13. Путинцев Н.Г. Хронологический перечень событий из истории СКВ. - Омск,1891.

Федор Шубин, герой Бородинской битвы – основатель Акмолинского укрепления

В двадцатые годы XIX столетия военным комендантом крепостей Пресногорьковской и Святого Петра был Федор Кузьмич Шубин. Он командовал отрядом, заложившим Акмолинское укрепление, ныне известное всему миру как город Нур-Султан.

Федор Кузьмич родился в 1783 году. В 1799 году, после службы в Омском гарнизоне поступил в Селенгинский мушкетерский полк. В 1806 году из восьми рот полка был сформирован Якутский пехотный полк. Шубину пришлось участвовать в прусской компании 1806 -1807 годов на последнем ее этапе. Перед началом войны с Наполеоном Шубин служил в Москве и в октябре 1811 года, уже в чине штабс-капитана, стал командиром одной из рот в 3-м батальоне 50-го егерского полка 27-й пехотной дивизии генерала Неверовского.

Боевой путь Федора Шубина в воспоминаниях офицера 50-го егерского полка

О боевых действиях 50-го егерского полка оставил интересные воспоминания Николай Андреев (1792 - 1870 гг.). Весной 1812 года военные понимали, что война с Бонапартом неминуема и она не стала неожиданностью. Полк перебросили на западную границу России. «Мы проходили Можайск, Гжатскую пристань, Вязьму, Смоленск и частью Минской губернии, не воображая, что через два месяца будем на сей кровавой дороге, устланной трупами человек», – пишет Николай Андреев. Первые дни войны обернулись для армии отступлением. «...Шли так скоро, что нередко делали 70 верст в сутки, не имея времени сварить кашицы солдатам, часто навешивали котлы, разводили огни и в мгновение варку сию убирали, выливали наземь и продолжали ретироваться. Было начало

июня, жар нестерпимый. (...) В больших лесах бывали пожары, зрелище ужасное, для нас трудное и опасное для артиллерии. По дороге обе стороны были в огне. Как нас Бог пронес, это непостижимо» – повествует мемуарист Андреев. Первым боем в этой войне для Федора Шубина и его сослуживцев стал бой под Красным. Основные силы Великой армии наткнулись на ожесточенное сопротивление на улицах городка. «Утром генерал Неверовский получил извещение через казаков, что неприятель показывается в сильных массах, – пишет Андреев, – в 10 часов утра показались передовые казаки и сказали, что ужасная валит сила конницы неприятельской. Мы полагали, что они преувеличили, но вышло справедливо». Картечь разила французов, они были опрокинуты, но решили обойти городок и окружить 27-ю дивизию Неверовского. Далее последовал отход дивизии практически по чистому полю, так как «неприятель не допускал нас выйти на дорогу, которая с царствования Екатерины Великой обсажена в два ряда по сторонам густо березами, что мешало бы более кавалерии близко к нам доезжать». «Всего нас было девять баталионов, а их – ужас! 38 полков отличной кавалерии и начальник их Мюрат... Ура! 27-я дивизия не поддалась. Голубчики не трусили и не дали неприятелю торжествовать», – пишет Андреев об этом отходе.

Егеря 50-го полка приняли активное участие в битве за Смоленск. Во время отступления из города Андреев оказался у моста через Днепр, через который шла отступающая русская армия. Саперы готовы были вот-вот взорвать мост, но Андреев успел предупредить свой батальон и вывел его на другой берег. «...По случаю, что мне вздумалось проехаться, наш батальон и я спаслись от плена. То было Провидение Всевышнего» - считал он впоследствии. За Шевардинский бой 24 августа 1812 года Федор Шубин был представлен к ордену Св. Владимира IV степени. В «Списке отличившимся господам штаб -

и обер-офицерам в сражении при селении Бородине 24 и 26 августа», подписанном генералом Неверовским, действия его и других офицеров полка описаны так: «24 августа, находясь со стрелками и егерями в цепях, защищались отменно храбро и, наконец, также неоднократно прогоняли неприятеля назад».

Николай Андреев пишет о начале Бородинской битвы: «В полдень 26-го я с капитаном нашим Шубиным поехал на пригорок, где слышался необыкновенный шум, и что же? Мы видим: два кирасирские полка, Новороссийской и Малороссийской, под командою генерал-лейтенанта Дуки пошли на неприятельскую батарею. Картина была великолепная! Кирасиры показали свою храбрость: как картечь их ни валила, но хотя половиною силы они достигли своей цели, и батарея была их. Но что за огонь они вытерпели, то был ад! За любопытство наше капитану Шубину оторвало правую руку, но впрочем, на все судьба: это могло бы и, не трогаясь с места быть, отделиться нельзя. Мы видели, как Семеновский полк, несколько часов стоя на позиции, не сделав ни одного выстрела, был ядрами уничтожаем». Кирасиры генерала Дуки около 10 утра отбивали французские атаки на Багратионовы флеши. Таким образом, Шубин выбыл из строя еще до того, как дивизия Неверовского сменила на флешах погибшую почти полностью дивизию Воронцова. К вечеру почти никого не осталось от дивизии Неверовского и от 50-го егерского полка в том числе. «Проезжая поле, я увидел лошадей нашего полковника и спросил у музыканта Максимова, где полковник, не убит ли? К счастью, тот показал, что тут лежит, жив; он не сказал, а показал пальцем. Я подошел к нему, и он с горестию сказал, что полка нашего не существует. Это было в 7 часов вечера. Я поехал вперед к деревне Семеновской, которая пылала в огне. На поле встретил я нашего майора Бурмина, у которого было 40 человек. Это был наш полк».

Федор Кузьмич Шубин – основатель Акмолы

Отечественная война для Федора Кузьмича Шубина закончилась. Подлечившись, он попадает на службу в Сибирь и в 1816 году состоит на должности помощника коменданта Бийской крепости. В 20-е годы получил назначение в Пресногорьковскую крепость, далее служил комендантом в Ямышевской на Иртыше, а с 1828 года становится начальником крепости Святого Петра (ныне г. Петропавловск). В 1829 году жители, старшины и султаны Алтаевской, Карпыковской и Кувандыкской волостей, измученные набегами кокандцев, попросили русские власти взять их под защиту и поручить это дело Федору Шубину. Вследствие просьбы султанов Ючина, Конур-Кульджи Худаймендина генерал-губернатор Вельяминов, «предполагая приступить к дальнейшему открытию в степи внешних округов», командировал в кочевья пять отрядов из крепостей Пресногорьковской (командир Набоков Ф.К.), Николаевской (начальник майор Камаев), форпоста Коряковского (войсковой старшина Лединев), Усть-Каменогорской (подполковник Костюнин) и Петропавловской на урочище Ак-Моллы под команду полковника Шубина, в составе 4-х офицеров, 21-го урядника и 160 казаков. 28 мая отряд вышел из крепости и направился на юг. Зауряд-хорунжий Шахматов и топограф Козлов составляли в пути детальное описание местности. К середине июня вышли на Ишим и выбрали для форпоста урочище Кара-Уткуль (Черный брод) отсюда можно было держать под контролем переправу через реку. 18 июня делегаты от местной степной аристократии одобрили выбор места и дали в этом расписку. 1 июля по новому стилю стал днем основания будущего города Нур-Султана, нынешней столицы Республики Казахстан.

20 июля полковник Шубин отправил рапорт начальнику Омской области генерал – лейтенанту де Сент-Лорану. В

нем говорится о подготовке к торжественному открытию приказа – были приглашены «почетнейшие родоначальники из среды киргизского народа», российские чиновники и толмачи разместились в юртах. Но нехватка выделенных средств отодвинула празднества на неопределенный срок.

Гости начали откочевывать вглубь степи «для удобства кормов, коих вблизи водворения округа стало недостаточно, что в последствии может тоже служить остановкою, а между тем никаких еще зданий для приказа, кроме казармы, конюшни и магазейна, не возведено, хотя строевой лес и заготовлен на расстоянии от места приказа около 85 верст, но так как вьючные казачьи лошади состоят в довольно изнуренном теле и могут обращены лишь на одно заготовление сена, коего должно поставить по крайней мере 250 или более скирдов, вывозки дров для отопления, то по неприсылке ко мне строительной суммы я лишен совершенно средств принять особые меры к перевозке выготовленного для строений леса доколе способствует еще время и не наступила осенняя ненастная погода, что полагал бы я с моей стороны удобным сделать посредством найма крестьян, прибывающих сюда с транспортами, а не менее и чрез киргиз, ибо без сего при всей деятельности и неусыпных моих попечениях невозможно будет до начала зимы окончить помещения для приказа, чиновников и прочих должностных лиц». Несмотря на нехватку средств де Сент-Лоран потребовал от Шубина немедленно провести церемонию открытия округа.

Акмолинский округ был открыт 22 августа 1832 года. Султан Конур-Кульджа Кудаймендин присягнул первым, за ним – его семья, свита, старшины и заседатели. В ознаменование события были даны салют из ружей и 31 пушечный залп. Над юртой, в которой располагалась канцелярия округа, подняли флаг с надписью «Акмолинский округ»: с одной сто-

роны – российский герб, с другой – казахский воин на белом коне, с натянутым луком и колчаном стрел за спиной. После этого состоялся большой праздник с развлечениями для всех: и для русских - солдатам выдали по чарке вина и по фунту говядины, и для казахов - для них устроили байгу. Шубин сухо писал об этом событии в донесении омскому начальству: « ... Представленный открытию моему в киргизской степи четвертый внешний округ под названием Акмолинский, по собранию султанов, биев старшин и народа в 22-е число сего месяца и по избрании оными из среды себя добровольно старшего султана для управления округом и председательствования в диване султана Конур Кулджу Худаймендина, кандидата ему, двух заседателей от киргиз и кандидатов им, волостных султанов, и по приводе первых трех на верность службы к присяге торжественно того числа открыт Акмолинский окружной приказ, которой и принял свое действие».

Осенью 1832 года тяжело заболевший Шубин был отправлен в Петропавловскую крепость. 30 августа 1834 года он побывал в урочище Кара-оба (ныне Сарыкольский район Костанайской области), где вместе с есаулом Швабским присутствовал при избрании старшим султаном Аман-карагайского округа Чингиса Валиевича Валиханова. За укрепление российско-казахских отношений полковник Федор Кузьмич Шубин был награжден орденом Святой Анны II степени. Время и место смерти героя Бородинской битвы и основателя Акмолинского укрепления определить не удалось.

Источники:

<http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Andreev1/part02.html>).

<http://www.elim.kz/article/186/>)

https://www.ap22.ru/paper/paper_10820.html

Потанины из редута Островного

В середине XIX века в 150 верстах к западу от уездного города Петропавловска, на казачьем тракте, между двух огромных озер, уютно расположился небольшой поселок Островка, приписанный тогда к станице Пресновской. В 1878 году в нем проживало ровно 700 жителей обоего пола, занимавшихся земледелием и скотоводством. Село Островка упразднено в прошлом 2018 году. Для историка оно интересно событиями гражданской войны, оставившими на западной окраине села братскую могилу. В ней лежат красные бойцы 35-й дивизии, попавшие в железный капкан Сибирского казачьего корпуса теплым сентябрьским утром 1919 года. Отсюда прорывались к Казанской остатки изрубленного 43-го полка под командованием будущего маршала, героя Сталинграда, Василия Ивановича Чуйкова. Но, кроме названных событий столетней давности, есть еще одна веха в истории нашего края, которая будет время от времени возвращать пытливого читателя к этому оставшемуся лишь на старых картах названию – Островка, Островный, Островский...

Эта веха - жизнь в наших местах Ильи Андреевича и Николая Ильича Потаниных, деда и отца известного путешественника, этнографа, писателя Григория Николаевича Потанина (1835 - 1920 гг.). После основания Новоишимской (Пресногорьковской) линии крепостей и редутов, протянувшейся от урочища Звериная голова на Тоболе через край горько-пресных озер до Омской крепости на седом Иртыше, появились в этих местах городские казаки из сибирских слобод и острогов – Тюмени, Царева кургана, Тобольска. Прадед Григория Потанина Андрей прибыл с братом из Тары в середине 50-х годов и был одним из первых строителей редута Второпресного, простоявшего до 1764 года.

Сын Илья, родившийся здесь, дослужился до сотника в основанной позже Островке, предположительно возникшей на месте упраздненного редута Второпресного (самая ранняя запись об Островке найдена автором в «Списке крепостей и редутов Сибирской линии» за 1802 год). В литературе встречаются упоминания об участии Ильи в Отечественной войне с Наполеоном, но ряд аргументов опровергают это предположение. К 1812 году Илья был в почтенном для службы возрасте, кроме того, сибирские казаки принимали участие в Отечественной войне лишь в составе выведенных ранее генералом Антоном Скалоном (1808 – 1809 гг.) армейских полков. Кроме службы Илья занимался разведением и торговлей лошадьми, в которых знал толк. Бабушка Степанида рассказывала маленькому Грише как дед возил ее в телеге с утра до вечера по пресновской лесостепи, показывая бесчисленные косяки лошадей, а когда он скончался (после 1820 года – прим. С.В.) в Островку, для дележа скота между тремя братьями, пригнали коров и овец и загнали в загоны трех домов, а лошадей даже не пригоняли – делили в степи. Илья поддерживал связи с богатыми и влиятельными баями, имел тамыров во многих аулах, часто ездил в гости и сам принимал степных гостей. Особенно гордился он письмом хана Абылая, показывая всем оттиск печати, сделанным перстнем самого хана (сложно сказать, принадлежало ли письмо хану, было ли адресовано Илье Андреевичу или кому-то другому – Абылай скончался в 1784 году, но оно было несомненной реликвией сотника).

Состоятельный Иван Андреевич Потанин, прослышав об открытии в Омске войскового казачьего училища в 1813 году, отправляет учиться сыновей Дмитрия (1792 г.р.) и совсем маленького Николая (1801 г.р.). Училище открыл давний его знакомый, пресногорьковский майор, атаман Сибирского казачьего войска Федор Карпович Набоков (1768 -1831 гг.). Поначалу из

его стен должны были выпускаться урядники, а с 1822 года – офицеры войска. Содержание воспитанников целиком ложилось на казачьи общества и родителей. Старший сын Дмитрий (18 лет, из казачьих детей, 2 аршина 3 вершка; лицом бел, глаза серые, волосы светло-русые, щедро вихров (?), нос средний, говорит просто, [в службе казаком] с 811г., холост. – Списки СКВЛ, 2-й полк) уже имел звание урядника и был приглашен продолжить образование. Дмитрий служил на Иртыше, в станции Семиарской, будучи есаулом, командовал 7-м казачьим полком. В 1825 году им с помощью казаков в Семиарской была построена каменная церковь Всемилоственного Спаса. «Церковь с двумя колокольнями, которые не примыкают к центральному зданию с куполом, а выстроены в виде отдельных башен, одна к северу, другая к югу от церкви, купол над центральным зданием плоский, и весь ансамбль этого сооружения скорее напоминает мечеть, чем церковь», - вспоминал Григорий Потанин.

В 1838 году был председателем Семипалатинского земского суда, был награжден орденами Святой Анны 3-й и 4-й степеней. Дмитрий Ильич имел влиятельные связи в Омске, сумел приумножить доставшееся от отца достояние (до 10 тысяч голов лошадей). Кроме того, в 1833 году он удачно женился на дочери томского золотопромышленника Павле Александровне Гороховой (1808 г.р.). У них в 1834 году родилась дочь Елена (Леонтина). Гриша Потанин жил в Семиарской два года (1841-1843 гг.), дядя обещал устроить его после начальной подготовки в столичный кадетский корпус, но в 1842 году простудился и умер. После его кончины Павла вышла замуж за барона Мейршейфа фон Гильзена (ум. 10 апреля 1858 года, погребена: Николаевская церковь села Колыон, Мариинского уезда, Томской губернии).

Николай Ильич Потанин изучал в казачьем училище Закон Божий, историю и географию, арифметику, алгебру («до пропорций гармонических»), геометрию, тригонометрию, грамматику, военную топографию, артиллерию, фортификацию, рисование и черчение пером и кистью. Окончив полный курс со своими товарищами Симоновым, Шрамовым, Панковым, Толмачевым Николай был выпущен казаком в конно-артиллерийскую бригаду войска. В 1821 году по достижении двадцатилетнего возраста он становится урядником, в следующем году получает первое офицерское звание прапорщик с переводом во 2-й конный казачий полк, базировавшийся в редутах Пресновской крепости. В 1829 году хорунжий Потанин был вызван в Омск, где от командующего войсками Западной Сибири генерала И.А.Вельяминова получил приказ сопроводить в Коканд ханское посольство от иртышских форпостов до Ферганской долины. Николай Ильич записал в дневнике: «По воле высшего начальства я был назначен в 1829 г., мая 17-го дня для сопровождения до г. Ташкента коканских посланников, бывших в С.-Петербурге, и кроме сего поручения имел обязанностью делать съемку и описывать по мере возможности положение и свойство тех мест, чрез которые мне проходить надлежало. ...Я необходимостью поставил сообщить моим соотечественникам некоторые о них сведения, полученные мною во время прохождения оных и во время... моего пребывания в городах Ташкенте и Кокане». После курса обучения тонкостям маршрутной съемки Николай Ильич отправился в Семипалатинск. Дорога шла через Ямышевскую крепость, в которой, он, должно быть, познакомился со своей будущей женой. По мнению А.Л.Захаренко: «Потанин, наряду с охраной посольства, подарков хану, должен был выполнить задачи дипломатиче-

ские -расположить к русским хана, его приближенных, правителей крупных городов на пути следования, и научные, посильные целой экспедиции». Николай Ильич находился в поездке с 12 августа 1829 по 24 мая 1830 года. Вместе с ним был конвой из 13 казаков.

Дневниковые записи под названием «Записки о коканском ханстве хорунжего Н.И.Потанина» были опубликованы в популярном «Военном журнале №4,5» за 1831 год. Они были с большим интересом встречены российскими читателями. Впоследствии «Записки» неоднократно переиздавались различными историко-географическими изданиями. Написанные чрезвычайно талантливым, живым языком, «Записки», по свидетельству П.П.Семенова-Тяньшанского, дошли до Александра Гумбольдта и были использованы им в капитальном труде «Центральная Азия».

С 1834 года началась служба Николая Потанина в звании есаула в недавно созданном Баянаульском внешнем округе, начальником военного гарнизона. Происходят изменения и в личной жизни есаула – он женится на Варваре Филипповне Труниной(1811 г.р.), дочери заслуженного артиллериста, штабс – капитана Филиппа Львовича Трунина(1775 – 1841 гг.). Свадьба состоялась в крепости Ямышевской, сюда же в следующем году «отец привез в Ямышево свою жену в дом своего тестя только на короткое время, чтобы дать ей возможность разрешиться от бремени...Мой дед не сделал военной карьеры, потому что имел большую семью, у него было 17 детей, из которых взрослого возраста достигли три сына и шесть дочерей» [Потанин Г.Н.].

Григорий родился 22 сентября (ст.ст.) 1835 года и уже через полгода был увезен в станицу Пресновскую, где провел с перерывом восемь детских лет. Николай Ильич Потанин продолжал службу далеко южнее линии. В 1839 году военный отряд

под его командованием направлялся к берегам Сарысу. Здесь произошел случай, прервавший блистательную карьеру и круто изменивший жизнь всей его семьи. В отряде кроме казаков, были солдаты и артиллерия, которые подчинялись своим командирам. Казак из отряда Потанина взял ружье пехотинца, стоящее на сошках возле палатки, и на охоте выстрелил в воду, повредив ствол. Пехотный офицер наказал казака, не уведомив Потанина. Последний велел арестовать проморгавшего свое оружие солдата. Случай этот перерос в драку между командирами и их подчиненными. Обе стороны отправили рапорт о происшедшем каждый своему начальству. Потанин по приказу генерал – губернатора Западной Сибири П.Д.Горчакова был отдан под суд, год провел в тюрьме и разжалован в рядовые казаки. Не помогло вмешательство влиятельного брата, богатые подношения нужным людям. У Горчакова сложилось мнение о недисциплинированности офицеров-казаков и он принял решение сурово наказать одного из них, чтобы «другим неповадно было».

Николай Ильич оказался в тяжелейшем положении. В 1840 году скончалась Варвара Филипповна (похоронена в Пресновской), чуть позже – брат Дмитрий, единственный, кто помогал ему в судебной тяжбе. Он остался с пятилетним сыном на руках практически без средств к существованию – все состояние было потрачено на прекращение судебного дела. Гриша до смерти дяди проживал в Семиярской, и, приехав в Пресновку в 1843 году, был взят на воспитание в семью полковника Мориса Эллизена, командира казачьей бригады. Отца Григорий видел редко – друзья «назначили отца в состав экспедиций, которые ходили в степь для усмирения киргизского бунта, поднятого Кенесарой, после каждого такого похода начальник отряда представлял моего отца к прощению и возвращению ему офицерского звания. Таким образом, он совершил четыре

или пять длинных походов в степь. Во время экспедиции генерала Сивергельма, в звании рядового казака, доходил до коканских городов Сузака и Чимкента, за недостатком топографов ему поручено было произвести маршрутную съемку вдоль реки Сары-су, от гор Улутау до ее устья. Барон Сильвергельм представил его к награде, но князь Горчаков остался при своем решении не щадить казачьих офицеров». Сделанная Николаем Потаниным топографическая съемка, описание местности вдоль реки Сарысу стали одним из основных источников для составления третьей части (Киргизская степь Западной Сибири. 1852 г.) XVII-го тома фундаментальной энциклопедической работы «Военно-статистическое обозрение Российской империи». Лишь в 1855 году, когда он по выслуге лет числился в запасе, по особому представлению, высочайшим указом императора Александра II ему было даровано воинское звание хорунжий.

В период между походами Николай Ильич жил в своем доме в Пресновской. Вместе с ним проживала сестра Меланья Ильинична с мужем Кирилом Корнеичем. Приходили в гости племянницы – старшая была замужем за казачьим фельдшером Чучкиным, а младшая Прасковья сильно привязалась к двоюродному брату Грише. Она совместно с Элизенами занималась его воспитанием. Заглядывал в гости полковой командир войсковой старшина Симонов, очень дружный с Николаем Ильичом. Бывали в у Николая Ильича добрые знакомые из Степи, желанным гостем в доме был Чингис Валиевич Валиханов, сын последнего хана Среднего жуза Вали. По словам Сабита Муканова: «Николай Ильич был и офицером и российским верноподданным, но выросший среди казахов, он дружил со многими из них. Знакомясь с казахской историей, бытом и культурой, он видел в казахском народе черты добродушия и честности.

Можно сказать даже больше: он полюбил казахов, стремился приобщить их к русской культуре, чтобы открыть дорогу гражданскому росту народа».

Полковник Эллизен был большой любитель заниматься огородом и разведением цветов. Рядом с его огромным домом был посажен огород, а вся примыкающая к дому территория засажена цветниками. Семена выписывались по почте. Эллизен, безгранично уважавший Николая Ильича, пристроил его к этому занятию. Работа в огороде пришлась по душе Николаю Ильичу, семена, подаренные Эллизенем, он сажал и в своем огороде.

«Он был человек практический, ум его был способен к математическим занятиям. От школьной скамьи в войсковом училище он сохранил тетрадки геометрии и тригонометрии. Он любил математику: помнил то, чему учился в войсковом училище, и уже в возрасте шестидесяти лет не забыл формулу, как высчитывать объем тела и измерять плоскости, - но не был совершенно знаком с гуманитарными науками», - писал, вспоминая об отце, Григорий Потанин.

Но главной заботой казака Николая Ильича Потанина было строительство новой большой деревянной церкви. Ему поручили надзор за постройкой и он увлеченно эти занимался – чертил планы, делал разрезы, производил расчеты. Часто его можно было увидеть среди строителей храма во имя Архистратига Божия Михаила, дающего распоряжения строителям. Церковь была освящена в 1847 году. «Построена тщанием прихожан. Зданием деревянная, с такою же над папертью колокольнею, прочна и утварью достаточна» (описание 1914 года). Уроженец Пресновки, известный писатель Иван Петрович Шухов такой видел церковь в 1912 году: ««Срубленная в лапу из могучих лиственничных бревен и обшитая снаружи продольными тесинами с пазами, имитирующими кирпичную

кладку, пропитанная при многократных покрасках вековым наслоением белил, церковь и впрямь выглядела белокаменной. Белокаменной. И в то же время маловесомой, строго – нарядной, слитной, с шатровой, порывисто устремленной в небесную высь, увенчанной жарко горевшим крестом колокольной. Церковь покоилась на самом возвышенном месте станицы - на Древнередутском холме бывшей сторожевой казачьей крепости, обнесенной земляными валами. Оттого-то так хорошо и видна была она издалека - со всех дорог, сходящихся с четырех сторон света к станице».

Найти сведения о последних годах жизни Николая Ильича Потанина не удалось. Появляющиеся в прессе сведения о том, что он с мая 1854 по декабрь 1857 года служил на золотых приисках дальнего своего родственника Философа Горохова ничем не подтверждены. Тем более что купец Горохов вчистую разорился и умер в нищете, потеряв все имущество в 1855 году. Дата смерти Николая Ильича точно не определена, 1858? 1860? год. Не удалось установить и место погребения. Да и столь ли важно знать об этом. Главное – помнить о том огромном вкладе, который внес Николай Ильич Потанин в развитие истории и культуры нашего края в далеком уже девятнадцатом веке.

Читатель, проезжая по шоссе Кустанай-Петропавловск, остановитесь на минуту и постоит на обрыве огромного озера, на северном берегу которого прячутся в туманной дымке крыши домов последних жителей Островки. В скором времени лишь старые карты и книги напомнят нам о ней и о людях, некогда живших под этим вечно безмятежным небом, отраженным в озерной глади...

Полковник Семен Елгаштин и его потомки

В топонимии станицы Пресногорьковской до сих пор сохранились названия Елгаштино болото и Елгаштина пашня, но никто из жителей не знает, откуда дошли до нашего времени эти названия.

Историк Сибирского казачьего войска Георгий Ефимович Катанаев в конце XIX века собирал материалы для истории среднеазиатских походов российской армии. В его личном фонде хранилась рукопись одного из активных участников завоевания Средней Азии Алексея Прохоровича Казина под названием «Воспоминания старого есаула. 1885 год». Занимаясь восстановлением истории Архистратиго-Михайловского женского монастыря, автору удалось обозначить вехи биографии Казина, мужа настоятельницы игуменьи Евпраксии[1]. В первой части воспоминаний мемуарист описывает инцидент, имевший место в 1877 году в Ташкенте. Об этом событии автор прочел ранее в «Московском журнале» № 4 за 2008 год в статье «Полковник из старой песни» буквально следующее: « Одна из старинных военных песен повествует о том, как в 1877 году сибирские казачьи офицеры прогуливались по Ташкенту. Навещая то одного, то другого товарища... Неужели Семен Елгаштин, боевой командир, и в самом деле оказался настолько горяч, что решился, вступившись за честь полка, штурмовать мирный сад, наполненный самой высокопоставленной публикой? Нам не удалось обнаружить каких-либо подтверждений этому... С другой стороны, зная своеобразные нравы «господ ташкентцев» тех времен, можно и допустить, что в основе приводимого описания лежит некий реальный инцидент, сошедший подполковнику с рук»[2]. Год произошедшего события в статье указан неверно, так как оно произошло не позже 1873 года.

В сборнике песен сибирских казаков приведен текст песни, посвященной этому событию. В комментарии к песне говорится, что в ташкентском саду местная знать проводила гулянье, на которое не был приглашен командир 1-го казачьего полка Семен Елгаштин, герой среднеазиатских походов. Полковник, выпив с офицерами полка, спешил казаков у сада и «приказал им атаковать Минг-Урюк, чем привел всю публику в сильное волнение»[3].

Что же произошло в саду Ташкента? После прочтения рукописи есаула Казина, переданной автору Олегом Геннадьевичем Шиловым, все стало ясно. Из текста явствует, что Казин и Елгаштин, оба уроженцы Пресногорьковской станицы, служили в одном полку. Семен Алексеевич Елгаштин, сын урядника станицы Пресногорьковской, по протекции дяди своего, сотника, поступил в Омское казачье училище и выпущен был в 1848 году урядником. Через три года произведен в хорунжий. Находясь в образцовой команде в Петербурге, женился на дочери статского генерала. Вернувшись на родину есаулом, получил учебную команду. Вскоре произведен в войсковые старшины. «Вот уже тут он развернулся и показал свою казацкую удаль,- пишет Казин. «Я только что в это время выпущен был из сибирского кадетского корпуса хорунжим. Помню, был какой-то официальный бал в Омском Благородном собрании, кто-то подстрекнул Семена Петровича проплясать известный в то время в Омске танец «комендоната». Хор музыкантов всегда играл в Благородном собрании, в то время благодаря прекрасному капельмейстеру Завадскому, лучшему во всей Сибири...Только что успел уехать генерал-губернатор домой, как вдруг показалась в дверях невысокая, но плотная фигура, мундир расстегнут, белая рубаха на виду, сияющая...физиономия. «Музыканты, стой! Вы знаете, что я войсковой старшина. А вы войсковые музыканты? Должны меня слушаться. В

это время танцевали кадрили. «Валяй камендонату! Раздался громкий голос Елгаштина. Елгаштин ворвался в зал и начал плясать. Некоторые барыни думали было попадать в обморок, но, подхвативши свои шлейфы, бросились в дамскую уборную, откуда моментально разъехались по домам. Многие из мужчин остались довольными выкинутыми антраша. Но все-таки вечер окончился для него весьма неблагоприятно. Его удаль приняла столь широкие размеры, что пришлось выпроводить ретивого плясуна из собрания. На другой день сивые старики Благородного собрания исключили его из членов клуба, но «комендоната» осталась надолго историческим воспоминанием Омского благородного собрания и долго подозрительно почтенные члены клуба поглядывали на казачьих офицеров, членов клуба. Но когда в 1873 году С.А.Елгаштин был назначен командиром 1-го Сибирского казачьего полка (что ныне Ермака Тимофеева полк), тогда он почувствовал твердую почву под своими ногами.

Мин-урюк – тысяча деревьев. Это в то время общественный сад с вокзалом, беседками. Несколькими хорошо вычищенными аллеями. Урюковыми деревьями, где проходили общественные гуляния. Однажды там было назначено гулянье с благотворительной целью «Лотаря...», куда попал и я. Подходя к саду, увидел около него несколько сотен казаков нашего полка, спешенных. В боевой амуниции. Спрашиваю вахмистра нашей сотни: «Как сюда попал полк. Ведь сегодня день свободный и занятий нет? Господа офицеры где? По тревоге его высококородия, командира полка. С десятков есть господ офицеров. Господа офицеры довольно крепко выпивши, нашей сотни господ офицеров нет никого». Иду в сад» [4]. Далее Казин пишет о состоявшемся конфликте между Елгаштиным и генералом Бордовских. Стычка закончилась мирным соглашением.

«Полк двинулся в лагерь, я же вернулся в сады, не осталось ли еще кого от собутыльников Елгаштина. Почтенная публика и начальство стала как-то подозрительно смотреть на всех казачьих офицеров, непременно видя в нас скандалиста. Но к счастью скоро подоспел Кокандский поход, а затем и славные геройские дела с М.Д.Скобелева с Сибирскими казаками 1-го полка, восстановил нашу пошатнувшуюся было популярность» [5].

Семен Алексеевич Елгаштин отличился в бою под Тилляу, разгромив до тысячи кокандцев. За этот подвиг награжден Золотым оружием. Г.Е.Катанаев писал: «1-й Сибирский полк в составе 4-х сотен, сначала лихим кавалерийским набегом, а потом при переходе в горы и в спешенном строю нанес превосходному в силах неприятелю решительное поражение, закончившееся почти полным истреблением отряда Бека»[9]. Из воспоминаний Н.Симонова известно, что он находился в натянутых отношениях со Скобелевым. «Остановив сотню, Симонов пошел представиться командиру полка, который в это время сидел за стаканом чаю под арбой. «Здравствуй, здравствуй, что нового в Ташкенте? Теперь уже я тебе не начальник, являйся к Скобелеву», - говорил он. Никогда, кажется, не был Елгаштин так мрачен, как в этот день, он был страшно возбужден. Что произошло в эти последние дни между ним и Скобелевым, с уверенностью едва ли кто может сказать, Одни говорили. Что Елгаштин сказал какую-то дерзость Скобелеву, другие, что Скобелев был не прав: распорядился какой-то сотней помимо командира полка, что со стороны Елгаштина вызвало протест. Последнее было ближе к истине»[6].

Семен Алексеевич Елгаштин родился в 1829 году. Он происходил из казачьих детей Тобольской губернии, то есть был потомственным, или, как тогда говорили, «природным» сибирским казаком. Вступил в службу 21 сентября 1848 года

урядником, а командиром 1-го полка стал 23 апреля 1873 года, имея за службу ордена Святой Анны и Святого Станислава IV степени.

В станице Пресногорьковской ему были отведены земли из фонда Сибирского казачьего войска – на карте 1872 года надел отмечен западнее современного поселка Гренадерский, у границы с Российской Федерацией. В станице «состоит за ним благоприобретенное имение – деревянный дом»[7]. От первого брака у Елгаштина было трое сыновей – Алексей (р.1858), Евгений (р.1859) и Иван (р.1863), ставшие офицерами после окончания Омского кадетского корпуса. Полковник был женат вторым браком на дочери коллежского асессора Татьяне Григорьевне Тутолминой. У них родились Александр, Виктор, Юлиания, Владимир и Илья. Герой взятия Коканда Семен Елгаштин скончался в 1885 году в Усть – Каменогорске. Был отпет в Троицкой церкви (сейчас она находится на территории Свято-Троицкого мужского монастыря) и похоронен на городском кладбище.

Поиски потомков Семена Алексеевича привели к следующим результатам.

Путешественник А.А.Тилло упоминает в отчете о поездке в Тянь-Шань поселок Охотничий, расположенный у самой границы с Китаем у подножия Хан-Тенгри. «Здесь устроены казармы и стоит пикет в 20 человек Сибирского казачьего войска под начальством очень милого есаула Е.С.Елгаштина, которому подчинены еще два пикета. Е.С.Елгаштин сердечно встретил нас и любезно помог пополнить наше продовольственное снаряжение»[8]. В 1905 году войсковой старшина Евгений Елгаштин служил помощником командира 1-го Ермака Тимофеева полка. Во время обороны Порт-Артура погиб капитан Елгаштин. Выяснить имел ли он отношение к семье полковника не удалось.

Иван Семенович Елгаштин(1863 – не ранее 1937, Уфа) войсковой старшина, поставщик лошадей для Императорского двора из конюшен Тургайского конезавода. В 1892 году женился в Москве на дочери статского советника Давидовича - Нащинского Марии Николаевне. Дети: Зинаида (1897 – 1979), Андрей, Муся, Николай. С 1906 года жили в Уфе. В мае 1919 года Иван Семенович ушел с белыми на Восток. За ним поехала Мария. В дороге умер от тифа Андрей. Судьба Николая неизвестна. Дочь Муся вышла замуж за юриста Бориса Беляева и уехала в Ташкент. Скончалась от тифа в 1922 году, после рождения дочери Марианны.

Мария Николаевна Елгаштина (1883 – 1966), народный художник Башкирской АССР, основательница Башкирского театра кукол.

Зинаида Ивановна Елгаштина (1897—1979) балерина, ученица В. Ф. Нежинского. Рукопись ее воспоминаний хранится в архиве ДМВ. Написала воспоминания «Коктебель и его легенды» - о встречах с поэтом М.А.Волошиным в конце 20-х годов прошлого века.

Ульяна Семеновна Елгаштина (1879-1942), с 1909 года – жена секретаря Л.Н.Толстого Виктора Анатольевича Лебрена(1881-1979), которую он называл Юлианой. Они прожили счастливо вместе 34 года. Ульяна похоронена во Франции. Туда Лебрены переехали в 1926 году. В.А.Лебрен писал воспоминания о Толстом и занимался небольшой пасекой, кормившей семью. Он пережил вторую мировую войну, но двое сыновей на войне стали инвалидами.

Источники:

- 1.Виниченко С. Крестный путь игуменьи Евпраксии.//Тобольск и вся Сибирь. Сибирское казачье войско. Тобольск,2011. 596 С.
- 2.Полковник из старой песни//Московский журнал №4,2008
- 3.Песни сибирских казаков. - Петроград,1916
- 4.Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф.366. Оп.1ед.хр.401.Л.2
- 5.Там же, Л.4
- 6.Симонов Н.Очерк службы №1 Ермака Тимофеева полка, М., 1901.198С.
- 7.Виниченко С.Листая старые страницы, - Курган,2014,178С.
- 8.Тилло А.Подготовка к путешествию и маршрут экспедиции в Восточный Тянь-Шань// Путешествия в Тянь-Шань и Нань-Шань, М.,1949.
9. Катанаев Г.Е. Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 год. - Спб,1908. 67С.

Три войны Николая Кубрина

С детских лет от старожилы станицы Пресногорьковской я часто слышал о Николае Павловиче Кубрине. Те, кто прошел через гражданскую, пережил ужасы коллективизации, голод тридцатых и репрессии сороковых годов, характеризовали его только с положительной стороны. Меня, воспитанного на подвигах красных героев гражданской войны, немало удивляло тогда, что белогвардейский офицер, ушедший на восток с колчаковской армией, может быть наделен такими качествами как честь, мужество, справедливость, героизм. Лишь много позже я понял, как далек от истины был в те годы...

Жизненный путь Николая Кубрина во многом типичен для сибирского казачьего офицера царской армии той поры. Родился будущий генерал 8 мая 1876 года в станице Пресногорьковской Петропавловского уезда в семье сотника, дворянина Акмолинской области, «природного» сибирского казака Павла и Ольги (в девичестве Куликовой) Кубриных. Предок Павла, Андрей Тимофеевич, принимал участие в подавлении восстания Пугачева в составе полевой команды де Колонга.

Станица выросла из валов и рвов бывшей крепости и была знаменита своими людьми. Здесь начинал свою военную службу знаменитый атаман 1 военного отдела Федор Карпович Набоков, здесь был когда-то комендантом герой Бородинской битвы, основатель Акмолинской крепости (ныне г. Нур-Султан) Федор Кузьмич Шубин. Детство Николая Кубрина пришлось на годы возвращения в горьколинейные станицы из дальних среднеазиатских пределов казаков, геройски сражавшихся с бухарцами, кокандцами и хивинцами. На груди у многих блестяли георгиевские кресты, на папах — знаки «За штурм г. Андижана», жалованные Государем Александром II. Ветераны, загорелые, с вьезшейся навсегда пылью заилийских дорог, охотно рассказывали маленьким казачатам о службе в 9-й роте под командованием героя Плевны, генерала М.Д.Скобелева, о походах и удали командира 1-го Ермака Тимофеева полка Семена Елгаштина. Завороженно слушал маленький Коля воспоминания седобородых казаков, мечтая всею душою оказаться когда-нибудь на их месте. Его жизненный путь был predetermined.

В 1887 году Николай поступил в Омский кадетский корпус. К этому времени он имел славную историю. Здесь учились ученые и путешественники Ч.Ч. Валиханов и Г.Н. Потанин, будущие генералы В.Осипов, М.Казачинин, С.Панков, П.Ребров, А. Померанцев. В 1889 году лучшим

учеником выпустился Лавр Георгиевич Корнилов, будущий герой белого движения на юге России.

После окончания корпуса Николай Кубрин в числе лучших выпускников отправился в Санкт-Петербург и в 1895 году по 1-ому разряду закончил Николаевское кавалерийское училище, «произведен по экзаменам из портупей-юнкеров в 1 Сибирский казачий полк» и направлен служить в Семиречье. В 1898 году Николай Кубрин женился, родился первенец - Николай.

В 1900 году в чине сотника в составе 4-го казачьего полка Кубрин совершает поход в Китай. В боевых действиях участвовать не пришлось - Сибирская дивизия получила Высочайшее повеление о прекращении боевых действий, едва достигнув пределов Маньчжурии.

Николай мечтал о дочери, о ее появлении на свет сообщает метрическая книга Пресногорьковской церкви « 9.10.1903 года, родилась Мария, отец - подъесаул Перваго Ермака Тимофеева полка Сибирскаго казачьяго войска Николай Павлов Кубрин и законная жена его Мария Васильева дочь, оба православные. Крестные - сын подъесаула Николай Николаев Кубрин и учительница Пресногорьковского женского начального училища Александра Георгиевна Зверева».

В 1904 году «неожиданно вспыхнула достопамятная и злосчастная для России война с Японией» (Г.Е.Катанаев). В феврале все льготные полки Сибирского войска были мобилизованы. Четыре полка образовали дивизию под командованием генерал – лейтенанта Н.Симонова. В апреле она выдвинулась на передовую линию Маньчжурской армии генерала Куропаткина

На войну Николай Кубрин пошел подъесаулом в 7-ом казачьем полку. Принимал участие в боях под Вафангоу и кровопролитном бою под Ходцзяпудза, в котором погиб командир полка войсковой старшина Старков. Казаки бле-

стояще показали себя на реке Шахе и в многодневном сражении под Мукденом, прикрывая отходящие корпуса русской армии.

Николай Кубрин получил ранение в ногу ниже колена, был награжден за воинскую доблесть орденом Святой Анны 4-й степени, с надписью «За храбрость», Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом и звание есаула. Ранение, после которого он всю жизнь прихрамывал, имеет свою историю. 24 февраля 1905 года подьесаул Кубрин должен был доставить пакет в штаб 4-го корпуса, находящегося неподалеку от города Фу-шуна. Во время бешеной скачки неожиданно наскочил на позиции японцев. Сопровождавшие его, казак 5-й сотни 7-го полка вестовой Линник и казак, присланный для сопровождения подьесаулом Пелымским, сумели проскочить. «С первых же выстрелов подо мной была ранена лошадь, - писал позже Николай в рапорте, - перевернувшись через голову, придавила меня. Высвободившись из-под лошади и отстегнув от седла свою офицерскую сумку с пакетами, я побежал, но тотчас же был ранен навывлет в верхнюю часть берцовой кости правой ноги. От места ранения я в состоянии был пробежать совсем немного... Выбившись из сил от боли раны, ушиба при падении с лошади и бега и убедившись, что нет никакой возможности доставить своевременно по назначению бывших при мне срочных бумаг и не желал дальше подвергать их опасности достаться в руки врага, я остановился в одном из оврагов для уничтожения их и перевязки раны, где и был схвачен японцами, но уже по уничтожении пакета и карт во время перевязки». Позже раненый подьесаул был вызволен из плена подоспевшими казаками.

В Пресногорьковскую Кубрин приехал в отпуск, на лечение, и поселился в собственном деревянном доме неподалеку от церкви. Он был назначен заведующим станицей и с голо-

вой ушел в хозяйственные дела. Пресногорьковская тогда была крупной станицей 1-го военного отдела Сибирского казачьего войска. Здесь располагались медицинский и ветеринарный пункты, союз кооперативов, объединявший 28 сельских потребительских обществ, которые были связаны с фабриками, крупными купцами и ярмарками. В станице была контора переселенческого управления, следившая за устройством переселенцев на новых местах, выдававшая ссуды на строительство и домообзаводство. Иностранные фирмы Деринга, Зингера, Маккормика имели свои склады, отпускали сельхозмашины в кредит. Станица имела пожарную охрану. Пожарники круглосуточно несли службу на каланче станичного правления. Вдоль улицы Большой стояли огромные баки с водой для тушения пожаров. Запасы семенного зерна хранились в обшитых кровельным железом амбарах, поднятых над землей на деревянных столбах. Чистота на улицах поддерживалась самими жителями – по субботам сор с улицы заметали во двор, чтобы потом вывезти. Были еще две школы. Через станицу проходил почтовый и скотопрогонный тракт Петропавловск – Троицк, по которому в 1891 году проследовал наследник престола Цесаревич Николай Александрович, ночевавший в доме Василия Кладенова. В 1911 году Кубрин, участковый ветеринарный врач Александр Петрович Шехтер и о. Василий Преображенский организовали культурно – благотворительное учреждение «Братство». При нем создали неплохую библиотеку, из книг, пожертвованных местной интеллигенцией, открылись народная столовая и магазин «Самопомощь» В «Братстве» устраивались чтения, проводились беседы и лекции, концерты, спектакли. Здесь же подавали чай с печеньем и халвой. Во время воскресников засевали и убирали до двадцати гектар пшеницы. Заготовки топлива, текущие ремонты проводились во время воскресников станичным правлением. Будучи по-

мощником атамана военного отдела Кубрин ходатайствовал о создании ремесленной сельскохозяйственной мастерской с различными цехами. В 1914 году началось строительство двухэтажного здания школы, простоявшего до декабря 1959 года.

За вклад в развитие станиц военного отдела в мирное время Николай Кубрин был награжден орденами Св. Анны 3-й ст.(1909 г) и Св. Станислава 2-й ст.(1912 г).

В начале Великой войны Кубрин оставляет в Омске жену, сына и четырех дочерей и отправляется на германский фронт командиром 1-й сотни 7-го Сибирского казачьего полка. Полки с Горькой линии придали для усиления четырем армейским корпусам Северо - Западного фронта в качестве конницы в районе западнее Жирардова. В начале февраля 1915 года Сибирские армейские корпуса были переброшены по железной дороге и форсированным маршем прибыли в район Прасныша и Остроленки. После тяжелых пятидневных наступательных боев Прасныш был взят. Сибирские казаки 7-го и 8-го полков были единственной конницей в составе корпусов. Им приходилось заниматься разведкой, поддерживать связь между соединениями, атаковать противника в конном строю. Полки отличились в боях у деревни Черняки, в которой были полностью разгромлены два эскадрона конно-гренадерского короля Шведского полка и взят в плен командир дивизиона. Казаки пленили несколько сот германцев.

2 июля 1916 года Кубрину было присвоено звание войсковой старшина. В одном из боев Николай получает ранение в голову. В этот период командование награждает его орденами Святой Анны 2-й ст., Святого Владимира 4-й ст., последний давали за два подвига. Война для Кубрина закончилась в должности помощника командира 4-го казачьего полка

Армия развалилась в результате большевистской агитации. Фронт был открыт вражеским дивизиям. Казачьи полки

возвращались домой с германского и кавказского фронтов. По пути следования их разоружали большевики, считая казаков реальной организованной силой, способной противостоять Советам. Нередко возникали вооруженные стычки, доходившие до рукопашной, так георгиевский кавалер П.Д.Дедов в одной из таких схваток на железнодорожной станции Челябинск лишился двух крестов.

Неоднородное по своему социальному составу казачество колебалось, кто-то поддался большевистской агитации, но в одном все были единодушны – как можно скорее добраться до родных станиц.

Видя такое положение, Кубрин в середине ноября 1917 года покинул полк под предлогом ревматических болей в нижних конечностях и хромоты, уволился с военной службы и уехал в Пресногорьковскую. Весной 1918 года бывший боевой офицер занялся хлебопашеством на землях, полученных им за службу. После чехословацкого переворота в конце мая 1918 года начался последний трагический период жизни Николая Павловича Кубрина. О нем вспомнили в сибирской столице.

21 июня боевой офицер был вызван командованием в Омск и назначен начальником Сибирской казачьей дивизии. Началось формирование полков, трудно было заставить воевать людей, только что сменивших оружие на мирные заботы. Об этом периоде Кубрин пишет: «После июньского переворота 1918 года, когда положение было неопределенно, когда замаскировавшиеся коммунисты искали пищу среди формируемых первых казачьих частей – формирование казачьих полков требовало большого, исключительно напряженного энергии. При создании полков тяжесть пала на офицерство. Но на помощь офицерству пришли старики - станичники, выставившие полки».

Н.П.Кубрин и его дивизия приняли участие в боях за Уфу в мае 1919 года. В дивизии было около 2000 пашек, 6 орудий, 18 пулеметов. Под станцией Чишмы Сибирская казачья дивизия сражалась против 25-й стрелковой дивизии В.И.Чапаева и каширинцев, красных оренбургских казаков. 9 июня сибирские казаки участвовали в атаке, которую показали как «психическую» в фильме братьев Васильевых «Чапаев». Бои были очень тяжелыми – чапаевская дивизия лишилась половины личного состава.

В августе 1919 года Пятая Красная армия под командованием М.Н.Тухачевского начала наступление на Петропавловск. Война пришла на родную землю полковника колчаковской армии Николая Павловича Кубрина. Станица Пресногорьковская несколько раз переходила из рук в руки, о чем свидетельствуют документы из архива Российской армии, хранящиеся в Москве. 19 сентября Верховный Главнокомандующий адмирал А.В.Колчак, будучи на фронте в Конной группе 2-ой армии за отличие в боях на Тоболе произвел Кубрина в чин генерал – майора.

К концу сентября Красная армия была отброшена за реку Тобол, но 14 октября вновь началось наступление 35-й стрелковой дивизии под командованием К.А.Неймана по казачьему тракту. Начался отход белых на восток. 30 октября пал уездный город Петропавловск.

Из Пресногорьковской в «отступ» ушли многие жители, среди которых был Сергей Преображенский, сын расстрелянного священника. Отступление было страшным – холод, голод, тиф косили людей. Историк О.А.Винокуров пишет об исходе: «Белая армия была потрясена. Она отступала, а за ней зияла широкая полоса напрасно пролитой в сентябрьских боях крови. Сплошными массами отходили войска, скопища обозов, телег, лошадей. Точно конное море заливало сибирскую степь...».

Под Омском генерал Кубрин собрал одностаничников во главе с атаманом Иваном Яковлевичем Вяткиным и предложил им возвращаться домой. Он понимал, что дальнейшее продвижение на восток в условиях сибирской зимы влечет за собой гибель людей. Часть земляков послушали его и вернулись, чем спасли себе жизнь. Великий Сибирский Ледяной поход для 1-й Сибирской казачьей дивизии закончился под Красноярском. 5 января 1920 г. она участвовала в неудачной попытке белых взять Красноярск: наступала на Военный городок. 6 января дивизия Н.П. Кубрина попыталась обойти Красноярск по маршруту Минино – Зарослое – Зелеево – Есаульское, но у Зелеево натолкнулась на части 3-й бригады 30-й стрелковой дивизии РККА и вернулась в с. Минино, где, ввиду усталости, большого числа тифозных и отсутствия патронов, «в полном составе» (более 2 тыс. чел.) положила оружие (В.А.Шулдяков). Большая часть казаков 1-й Сибирской казачьей дивизии в составе 1-го, 3-го и 5-го Сибирских казачьих полков разоружилась. Кроме Кубрина и начштаба Михайлова в плен попали начальник 3-й дивизии полковник Н.К.Рагозин и командир отдельной Сибирской казачьей бригады полковник В.Е.Первушин. Сдачей в плен Кубрин спас от неминуемой смерти несколько тысяч человек - измученных, голодных, больных, деморализованных бойцов своей дивизии, перенесших ужасы Великого Ледового Сибирского похода. Он заботился о подчиненных, даже принимая такое непростое для себя решение. Версию пленения штаба дивизии предложила Татьяна Кубрина. В 1967 году, будучи подростком, она слышала рассказ очевидца. По его словам, остатки дивизии расположились в поселковом скотном дворе в Минино. Там было просторно и в амбарах нашелся овес и корм для лошадей. Овес сварили, поели и легли спать все, кроме начдива Кубрина и начштаба Михайлова. Были выставлены часовые. Хорунжему Ивану Шилову было

поручено спрятать знамя дивизии. Кубрин с Михайловым сели в укромный уголок за брезентовую ширму, зажгли керосинку и смотрели штабные документы, из-за ширмы происходящее вокруг не видели. Красные сняли часовых бесшумно и, проникнув во внутрь, тихо прошли между спящими, связали Кубрина и Михайлова, а потом стали будить спящих и пленить. После того всех погнали в Дробышево, а там уже был рожден документ, что Кубрин сдал дивизию добровольно...

Многие казаки дивизии лишь весной вернулись в станицы, среди них пресногорьковчане хорунжий Иван Шилов, Егор Лавринов, Федор Коробейников, Михаил Веневцев, Роман Парфенов, Федор Ермолаев и сотни других. Красноармеец 27-й дивизии Федор Церахто вспоминал, как в апреле 1920 года: « По Люблинскому проспекту Омска гнали под конвоем более тысячи человек. Это шла Сибирская казачья дивизия, плененная под Красноярском три месяца назад. Среди измученных, грязных людей были и казаки из наших станиц – Пресногорьковской, Камышловской, Кабановской, Пресновской». Часть из них погибли через два года во время Западно – Ишимского восстания, другие были расстреляны в 1937-м.

После ареста Кубрин содержался в Красноярской тюрьме. Оттуда он был этапирован в Омск, где его судили 13 июля по обвинению: «служба в белой армии». Дело было направлено в Красноярскую ЧК, где «окончательного решения по делу не принято».

Долгое время автор полагал, что жизнь генерала прервалась в Омске. Но, как оказалось, он был вывезен на Север, в Архангельские лагеря смерти. Вряд ли семья знала о судьбе Николая Павловича – по словам С.М.Мельгунова: «Из длинного списка офицеров, по официальным сведениям отправленных на Север, никогда нельзя было найти местопребывания

ни одного из них». В марте-апреле 1921 года Архангельский губисполком принял решение о расстреле 540 офицеров. Первую группу расстреляли 14 марта. В решении заседания было записано «принимая во внимание неисправимость означенных кровавых белогвардейцев, ярую ненависть к рабоче-крестьянской власти, усиленную их агитацию за выступление среди заключенных в связи с кронштадскими событиями – всех расстрелять». Вместе с Кубриным были расстреляны десятки офицеров, составлявших элиту Русской армии, среди которых забайкальский генерал – атаман И.Н.Толстихин, ветеран – скобелевец И.С.Кошуба, князь Р.В.Андронников.

Так закончился жизненный путь русского офицера, потомственного дворянина Николая Павловича Кубрина, прекрасного семьянина, крестившегося в православной вере. Своей присяге он остался верен до конца. Он был реабилитирован в 1996 году Омской областной прокуратурой.

Сын генерала, кадет Омского корпуса Николай, летом 1919 года был эвакуирован во Владивосток, на остров Русский, где окончил Корниловское военное училище. 5 октября 1922 года юнкера были брошены в бой за Спасск, где под станцией Свягино сошлись в бою с курсантами Приамурской дивизии. Юнкера напоролись на пулеметный огонь, скосивший 75 человек. Николай Николаевич Кубрин погиб в одном из последних боев Гражданской войны и похоронен где-то в Приморье.

Мария Васильевна Кубрина с дочерьми находилась в обозе отступающей армии и осталась в Красноярске, оттуда перебралась в Омск. Немало времени ушло на то, чтобы установить достоверные факты из жизни семьи расстрелянного генерала. Старожилы в 70-х годах прошлого века хорошо помнили войну с «ерманцами», о гражданской же молчали, будто ее и не было. Тотальный заговор молчания был раскрыт лишь в 90-е, когда уцелевшие от расправы потомки белых офицеров начали вспоминать...

Сегодня правнуки генерала по линии дочери Марии Кубриной – Артюхиной проживают в Омске. У генерала было три сестры Ольга (1868 г.р), Анна(1874 г.р., в замужестве Шехтер) и Елизавета(1875 г.р., в замужестве Мошкова). Старшая сестра скончалась в станице Пресногорьковской в 1920 году, оставив четверых детей - Мариамну, Николая, Павла и Лидию. Мариамна учительствовала в годы гражданской войны в школе, построенной ее отцом и дядей, учила классика казахской литературы Габита Мусрепова. Их потомки проживают в Москве, Вологде, Бельгии. Елизавета Павловна Кубрина - Мошкова была арестована в 1932 году за то, что являлась родной сестрой белого генерала и провела восемь лет в заключении. Ее сын, Виктор, пережил ужасы ленинградской блокады. Внучка Маргарита ныне проживает в Санкт-Петербурге. Внучка Анны Павловны Кубриной – Шехтер Элина Павловна Фазулина живет в Москве. В своих воспоминаниях она пишет, что ссыльному народовольцу Александру Петровичу Шехтеру и Анне Павловне Кубриной пришлось втайне от брата венчаться в храме казачьего поселка Песчаный. Брат Николай долгое время считал Александра Петровича «каторжником» и не дал согласия на брак. Позже, когда дети стали постоянно общаться друг с другом, Кубрин смягчился. А.П. Шехтер, окончивший Казанский университет, очень многое сделал для жителей Пресногорьковской – учил детей в построенной им школе, лечил людей и скот, в гражданскую в одиночку боролся с тифом. Скончался в 1922 году за письменным столом, проверяя школьные тетради... Потомки генерала попали в водоворот последующих событий вместе с тысячами семей с похожей историей и с честью пронесли свой крест через годы репрессий, страшной войны и восстановления страны после разрухи. Память о генерале передавалась от детей к внукам как тайное знание, чтобы наконец воскреснуть и стать достоянием многих.

История гражданской войны еще не написана полностью, а между тем на нашей родной земле, по словам историка В.А.Шулдякова « происходили события столь же драматичные, как на «тихом Дону», на «вольной Кубани». И здесь мутила разум ненависть, и здесь ходили корпусами в конные атаки, сшибались в шашечных рубках, совершали военные перевороты, гибли массами от тифа, поднимались на мятежи и шли с кольями на красноармейские пулеметы»...

В этом убеждаешься, читая расстрельные списки со знакомыми с детства фамилиями, изучая сухие рапорты командиров полков. Об этом задумываешься, стоя у невысоких степных могильных холмов и над квадратом раскопа... Действительно, «прошлое не ушло – оно в человеке»...

Использованы материалы семейных архивов Кубриных-Шехтер.

Приложение: О Павле Иннокентьевиче Кубрине. Родился в 1832 году. Из казачьих детей Тобольской губернии. Воспитанник Омского батальона военных кантонистов. В 1873 году сотник без должности. Имеет орден Святого Станислава 3-й ст. Служил в Кушмурунском и Атбасарском приказах до их упразднения. Зачислен в строевой состав 1 сентября 1872 года. В походах не был. Женат вторым браком на дочери сотника Куликова Лидии Семеновны. Дочь Ольга родилась 6 июня 1868 года. В станице Пресногорьковской имеет деревянный дом. В Туркестанском округе с 12 мая 1871 года.

Из протокола допроса есаула Дорохова Николая Васильевича (7 июля 1937 года) об обстоятельствах сдачи в плен под Красноярском

Вопрос: Назовите Ваших родственников и знакомых, живущих за границей.

Ответ: Ходаков Павел Иванович в чине статского советника, который при себе увез Золотой фонд Колчаковского прави-

тельства, в сумме не знаю, но слышал, что вместе с серебром золотой запас составлял целый вагон, проживает в Харбине. Влазинский Игорь, я с ним знаком по Джаркенту во 2-м Сибирском казачьем полку в 1914 году, он при отступлении был комендантом дамского поезда по эвакуации за границу жен состава. Рагозин Виктор Георгиевич, переведен в 8-й Сибирский казачий полк.

Вопрос: Кто командовал бригадой?

Ответ: Полковник Белов Александр Иванович, его сменил полковник Рагозин Николай Константинович, после был Первушин Александр Петрович.

Вопрос: Где и когда перешли Вы на советскую сторону?

Ответ: На советскую сторону я перешел в деревне Монино под Красноярском 01.1920 г.

Видя безвыходность положения, мы со штабом бригады во главе с полковником Первушиным, начштаба капитаном Сальниковым, меня, есаула Дорохова, еще ряд офицеров и сотня казаков, со всеми обозами, продовольствием и обмундированием остались в деревне Монино.

Вопрос: А где остались войсковые соединения, входящие в состав бригады?

Ответ: Сотни и дивизион вместе с полками казачьего корпуса, большинство ушло в 1-й и 2-й казачьи Сибирские полки. 1-м полком командовал Катанаев Аполлос, а 2-м полковник Блохин. опрос: По чьему приказанию была расформирована ваша бригада?

Ответ: Начштаба Сибирского казачьего войска генерала-майора Михайлова Василия Степановича и командира корпуса генерала-майора Волкова Вячеслава Ивановича. На основании их распоряжения, Штаб бригады дал распоряжение об откомандировании дивизионов по полкам, а сам Штаб бригады находился в подчинении штаба СКВ.

Вопрос: Каким способом вы попали на советскую сторону?

Ответ: Белые части под натиском Красной армии отступали вглубь Сибири. Наша часть - 1-я Сибирская запасная казачья бригада шла по маршруту железнодорожной линии, не дойдя км 12 до г. Красноярск, нас окружили красные части, и мы решили сдаться без боя, несколько казаков съездили к красным узнать, не будут ли по нам стрелять, и сдались в деревне Минино.

От рядового до командарма

Всякий раз, прочитывая «Тихий Дон», невольно ловил себя на мысли: насколько плотно сжимается время в годы великих испытаний, когда за относительно небольшой промежуток времени люди проживают множество событий, гибельных или спасительных, трагических или радостных. Таков Григорий Мелехов, прошедший за семь лет жизни на страницах романа путь от рядового казака до есаула, командира дивизии, заслужившего на Великой войне полный бант Знака ордена святого Георгия. Таким путем прошел его реальный прототип - Харлампий Ермаков. В среде сибирских казаков таковым был Фаддей Глебов, уроженец казачьего поселка Казанский станицы Пресновской Петропавловского уезда. По странному стечению обстоятельств главную роль в фильме режиссера Герасимова сыграл актер Петр Глебов.

В 1846 году по указу императора Николая I жители казенного поселения Казанское, выходцы из Воронежской области, были поверстаны в 4-й сибирский казачий полк. Бывшие крестьяне, в одночасье ставшие казаками, стали верой и правдой служить царю-батюшке. К концу XIX века в поселке проживало более 1200 жителей, в основном занимавшихся разведением лошадей и крупного рогатого скота. «Казаничи жили

великорусским укладом – большесемейностью, зная, что «семья воюет, а один горюет». У них старший брат был головой – распорядителем, и младшие, нередко уже семейные, считали большака за вожака-атамана их общей семьи. Жители этого поселка, к чести их, были усердные хлеборобы и радетельные хозяева, и жены их были домовитые хозяйки, мастерицы-пряльщи и ткальщи, по пословице: «могли и золотом шить, могли и молотом бить», поэтому бедноты в поселке было мало, а больше было середняков, у которых запас хлеба был года на два – на три, скотинки голов 10-15 и на черный день имелся грошик, нажитый честным трудом», - писал в эмиграции протоиерей Григорий Яковлев. В январе 1904 года на японскую войну поселок сумел выставить полную строевую сотню во главе с есаулом Самсоновым.

Фаддей Львович Глебов родился 25 июня 1887 года в семье зажиточного казака – земледельца поселка Казанский. Во время строительства храма Леонтия Поликарповича Глебова избрали в совет по сбору денег. Когда подошла его очередь, перекрестившись, положил сто рублей от всей семьи, а потом дал еще сто со словами: «А это от нас с хозяйкой».

В 1907 году Глебова призвали на срочную службу, которую горьколинейные казаки несли тогда на границе с Китаем. Эшелоны новобранцев формировались в станицах Пресновской и Пресногорьковской, и, под началом бывалых командиров, уходили на юг, через степи и полупустыни центрального Казахстана в далекое Семиречье. Весь путь верхом составлял более 2000 верст! Первоочередная служба длилась пять лет, место дислокации 1-го Ермака Тимофеева полка – г. Джаркент (ныне Панфилов), г. Верный (ныне Алматы) и урочище Кольжат. Служба была тяжелой - китайская граница проходила по горной речке Хоргос. Ее часто пересекали с обеих сторон угонщики-барантаци, с которыми случались перестрелки и погони.

Людей донимали болотная лихорадка и ураганный зимний ветер. В сотнях не хватало людей, приходилось часто ходить в наряды и стоять часовым у коновязи. Посты ютились в землянках или в ветхих юртах. Глебов после окончания учебной команды получил лычки младшего урядника (1911 год), возможно, некоторое время состоял в конвое командующего Туркестанским военным округом (Шулдяков В.А.), К концу службы был ординарцем командира полка, полковника П.Н.Краснова (урожд. ст. Вешенской, 1869 -1947 гг., генерал-майор, донской атаман). В 1-м полку практически в одно время служили будущие вожди белого движения генералы Б.В.Анненков, В.И.Волков, И.Н.Красильников, Л.А.Артифексов, А.Н.Белов. О возвращении казачьих полков на родину писал пресновский писатель Иван Петрович Шухов: «Перебравшись вброд через мутные воды Или, эшелоны двигались маршем через Голодную степь. Они шли через пески и камышовые джунгли Балхашского побережья, мимо грифельных скал Джекказгана и кремнистых сопок необжитого Коунрада...Марш был нелегким. Туговато приходилось с подножным кормом для лошадей и с фуражировкой...Несмотря на глубокою осеннюю пору в Прибалхашье держалась еще сорокаградусная жара. И у путников от горячих ветров пылали глотки, трескались спекшиеся губы, темнело в глазах. На сорок первый день марша казаки... вышли на широкий скотопрогонный тракт, пролегавший из Западного Китая к землям Сибирского казачьего войска». Вернувшись на линию, Глебов с головой окунулся в нелегкие крестьянские заботы, но долго пожить мирной жизнью не удалось. Жарким летом 1914 года ухнул в набат колокол недавно построенной церкви – началась война с Германией. Будущий писатель Сабит Муқанов был свидетелем проводов на фронт в соседней Екатериновке. Молебен на площади уже заканчивался, когда ребятня залезла на церковную ограду и с любопытством смотрела на происхо-

дящее. «Вся просторная площадь была забита народом. Молодые казаки в форменных гимнастерках, с красными погонами на плечах стояли в конном строю перед церковью, жаркий ветер слегка колыхал из пышные, лихо зачесанные чубы... Далеко за станицу проводили мы казачий эшелон... Все дальше и дальше уходили казаки. Все глуше звучала их песня. Но вот уже заглохла песня, а станичные женщины и девчата все стояли, смотрели вдаль и заливаясь горькими слезами. Грустно было на душе. У меня было такое ощущение, словно и я вместе с жителями станицы проводил в эту невеселую дорогу кого-то из близких и родных...» [см. «Школа жизни»].

Казаки станиц западного фланга войска собирались на сборный пункт станицы Пресновской, на Лагерном озере. Здесь формировались 1-я и 2-я сотня 4-го и 7-го сибирских полков. С раннего утра до позднего вечера кипела работа по осмотру и приему казаков, являвшихся на пункт в полном обмундировании, с шашкой и строевой лошадей. Забракованных лошадей станичные атаманы немедленно заменяли на других. Командование 4-м полком, в который поступил на службу Фаддей Глебов, было поручено атаману 1-го военного отдела войсковому старшине Власову. Уже в начале августа полк выступил в Петропавловск. Отсюда по железной дороге он был переброшен на фронт, в состав 1-го Кавказского корпуса генерала Мищенко, а затем оказался в составе 20-го армейского корпуса генерала Булгакова, в 10-й армии Сиверса, действовавшей в Восточной Пруссии в районе Пинских болот. В феврале 1915 года немцы перебросили сюда шесть корпусов из Франции, которым удалось оттеснить корпус генерала Епанчина и выйти на Вильковишки, замыкая кольцо вокруг 20 корпуса, растянувшего обозы от Сувалок до Сейн. Под Сейнами командирам стало ясно, что полки попали в окружение. Двигаясь назад на Сувалки корпус повернул на узкую дорогу, ведущую в мало-

проходимые Августовские леса. Около деревни Махарцы тянулся бой - одна бригада под командой полковника Белолипецкого дралась с целой немецкой дивизией. Бригада взяла в плен всех офицеров, свыше полутора тысяч солдат и батарею. Солдат привели в сарай Липин и здесь немцы говорили: « Это не с французами драться, а с русскими». С наступлением сумерек штаб корпуса начал устраиваться на ночлег, но противник обстрелял окруженных. Знамя 4-го полка было зарыто в лесу по приказу командира Власова. У мельницы на речке Волокуше у фольварка Млынек собрались пять конных сотен – сибирские и донские казаки. Им было приказано прикрывать отход, « идти за последним колесом последнего орудия». Командир полка, войсковой старшина Власов, отдал приказ личному составу отдохнуть до утра. Казаки, измотанные девятидневными боями, голодные и продрогшие, спали прямо на конях и на мерзлой земле. Утром 8-го февраля бои возобновились. Командир 20-го корпуса и его начштаба находились в окопах вместе с солдатами. Инспектор артиллерии генерал-лейтенант Шрейдер командовал мортирной батареей из 6 пушек, которые вели огонь в противоположных направлениях.

Командир 1-ой бригады Сибирской казачьей дивизии генерал - майор А.Я.Усачев выехал осмотреть местность и был спасен от пули казаком-ординарцем. Усачев вспоминал: «Началась агония: артиллеристы стреляли лошадёй, выбрасывали замки с орудий, немецкие цепи со страшной стрельбой охватили части корпуса. Я вывел пять сотен рысью на левый фланг неприятельского расположения и здесь, на возвышенной местности, оказалось болото. Моя лошадь была ранена, зашаталась и упала, придавив мне правую ногу. Я стал извлекать из-под лошади ногу, но сапог остался в стремях. Сотни ушли...». Генерал вскочил на лошадь скакавшего мимо донского казака и поскакал к лесу, где ветками с него сорвало папаху и кобуру

револьвера. На опушке леса Усачев организовал атаку пехоты на немецкие позиции. Немцы схитрили, выбросив белый флаг, и, подпустив солдат на 200 шагов, открыли огонь. « Выскочивши на поляну, я увидел группу наших солдат, они знаками манили меня к себе, я доверчиво скакал на эти знаки, но, увидевши в этой группе немецкие каски, повернул коня и поскакал в близлежащий лес. Впереди было болото, я бросил коня и перебрался через него, стремясь в большой сосновый лес. Здесь мне попались 6 донских казаков и у них заводная лошадь. Казаки с сожалением отнеслись ко мне, они завязали мне башлыком ногу. При переходе через болото по нам с двух сторон из пулеметов была открыта стрельба, лошадь по самое брюхо тонула в болоте. Я приказал казакам рассыпаться, дабы не терпеть потерь от огня. казаки начали разъезжаться, едва выбиваясь из грязи, а я, бросивши утонувшую в грязи лошадь, дошел до лесистого островка. Я совершенно выбился из сил и весь вспотевший упал прямо на снег, упершись головой в толстое дерево. Стрельба в мою сторону скоро прекратилась. Было около 4-х часов. Подо мной снег растаял и образовалась лужа воды. Дождавшись сумерек, я встал около седьмого часа вечера, и, услышавши лай собак, пошел на этот лай, думая найти жилое помещение с тем, чтобы там укрыться и пройти в Гродно». Уже в темноте генерал Усачев был взят в плен немцами и приведен в дом, где «увидел сидевших на лавках командира корпуса и 8 других генералов. Все они, истомленные и грустные сидели молча и не обратили на меня внимания, здесь же были и наши сибирские офицеры». Плененные были отправлены в лагерь на о. Денгольм близ города Стральзунда.

Сибирцы попали в болото и под огнем противника частью погибли, частью были пленены. Командир 4-го Сибирского казачьего полка войсковой старшина Г.А. Власов был ранен и скончался в деревне Курьянка. Об этой атаке вспоминает гене-

рал – лейтенант Хольмсен: «Войска, расстреляв все патроны, дорого продавали свою жизнь. Собравшиеся остатки второочередного полка №4 Сибирских казаков в числе около полуторных сотен, к коим пристроились еще некоторые артиллеристы, решили под командою своего командира, 64-х летнего войскового старшины Власова, прорваться конною атакою. Казаки попали в болото и понесли огромные потери от ружейного огня. Вторичная атака была для них губельна уже под действием пулеметного огня. Почти все полегли. Все ближе и ближе подходили немецкие цепи... Потери убитыми и ранеными были колоссальны и не поддаются учету. Эта заключительная драма под Млынеком проходила после полудня».

Газета «Рижская жизнь» писала об этих событиях в 1915 году: « Когда отдельные личности совершают геройские подвиги, это приводит в восхищение всех. Что же сказать о 40 тысячах русских богатырей, в течение 9-ти дней совершивших непрерывный массовый подвиг? 20 корпус совершил все возможное, все доступное человеческим силам. Много богатырей полегло костями, защищая каждую пядь родной земли, умерев смертью славных».

Доктор исторических наук Н.Яковлев пишет: «20-й корпус попытался вырваться из кольца и выйти к Гродно. Остатки корпуса, расстреляв все патроны и снаряды, 15 февраля бросились в последнюю атаку с голыми руками, на узком участке прорыва волна солдат сбила пехоту противника. Корпус нашел гибель в Августовских лесах...». В германской прессе появилось сообщение: « Честь 20-го корпуса была спасена и цена этому 7000 убитых, которые пали в атаке в один день битвы на пространстве в два километра».

Однако не все казаки полегли в болотах Пруссии. В воспоминаниях атамана (тогда сотника) Б.В. Анненкова читаем: «Я прибыл в 4-й Сибирский полк, который вел тяжелые

бои в районе Пинских болот...В одном из сражений полк был полностью разбит. С остатком полка мне удалось добраться до Гродно, откуда затем началось общее наступление». Еще три сотни полка избежали гибели и плена, в их числе сотня есаула Н.А.Петрова, охранявшая дворец кайзера Вильгельма в Роминтенской Пуще и взвод урядника Ф.Л.Глебова, пробившегося в Сейны. В плен попали войсковой старшина П.П.Волосников, командир сотни есаул В. Безобразов, хорунжие Катанаев, Нарбут, Сергеев. Количество погибших и плененных в Августовских лесах сибирских казаков составило около 300 человек.

В середине 70-х годов прошлого века автору не раз приходилось слышать от стариков рассказы об этой катастрофе. Она не забылась даже через шесть десятилетий лихолетья.

В ноябре 1915 года полки были сведены в Сибирскую казачью дивизию. Вместе с Уральской и Туркестанской дивизиями она вошла в Сводный казачий корпус. До конца весны 1917 года сибиряки воевали под Гродно и Вильно, затем были разбросаны по Минскому и Московскому военным округам. Две сотни 7-го казачьего полка совместно с юнкерами и добровольцами приняли участие в обороне Кремля в октябре 1917 года. Всего за время Великой войны погибли и пропали без вести 790 человек, призванных из сибирских станиц. В декабре 1918 года находились в плену казаки станиц: Пресногорьковской 19, Починной 5, Пресногорьковский редут 10, Крутоярской 8, Песчанской 13, Сибирской 7, Богоявленской 5, Камышловской 10, Кабаньей 11, Пресновской 10 человек. На начало 1919 года в станицах насчитывалось семей, оставшихся без кормильцев: в Пресногорьковской 24, Камышловской 5, Пресноредутской 16, Крутоярской 8, Песчанской 14 (по С.М.Андрееву).

В июле 2010 года в церковной ограде храма в Пресногорьковке сибирскими казаками Кустанайской общины

был установлен и освящен крест в память погибших казаков, призванных в 1-ом военном отделе.

Фаддей Глебов был награжден георгиевским крестом IV ст.(77711) за выведенный из окружения взвод казаков в боях под Сейнами. В течение года он получил еще два креста III и II ст.(2760,747) – « за выдающиеся подвиги храбрости и самоотвержения против неприятеля в боях». 29 сентября 1915 года великий князь Георгий Михайлович за отличие в боях у Минска и Борисова прикрепил к его груди крест I ст. Вахмистр Глебов за боевые отличия по приказу Главнокомандующего армиями Западного фронта 7.10.1916 года(№626) стал подхорунжим.

После событий октября 1917 года фронт окончательно развалился. Казаки потянулись в свои станицы. По дороге многие были разоружены, лишились боевых наград. Лишь разведчики 5-й сотни Анненкова прибыли на родину как сплоченная боевая единица – с оружием, на основе этого отряда был сформирован партизанский отряд для борьбы с советами в станице Захламинской. 5 февраля 1918 года Глебов принял участие в нападении на омский совдеп, в результате которого в руках анненковцев оказалось знамя Ермака, хранящееся в войсковом соборе г. Омска. Ценная реликвия до сих пор не найдена краеведами. Летом 1918 года, после свержения Советской власти чехословаками (май) Временное Войсковое правительство под председательством войскового старшины Г.И.Иванова, уроженца станицы Кокчетавской, приняло решение сформировать сотни конных полков в разных местах: 1-ый Сибирский казачий полк в Кокчетаве (4 сотни) и Пресновской (2 сотни), комполка есаул А.А.Асанов, 2-ой Сибирский казачий полк в Петропавловске (4 сотни) и Омске (2 сотни), комполка войсковой старшина Н.П.Кубрин, уроженец Пресногорьковской, 3-й Сибирский казачий полк в Семипалатин-

ске (4 сотни) и в Павлодаре (2 сотни), комполка войсковой старшина П.П.Копейкин. Мобилизация проходила тяжело. В Пресновской, казаки, назначенные в штаб дивизии и арtdивизион, отказались отправляться в Омск, разошлись самовольно по домам.

Об этом событии вспоминал очевидец (записано автором в середине 70-х годов): «Сборы были назначены в станице Пресновской, в казармах летнего лагеря, где обычно проводились месячные учебные сборы (построек, служивших для проведения лагерных сборов весной 1918 года уже не существовало – после решения войскового круга о ликвидации сборов местное население воспользовалось моментом и постройки были разобраны – прим. автора). Каждого призванного казака провожал кто-то из родных. Ехали на тарантасах, телегах, скакали на оседланных конях. Настроение у мобилизованных было не боевое. Только старики – казаки оставались непримиримыми врагами революции и готовы были кого угодно утопить в крови ради восстановления своего дореволюционного престижа. Лагерь располагался в версте от станицы возле леса. Когда мы подъехали к нему, взору предстало зрелище, похожее на конную ярмарку. На огромной площади вокруг озера стояли тысячи подвод, среди которых расположилось множество палаток. Над лагерем стояла туча дыма от бесчисленных костров. Тысячи спутанных лошадей разбрелись по лагерю, столько же стояло у коновязей. У костров и подвод суетились женщины. Везде группами стояли, лежали, сидели казаки, шумно обсуждая положение. Мнения казаков сходились в одном – дальше Пресновки не выступать. Явились офицеры. На трибуну поднялся небольшой коренастый войсковой старшина Глебов. Он говорил, что большевики продали Россию немцам, и надо помочь чехам в деле освобождения многострадальной земли. Казаки его внимательно слушали. Затем выступил есаул Евсеев. Говорил о порядке формирования

полков, их задачах. Полки должны были направиться в Омск. Стали выступать казаки. Собрание переросло в митинг.

Казаки долго бушевали. Появился самогон, всю ночь пили, пели песни, ругались и дрались. На следующий день после обеда офицеры приказали сотням построиться четырехугольником. Глебов начал читать обращение правительства казакам.

Казаки загалдели. Послышались выкрики: «Кто послал обращение? Где это правительство?». Собрание превратилось в толпу бесновавшихся людей. Несколько казаков, пользовавшихся авторитетом, начали успокаивать народ. Это им удалось нескоро. Выступили два казака из Камышловской - фронтовики Пономарев и Сухов. Говорили спокойно, разумно толково строили свою речь. Против их слов даже офицеры ничего не смогли возразить. Они внесли предложение – кто хочет воевать, тот отправляется в Омск, кто не хочет – по домам. Казаки бросились седлать коней, женщины забегали по лагерю, собирая вещи и укладывая их на повозки. В течение получаса вся людская масса стала растекаться в разные стороны. На огромной площади осталось лишь с полсотни казаков и офицеры.

Но недолго было молодым бунтовщикам жить спокойно. Не успели они добраться домой, как облетела станицы весть об их измене. Всполошилось старое казачество. Позор, угрозы и проклятия посыпались на головы молодежи. Старики требовали немедленно повесить зачинщиков бунта, а остальных публично наказать шомполами. Это могло привести к кровавой схватке между молодыми и старыми казаками, но благоразумные люди среди них этого не допустили, а заставили всех вернуться назад и отправиться в Омск».

Настроение казачьей массы летом 1918 года даже через сто лет можно понять – многолетнее пребывание в окопах, прибытие домой практически разоруженными, казаки по-

началу растерялись, разрываясь между семьей и долгом, к выполнению которого призывало офицерство и старики.

Начальник Сибирской дивизии Н.П.Кубрин вспоминал об очень важном для дальнейшего развития событий эпизоде войны: « При создании полков тяжесть пала на офицерство. Но на помощь пришли старики - станичники, выставившие полки». 28 июня в Петропавловске был созван круг из делегатов станиц Пресновской, Пресногорьковской и казачьих поселков, приписанных к ним – всего 21 станица. На нем вынесли резолюцию: «Казаков, не исполнивших боевого приказа и ушедших в станицы, вернуть на сборный пункт, составить из них отдельные команды и не вливать в сотню до тех пор, пока они своим поведением не докажут готовности выполнить свой долг перед родиной».

4-й казачий полк, сформированный в мае в Пресновской, разместили в Омске, неподалеку от кадетского корпуса. Хорунжий Фаддей Глебов командовал 1-й сотней ермаковцев в Алтайской операции против партизан П.Ф.Сухова, проводимой с 28 июля по 10 августа 1918 года бригадой Сибирской казачьей дивизии под командованием войскового старшины В.И.Волкова. Отряд Сухова (800 человек) грабил зажиточных хозяев и расстреливал противников красных, вызывая озлобление населения. Штаб отряда пытался бороться с деморализацией — в архиве отрядного ревтрибунала нашлись до 30 приговоров за неподчинение, но успеха это не принесло. Суховцев казаки Волкова и местное ополчение наголову разгромили, а уцелевших почти всех перестреляли при содействии местных жителей в районе сёл Тележиха, Солонешное, Топольное, Чёрный Ануй. Но до своего уничтожения в Горном Алтае у монгольской границы это русско-мадьярское войско отметилось жестокими расправами над пленными и священниками, а также многочисленными насилиями и грабежами.

Так, 29 июня в с. Вилки перед зданием училища суховцами были убиты офицеры С.С. Калякин и Лебедев, гимназисты-добровольцы В.Г.Гаевский и Иваненко, а также ещё один доброволец: «Калякин застрелен, тело его истыкано штыками, а шашкой распорот желудок. Гаевский также застрелен, истыкан и шашкой отрублена голова» (см. А.Тепляков).

Газеты писали, что в захваченных сёлах суховцы грабили богатых крестьян и священников, насиловали и убивали: «В Вознесенском пять человек пленных из войск Временного Сибирского правительства были приговорены к смертной казни. Начальник банды Сухов в присутствии многочисленной толпы крестьян выстрелами из револьвера убил приговорённых к смерти». Есть и другие подтверждения, что командир отряда, именовавший себя «главковерхом», лично расстреливал пленных офицеров: «[Сухов им] стрелял в лицо под хохот красноармейцев. Недобитых закапывали в землю живыми. Их, однако, удалось спасти: из шести расстрелянных мёртвыми оказалось только двое» (газета Свободная речь. Семипалатинск, 1918 г). После проведенной операции сибирские казаки вернулись в Омск.

Казаки не поддались агитации, проводимой омским подпольем, и приняли активное участие в подавлении Омского восстания против режима Колчака 21-22 декабря 1918 года. Первый Ермака Тимофеева полк считался самым надежным соединением у белых во время пребывания в Омске. Казаки охраняли ставку адмирала Колчака.

В мае 1919 года помощник командира 1-го полка Глебов оказался на передовой линии под Уфой, в 1-й казачьей дивизии (около 2000 шашек, 6 орудий, 18 пулеметов, начдив Н.П.Кубрин). Здесь, у станции Чишма казаки вели тяжелейшие бои с бойцами 25-й Чапаевской дивизии и на некоторое время приостановили ее наступление, прикрывая отход основ-

ных частей за реку Белая. Артиллерия противника абсолютно господствовала, засыпая казаков шрапнелью и гранатами.

Комиссар дивизии Дмитрий Фурманов писал в романе о Чапаеве: «Полки шли на Чишму. Ясно было, что такой важный пункт дешево не отдадут: здесь сходятся под углом две железнодорожные ветки... На Чишму наступала бригада Еланя (комбриг И.Кутяков – прим. автора) – разинцы, домашкинцы, пугачевцы. Все последние версты продвигались с непрерывным, усиливающимся боем. Чем ближе к Чишме, тем горячее схватки. Атаки отбивались, неприятель сам неоднократно ходил в контратаку... В этих серьезных схватках участвовали наиболее стойкие белые полки: их было, по сравнению с общей массой немного, но дрались они великолепно... Перед самой Чишмой бой настолько был серьезен, что в иных ротах осталось по красным полкам всего тридцать-сорок человек» [см. «Чапаев»]. Здесь же с сибиряками столкнулись каширинцы, оренбургские «красные» казаки. Не выдержали вида казачьей лавы – повернули коней.

Сотник А. Орлов вспоминал о поведении Глебова 31-го мая в бою у станции Чишма: «...Прискакал Глебов. Соскочив со своего кровного скакуна, при сверкающих погонах и в серебре шашки, он открыто подошел к цепи, не обращая внимания на свистящие пули. «Ну, что тут у вас?» - спросил он, обращаясь ко всей цепи. Противник, заметив группу начальников (с есаулом Глебовым был один офицер и ординарцы), усилил пулеметную стрельбу. «Ну, продолжайте! вторая ваша полусотня войдет в цепь тоже», - сказал он и пошел медленно вдоль фронта на правый фланг. Это было первое высокое начальство в передней линии с начала боя. Казаки улыбались на его шуточки, поворачивая головы».

После отхода белой армии за Урал война пришла в родные места Фаддея Глебова – 21 августа 1919 года полки 26-й стрел-

ковой дивизии 5-й армии под командованием М.Н.Тухачевского вошли на земли Сибирского казачьего войска в районе казачьего поселка Сибирский Пресногорьковской станицы. 6 августа Глебов был назначен командиром 10-го казачьего полка, 4-й казачьей дивизии (начдив полковник А.В.Катанаев).

9 сентября части Сибирского казачьего корпуса у поселка Островного Пресновской станицы разгромили части двух стрелковых бригад, порубив около 500 бойцов, взяв в плен около 1800 человек. За конной атакой наблюдали адмирал А.В.Колчак, генерал А. Нокс, генерал А.И.Дутов. Отличилась и 4-я казачья дивизия. Начдив Катанаев со своим штабом лично взял два пулемета, потеряв убитым ординарца, пресновского казака Боярского, а командиру полка Глебову адмирал Колчак присвоил звание войскового старшины. Пресновская трагедия, в которой была разгромлена ударная группировка красных, состоящая из нескольких полков, имела печальные последствия. Весь сентябрь разбитые бригады 35 –й дивизии отступали за реку Тобол. Здесь казаки Глебова вновь проявили себя. При преследовании красных частей 10-му полку была поставлена задача обойти с юга станицу Пресногорьковскую и выйти на тракт у поселка Песчаный, перерезав тем самым Петропавловско-Звериноголовский тракт, внести хаос и способствовать взятию станицы Пресногорьковской. У Глебова было 600-700 шашек и два орудия. Вышли из поселка Камышловский (ныне не существует – прим. автора) на юг, двигались по степи целый день и к вечеру вышли к Песчаному. Войсковой старшина Глебов и есаул Яковлев установили наблюдательный пункт у Дубровы, небольшого березового колка с северной стороны поселка. После первого выстрела снаряд попал в мельницу. Ее бросилось тушить местное население – ребята и женщины. Еще один снаряд разнес сарай у дома Панкова, в нем находились боеприпасы. Взрыв был огромной силы – остатки боепри-

пасов разлетелись по окрестностям. Позднее их много лет собирали по огородам школьники поселка. 311-й полк не решился атаковать, в нем было немного бойцов после сокрушительных сентябрьских боев (этот полк месяц назад, 19 августа, взял город Кустанай – прим. автора). Следующий выстрел из трехдюймовки по Песчаному был неудачен - снаряд упал совсем рядом из-за слабого заряда. У стрелявших сложилось впечатление, будто их обстреливают красные и обходят с тыла. Бой продолжения не имел, полк снялся с позиций и ушел степью на Камышловскую. Рейд достиг своей цели, породив замешательство в красных штабах. Станица Пресногорьковская была взята белыми на следующий день. О рейде вспоминал Иван Погодин: « В поселке Песчаном я соединился с начдивом тов. Нейманом, который принял командование дивизией только два дня тому назад (начдивом-35 К.А.Нейман назначен 20 сентября – прим. автора). С отступающими частями дивизии под командой командира 1-й бригады тов. Павлова связи у начдива не было. Накануне этого дня неприятельский казачий корпус, пройдя в одну ночь по киргизской степи свыше ста верст, вышел в тыл нашего правого фланга»(1926 год). Нейман собрал все тыловые подразделения и выслал их против казаков под командование комбрига Татаринцева. По всем поселкам вокруг бродили отсталые и раздетые команды красноармейцев. У начдива в Песчаном был лишь адъютант и 10 ординарцев. Около двух часов ночи в избу, где ночевал штаб дивизии, ворвался красноармеец и рассказал, что отряд Татаринцева наголову разбит казаками и лишь он один остался жив. Наутро «поселок наполнился грохотом и гамом скачущего в панике громадного обоза, на телегах которого сидело по 5-6 красноармейцев». Попытки Неймана и Погодина прекратить панику и остановить бегущих в сторону Звериноголовской бойцов ни к чему не привели. Тогда Погодин, взяв с собой несколько орди-

нарцев, верхом догнал в трех верстах от станицы голову обоза и выстрелами в упор в переднюю подводу остановил бегущих. Панику посеяли местные казаки своими рассказами о выходе на тракт казачьего корпуса. Погодин пишет о моральном состоянии бойцов: «Некоторые были больны и большая часть абсолютно голы и босы. Снимая с одного штаны, с другого сапоги и одевая их на того, у кого была гимнастерка, удалось набрать с большой натяжкой годных к строю человек 250», отправленных на фронт. Чуть позже пришло известие о том, что Татаринцеву удалось разбить один казачий полк, захватив несколько пулеметов и пленных, остальная часть корпуса ушла степью (конечно, говоря о целом казачьем корпусе, Погодин сильно сгущал краски).

После сдачи белыми Петропавловска (30 октября) и Омска (15 ноября) полковнику Глебову удалось сохранить основной состав 10-го полка. В него влились остатки других подразделений и в ноябре Глебов командовал уже сводной казачьей бригадой. Она совершила Великий Сибирский ледяной поход, пройдя зимой 1919/20 года путь до Забайкалья. Особенно тяжело пришлось под Красноярском, где была окружена и пленена 1-я Сибирская казачья дивизия во главе с генералом Н.П.Кубриным (уроженец ст. Пресногорьковской, 1874 -1921 гг.). Глебов провел невредимой свою бригаду, состоящую из наиболее боеспособных 2-го и 10-го полков, в обход восставшего города с севера.

12 февраля 1920 года казаки перешли по тонкому льду озеро Байкал и оказалась в Забайкалье. Лишь в середине марта в составе 2-й армии генерала С.Войцеховского измученные походом части вошли в Читу. Атаман Семенов присвоил Глебову звание генерал-майора. Все тяготы Ледяного похода перенесла семья Глебова – жена Анна Герасимовна с дочерью.

21 ноября 1920 года остатки белой дальневосточной армии пересекли государственную границу с Китаем и двинулись к станции Маньчжурия. Непримиимые белые сдали оружие китайским властям. Их погрузили в эшелоны и провезли по территории Маньчжурии в Приморье, куда прибыли 30 декабря 1920 года. Война в Приморье продолжилась. С 18 мая 1922 года Глебов командует Дальневосточной казачьей группой. В октябре 1922 года казаки погрузились во Владивостоке на суда Сибирской военной флотилии и навсегда покинули пределы бывшей Российской империи. Для Глебова началась новая война, в совершенно иных условиях – в условиях эмиграции, чужого государства. Дальневосточная казачья группа была распущена в 1926 году и Глебов организовал из бывших бойцов русский отряд Шанхайского волонтерского корпуса для охраны французской концессии. Он стал одним из наиболее авторитетных деятелей русской колонии Шанхая, последним войсковым атаманом Сибирского казачьего войска в Зарубежье.

«Небольшого роста, плотный и коренастый, генерал Глебов был истинным отцом-командиром, которого люди не только побаивались, но и уважали и любили. Строгий взгляд, волевой подбородок свидетельствовали о неизмеримой силе его воли» - так описал Глебова сотник Е.М.Красноусов († Брисбен, 1969), прошедший под его началом путь от Пресновского боя до Китая.

Фаддеем Глебов скончался в Шанхае 23 октября 1945 года. До сих пор там стоит здание военно-приходской церкви Св. Николая Чудотворца. Закладка состоялась 18 декабря 1932 года, а уже в марте 1934 года храм был освящен. Идея строительства принадлежала Глебову, он же возглавил строительный комитет.

Прошел век... Давно стерта начисто память о Фаддее Глебове и его соратниках, знают о них лишь немногочисленные

историки, хранители прошлого, да любознательные читатели, подвергающие сомнению официальную историю. Но, думается, не будь гениального Михаила Александровича Шолохова, что бы мы знали о гражданской войне на Дону? Ответ очевиден. Сто лет, прошедшие с далекой гражданской войны, заровняли окопы и братские захоронения красных и белых в тоболо-ишимском междуречье, лежащие в них красные и белые бойцы давно оплаканы родными как без вести пропавшие. Но память о тех и других непременно должна жить в наших сердцах.

Иначе и нынешнее время вместе с нами когда-то канет в Лету забвения...

Тайны отставного генерала

Однажды, в теплый майский полдень, на лавочке у старинного дома, довелось автору услышать от старожилы Николая Томского рассказ о том, как генерал Нарбут в гражданскую прятал от красных нажитое добро. Мне эта история показалась интересной. Необычная для наших мест фамилия была широко известна в войсках белой армии Восточного фронта. Она встречалась в документах штаба Колчака и в связи с убийством министра Временного Сибирского правительства, казачьего писателя Новоселова.

По словам Томского, во время гражданской смуты, его деда Матвея Зенепрецова вызвали в станичное правление, где сообщили, что его курень посетит генерал в отставке Иван Яковлевич Нарбут с личной просьбой. Вахмистр был беден и не нажил на государевой службе ничего, кроме крестов, но слыл очень уважаемым станичным обществом казаком. Предок, запорожец Петр Заднепрец, был сослан за Каменный пояс еще в конце XVIII века, а сам Матвей вручал в 1891 году хлеб-соль

будущему последнему императору России, ночевавшему в станице Пресногорьковской. Вечером того же дня экипаж генерала остановился у ворот и денщик внес в горницу кованный сундук, который тут же укрыли половиками. Всю ночь сослуживцы распивали самогон, вспоминая годы службы в Семи-речье. Командир полка Нарбут однажды заставил за какую-то провинность казака Зенепрецова пять верст бежать с седлом в руках, а сам скакал рядом. Генерала увезли под утро. Маленькая Анюта (бабушка Томского – прим.С.В) из любопытства заглянула в сундук и увидела «желтые железки и иконы». Сундук увезли, когда угроза расправы миновала.

История имела продолжение в наши дни. В 2011 году антикварная галерея «Русские сезоны» (СПб) выставила на аукцион икону-складень. На золоченой накладке деревянного киота сохранилась надпись: «1895-1908. Искренно уважаемому Отцу Командиру Ивану Яковлевичу Нарбуту отъ гг. офицеровъ, чиновниковъ и семействъ 2-го Сибирского казачьяго полка». Икона оценена в 100 000 у.е.

В 2007 году в екатеринбургском журнале «Урал» были опубликованы воспоминания Сергея Преображенского о жизни в дореволюционной Пресногорьковке.

«К вечернему чаю почти ежедневно приходил И.Я. Нарбут. Поговорив за чаем, в основном с матерью, он обычно за столом засыпал и, проснувшись, вставал, извинялся, и тут же уходил домой. Жил он в отдельном доме из трех комнат. Одну из них занимал денщик. Вторая комната служила спальней и залом, а третья являлась как бы столярной и слесарной мастерской. Часа по два-три в день он чем-то занимался. Строгал, пилил, клеил или перебирал и приводил в порядок свои инструменты. У нас много было предметов его работы: ухватников, сковородников, лопаток с деревянными дубовыми ручками на металлических заклепках, деревянная походная кровать с

плетеной сеткой из мягкой шерстяной веревки. Особо были интересными преподнесенные им ко дню рождения матери три или четыре дубовые складные турецкие табуретки, с мягким сидением из персидской ковровой полосы».

Перед Великой войной Пресногорьковку посетила известная на всю Россию наездница княгиня Кудашева, совершившая конный пробег Пекин - Петербург. Она представилась станичному обществу как дочь губернатора Семиреченской области Герасима Алексеевича Колпаковского. Но пришел Нарбут и «заявил, что он очень хотел бы знать настоящее имя, отчество и фамилию наездницы, ибо он, будучи женат на родной сестре Александры Герасимовны Колпаковской, хорошо знал, что она умерла, и он лично присутствовал на ее похоронах». Кудашева смутилась и попросила прощения за свой обман - хотела, мол, остаться инкогнито.

Поиски показали, что Иван Яковлевич тоже был не прав в своем утверждении. Младшая дочь губернатора Александра Герасимовна Колпаковская была замужем за инженером Федором Базилевским и скончалась в Смоленске 11 сентября 1931 года. Ее имя встречается в списках лиц, оказавших помощь пострадавшим после катастрофического землетрясения 1911 года, разрушившего город Верный.

Старшая дочь Герасима Колпаковского Мария была замужем за Д. Топорниным и похоронена, по мнению известного алматинского краеведа В.Н.Проскурина, в Ташкенте или в Петербурге. Видимо, старый генерал, лично зная семейство Колпаковских и по долгу службы бывая у них, решил вывести княгиню на «чистую воду».

На ком в действительности был женат Нарбут выяснить не удалось. Биография его уложилась в несколько строк. Родился 4 мая 1851 года в Витебской губернии, в семье потомственного дворянина. После окончания Павловского военного

училища в 1870 году получил первое офицерское звание. В составе Туркестанской армии воевал в среднеазиатских ханствах. С 1895 по 1908 год служил командиром 2-го сибирского казачьего полка, дислоцированного на границе с Китаем. После отставки проживал в станице Пресногорьковской. В 1916 году вернулся в Джаркент (ныне г. Пржевальск), где служил почетным мировым судьей. Есть сведения о том, что перед революцией Нарбут был начальником Асхабадского гарнизона. Служил в белых войсках Восточного фронта. В некрологе Омского войскового еженедельника «Иртыш» за апрель 1919 года сказано, что Иван Яковлевич Нарбут умер 7 апреля и похоронен в станице Пресногорьковской Петропавловского уезда.

О шестерых детях генерал-майора удалось узнать немного: Маргарита родилась в 1891 году, окончила Семипалатинскую женскую гимназию, а в 1914 году - юридическое отделение Высших женских курсов в Петербурге. В 1918 году проживала с сестрой Ольгой (1896 г. р.) в Самаре, где сестры работали статистиками в Губпродкоме. В ночь с 5 на 6 октября 1919 года обе были арестованы чекистами по подозрению в «контрреволюционной деятельности». 17 октября были освобождены, дело прекратили.

Сыновья: Петр. Штабс-капитан. В белых войсках Восточного фронта. Взят в плен В августе 1922 года состоял на особом учете в Томском ГВК.

Георгий, родился в 1905 году. После гражданской войны оказался в эмиграции. Умер 26 сентября 1931 года в Шанхае.

Николай, родился в 1894 году. Окончил в 1913 году кадетский корпус в Омске, Николаевское кавалерийское училище в 1914 году. Хорунжий 4-го Сибирского казачьего полка (с 19 февраля 1915 года находился в германском плену). Расстрелян большевиками в 1919 году.

Сергей, родился в Акмолинской области. Окончил Николаевское военное училище в 1916 году. Хорунжий Сибирского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта: адъютант командующего Сибирской армией. Сотник (с 19 сен. 1918). Проходил по делу об убийстве министра Новоселова. Взят в плен красными. Весной 1922 года находился на особом учете ЧК.

По этим скудным биографическим данным можно предположить, что судьба детей И.Я.Нарбута в дальнейшем сложилась трагически, как и судьбы сотен тысяч борцов за белую идею.

Сохранилась единственная фотография, на которой запечатлены офицеры с женами на проводах в отставку командира полка в 1908 году (Нарбут на ней стоит пятый справа). Есть ли среди присутствующих на фото женщин жена Нарбута – вряд ли приведется доподлинно узнать.

Глава II. Нездешние

Ссылные - особая тема в истории казачества Пресногорьковской линии. Их было немало за два с половиной столетия. Многие из них внесли свой вклад в просвещение и развитие станиц, удаленных от городских центров. Население поселков спустя многие годы с благодарностью вспоминают о них.

Жизнь за веру

*«Вы – соль земли»
(Евангелие от Матфея, 5:13)*

Старинный храм в станице Пресногорьковской и Архистратиго-Михайловский женский монастырь официально при-

знаны сакральными местами Северного Казахстана. Глубоко трагична судьба православных священников и монахинь, служивших здесь более века назад и оставивших в памяти сибирских казаков глубокий след.

В сентябре 1977 года автору, тогдашнему выпускнику школы, привелось копать могильную яму в юго-восточном углу пресногорьковского старинного погоста, самом дальнем от входа на лежак. Здесь захоронений не было, лишь несколько невысоких холмиков, поросших пожухлой травой прошедшего лета.

На метровой глубине лом провалился в пустоту, из которой был извлечен большой человеческий череп. Копачи продолжали работу, и вскоре обнаружили рядом детские останки. По словам подошедших стариков, был поднят прах расстрелянного весной 1921 года священника Василия Преображенского и его дочери Екатерины, умершей тогда же в возрасте восьми лет. По воспоминаниям С.В.Преображенского, она была похоронена рядом с братом - близнецом Александром вскоре после возвращения из отступления на восток с белыми, в январе 1920 года. Скорее всего, батюшка после расстрела был похоронен женой рядом с умершими ранее детьми. Это значит, что мы не потревожили прах третьего. Захоронения постепенно заросли травой, холмики сравнялись с землей, и через шесть десятков лет бригада копателей выбрала уже ровное место для нового погребения. Фотографию священника автор впервые увидел спустя тридцать лет в екатеринбургском журнале «Урал» Известный драматург, пресногорьковчанин Николай Владимирович Коляда, опубликовал в нем воспоминания сына священника. Сергей Преображенский побывал в Пресногорьковке в 1973 году и видел человека, некогда расстрелявшего его отца. Фамилию сын священника так никому и не сказал (*источник – внучка Р.И.Нерятина-Козырина*). Автору по косвенным по-

казаниям удалось узнать имя палача, но по этическим соображениям обнародовать его не буду.

Многие годы по селу ходили различные слухи об обстоятельствах расстрела. Из рассказов старожилов было ясно, что отец Василий принял мученическую смерть за веру. По воспоминаниям старой казачки Зенепрецовой, каратели привязали его цепями к дубу, росшему рядом с почтовым трактом у леса Маяк, и долго пытали – кололи штыками. Жительница поселка Казанского Ульяна Железняк рассказывала, что батюшке сняли пластами кожу со спины в виде креста и, привязав за руки и ноги к телеге, выпустили лошадь в степь и долго таскали его по степи.

В 2015 году внучка священника жительница Екатеринбургa Римма Ивановна Нерятина-Козырина вспоминала рассказы бабушки: « За дедом пришли вечером и обещали отпустить утром. На рассвете бабушка пошла в ревком, где ей отдали ящик с изрубленным телом» (*видео интервью с иереем Андреем Крутиным*). От горя у Александры Христофоровны развился неврит лицевого нерва, перекосило лицо. Сельчане не знали этого и говорили позже, что она гордо шла по станице и улыбалась вместо того, чтобы рыдать, рвать на себе волосы и кататься в дорожной пыли.

Василий Александрович родился 22 февраля 1878 года в семье священника, проживавшей в Вологодской губернии. Отец умер рано (в 1887 году) – Василия, Ивана и Николая учили в семинарии за счет приходских средств. В 1900 году Василий окончил духовную семинарию и был назначен священником при Погосте Тотемского уезда. В 1909 году он вместе с семьей был сослан в станицу Сибирского казачьего войска Пресногорьковскую Петропавловского уезда Акмолинской области под надзор полиции за хранение рабочей типографии брата своей жены, известного революционера В.Х.Попова (бывший

священник, партийная кличка «Василий Темный». После первой русской революции бежал из больницы Архангельской тюрьмы в Англию, оттуда в Америку. Добивался прощения у императора и разрешения вернуться на родину из эмиграции. После февральской революции 1917 года прислал сестре Саше записку с просьбой встретить его на железнодорожной станции Лебяжьей?, сестра ждала его два дня, но он не приехал). Батюшка начал служить в старинном Богородице - Казанском храме станицы 16 января 1910 года. Жена священника, Александра Христофоровна (род. 17 апреля 1883 года) окончила курс Вологодского епархиального женского училища (в 1900г.) с правом быть домашней учительницей, работала начальницей Пресногорьковского женского училища. В шесть лет она лишилась отца, священника Шангальской церкви Вельского уезда, и все детство вместе с братом Василием трудно и тяжело работала. В 1923 году ее арестовали по доносу – в учительской была обнаружена газета с ее пометками, в которой говорилось, что все отобранное у народа зерно не вывезено и горит в вагонах. «Мать посадили, каждое утро ее водили в контору, где она выполняла бухгалтерскую работу, а вечером возвращали в тюрьму. Хлопотал за нее и способствовал ее освобождению И.М.Туровский» - вспоминал Сергей Преображенский. Умерла она в 1947 году в тогдашнем Свердловске.

Дети Преображенских: Александр и Екатерина (умерли в раннем возрасте в 20-х годах, похоронены в Пресногорьковке, рядом с отцом), Людмила († в 1946 г. в Кемерово), Николай (1910 – 1943 гг.), Владимир (1917 – 1981 гг.) военврач, Сергей (1904 – 1990 гг.).

В Пресногорьковке Преображенских очень уважали – еще в конце XX века старожилы вспоминали Александру Христофоровну как очень строгую и справедливую учительницу. В пояс кланялись люди при встрече с четой Преображенских на

широких станичных улицах, однако, по воспоминаниям внучки, пресногорьковчане равнодушно отнеслись к мученической гибели священника, стараясь поскорее забыть сам факт расправы. Отец Василий сделал много добрых дел для своих прихожан. Уже с 1-го января 1911 года стало существовать Богородице-Казанское братство, расположенное в старом школьном здании. Здесь велись беседы и чтения, была открыта библиотека-читальня, в братской школе повторяли курс начальной школы в пределах программы двухклассного училища. В чайной кормили бедных за счет «тарелочного» сбора, поступающего от 60 членов братства и от воскресных и праздничных церковных служб в храме. «Отрадно видеть и слышать, что инициатива приходского священника нашла отклик среди грубого и невежественного деревенского населения. Надо думать, что нелегко это далось отцу Василию» - писал историк епархии Иван Голошубин.

«Омские епархиальные ведомости» через несколько лет, в феврале 1917 года, в заметке под названием «Пастырь добрый» дали слово обывателю: «Из ст. Пресногорьковской переведен в Ново – Омск священник о. Василий Преображенский. За свою семилетнюю службу в станице он зарекомендовал себя как истинный пастырь народа и как общественный деятель. Он был инициатором и учредителем Богородице-Казанского братства, которое снабжает станицу учебными пособиями и преследует благотворительные цели. В 1916 году братство кормило бедных. В нынешнюю войну оказывает посильную поддержку солдаткам. До открытия здесь высшего начального училища Братство имело школу, которая подготовила учеников в высшее начальное училище, и все ученики 4 класса являются воспитанниками братства. Братство не оставляет своих выучеников и сейчас, давая им стипендии: например в Курганской гимназии есть братская стипендиатка. Преоб-

раженским было открыто кредитное товарищество, которое имеет паровую мельницу и наличный капитал. Им же учреждены: общество потребителей, которое имеет магазин и с/х общество, целью которого является снабжение населения с/х машинами на прокат, с/х общество имеет показательное поле. Св. Преображенский во всех этих учреждениях принимал деятельное участие и состоял председателем. Узнав о переводе своего пастыря, прихожане поднесли ему письменный прибор с надписью: «Священнику о. Василию Преображенскому от благодарных Пресногорьковичей». Общество потребителей, в благодарность за плодотворную деятельность вручило ему 100 рублей на проезд. Рождественские праздники о. Василий провел со своими прихожанами. 15 января им была отслужена последняя литургия. Почти вся станица собралась в храме. Трогательно было прощание пастыря с пасомыми. Плакал священник, плакали и прихожане. После обедни священник уезжал. Масса народа провожала его. Многие поехали провожать версты за две, а о. дьякон, учащие высшего начального училища и следователи поехали провожать за 18 верст до ближайшего поселка (Камышловского – прим. автора). Станица лишилась главного импульса культурной и общественной жизни. Венцом его деятельности было открытие и постройка высшего начального училища. Если бы не о. Василий, долго бы здесь не было училища, а, будучи открытым, оно ютилось бы по квартирам. Благодаря его стараниям оно имеет теперь собственное просторное светлое двухэтажное здание» (в нем учился Габит Мусрепов, известный казахский писатель, здание сгорело 30.12.1959 г. – прим. С.В.).

Не довелось отцу Василию построить новый храм – началась революция, покатило по России «красное колесо». Он вернулся домой и сразу почувствовал недоброжелательное отношение со стороны паствы. Часто вспоминались проро-

ческие слова епископа Омского и Павлодарского Андроника Никольского, сказанные им при встрече с казаками станицы в 1913 году. Владыка стыдил их: «Крест Христов вы носите, а христианскую жизнь не показываете. Если это так будет, то храм ваш будет закрыт, и Господь вам не простит этого – Он накажет вас...». Все случилось, как говорил пастве епископ – богоборческая власть закрыла храмы и началась вакханалия расправ над служителями церкви (*священномученик архиепископ Андроник был закопан живьем пермскими чекистами*). Василий Александрович и сын Сергей в октябре 1919 года отправляются на восток вместе с отступающей белой армией. «Отступ» прервался на Иртыше. В станице Ачаирской пресногорьковского атамана Ивана Яковлевича Вяткина пригласил для разговора начальник 1-й казачьей дивизии Николай Павлович Кубрин. Генерал настоятельно советовал атаману и всем землякам возвращаться домой, предвидя трудности Великого ледяного Сибирского похода. С огромным трудом, по глубокому снегу, в сильнейшие морозы батюшка с сыном вернулись домой. Все, кто уходил с белыми, были тут же внесены в списки неблагонадежных, ставшими основой для дальнейших репрессий вплоть до конца 40-х годов. В 1921 году вспыхнуло восстание, названное в советской историографии «Западно-Ишимским мятежом». Разразилась настоящая крестьянская война против регулярных частей Красной армии. Она закончилась разгромом и волной репрессий против сочувствующих повстанцам. Был арестован и Василий Александрович Преображенский. Никаких документов о суде над ним, обвинении и приговоре обнаружить не удалось. Скорее всего, таковых не было вовсе. Палачи не собирались оставлять документальных свидетельств своих деяний. Была в ходу формулировка «за участие в шпионаже и грабеже», согласно которой был расстрелян церковный староста Петр Васильевич Лученинов и

монахини Архистратиго - Михайловского монастыря. Любаве Андреевне, жене старосты, удалось выкрасть тело мужа у расстрельной команды и тайно захоронить. О месте погребения она не рассказывала даже внукам, боясь преследований.

Захоронение о. Василия также оставалось под запретом, о чем свидетельствует тот факт, что он был захоронен в дальнем углу кладбища, без гроба, на небольшой глубине, даже холмика не осталось, не говоря уже о кресте. Храм, освященный в 1805 году, подвергся частичному разрушению и осквернению – на многие годы был лишен крестов, возвращенных лишь в 1991 году.

Летом 2015 года на месте захоронения священника при большом стечении народа - паломников и казаков кустанайской общины, был установлен поклонный крест и отслужена панихида в память мученика Василия, отдавшего жизнь за православную веру в старинной казачьей станице Пресногорьковской.

Брат Василия Николай Александрович Преображенский (род. в 1872 году) служил в селе Верхний Спас на территории Тарногского района Вологодской области. В 1919 году *председатель волисполкома И.А. Кузнецов арестовал священника Преображенского «и отправил в уездную ЧК для соответствующего внушения со стороны чекистов. Вскоре этот поп уже обмякшим возвратился на свой погост»*. Судьба священника неизвестна, есть предположение, что он был утоплен на барже в Архангельске (данные Марии Юрьевны Воронцовой, СПб). Хорошо изучена биография его сына Георгия (1897 -1958 гг.), ставшего генерал-майором, Героем Советского Союза. Во время Великой Отечественной войны Георгий Николаевич командовал дивизией, освобождал Крым, Молдавию и Венгрию. В коммунистическую партию вступил в 1949 году. В 1953 – 55 гг. был начальником Сверд-

ловского суворовского училища. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

Родной дядя о. Василия по матери, Василий Парменович Образцов (1849 -1920 гг.), служил профессором Киевского университета. 1 января 1910 года на первом съезде русских терапевтов он сделал доклад о методике диагностики инфаркт миокарда при жизни пациента. С этого дня началась история лечения этой грозной болезни. Доклад специально назначили на 19 декабря 1909 года по старому стилю, как подарок на новый 1910 год всем терапевтам мира, жившим по григорианскому календарю. Сын бедного священника, по окончании вологодской семинарии в 1870 году Василий раздумал идти в церковь и хотел продолжить учёбу. Из светских наук выпускникам семинарий позволялось изучать только медицину. Образцов решил отправиться в Петербург и там поступить в Медико-хирургическую академию. Денег на дорогу не было, шёл он пешком. На прощание крёстная мать дала ему старинный петровский рубль. Крёстная, готовившая просфоры для отцовской церкви в городке Грязовец, некогда выучила маленького Васю читать, и открыла его страсть к науке. На сей раз она вручила Образцову свою самую ценную вещь, чтобы в случае крайней нужды мальчик мог продать её нумизмату. Уже будучи известным ученым Василий Парменович помогал поставить на ноги своих племянниц – трех сестер о. Василия.

Сергей Васильевич Преображенский был женат на Нине Ильиничне Туровской, племянник которой Виктор Николаевич Ягодинский (1928-2017 гг. Москва) был известным эпидемиологом и биофизиком, написал множество книг о здоровом образе жизни и космосе, был биографом основателя геобиологии А.Л.Чижевского (*мне удалось несколько раз поговорить с Виктором Николаевичем по телефону, и даже на огромном расстоянии чувствовалась его мощная энергетика, несмотря на столь солидный возраст. Он был полон светлых воспоминаний*

наний о Пресногорьковке и предлагал прислать в Москву пару крепких казаков, чтобы они забрали горы его книг, заполнивших балкон – прим.С.В.).

Из родословной о. Василия Преображенского

1816 год. Священник Иоанн Иоаннов Образцов, 38 лет, жена Федора Иванова, 38 лет, дети: Никанор, Александр, Ольга, Пармен (1 месяц).

1866 год. Священник Пармен Иоаннов Образцов, жена Евгения Дмитриевна, дочь священника Дмитрия Становского, дети Михаил 22, Василий 16, Клавдия 18, Екатерина 13, Марья 10, Александра 8.

О.Василий внук протоиерея Михаила Васильевича Старостина (1827г. р), награжденного орденом Св. Анны 3 ст., Св. Владимира 4 ст.

В сорока верстах восточнее Пресногорьковки в березовой роще лежат развалины женского монастыря, в стенах которого более столетия назад кипела бурная жизнь. Монастырь имеет свою короткую, но интересную историю. Его основательница Анна Васильевна Петухова родилась в 1857 году в поселке Камышловском (ныне не существует – прим.С.В.) Петропавловского уезда. В 1885 году она вышла замуж за есаула Алексея Прохоровича Казина.* Молодые поселились в Пресногорьковской в большом двухэтажном доме старого полковника Казина с лавкой в цокольном этаже.

Вскоре Алексей увез Анну в Омск, где служил в одной из сотен 1-го военного отдела. Однако этот период продолжался недолго – в студеном январе 1890 года есаул Казин скоропостижно скончался. Анна, выдержав страшный удар судьбы, приняла решение: основать на доставшемся в наследство по

* смотреть стр. 100

духовному завещанию от мужа земельном участке женский монастырь. Участок, дарованный за службу есаулу в потомственное владение Высочайшим указом, располагался в 33 верстах от станицы Пресногорьковской. Земля здесь была удобна для хлебопашества и сенокосения, на участке рос березовый лес, в долине – пресноводное, богатое рыбой озеро. О своем решении Анна Васильевна сообщила благочинному 1-го Петропавловского округа, священнику церкви в станице Пресновской, о. Николаю Попову. Благочинный, понимая, какие заботы ложатся на плечи хрупкой женщины, предупредил ее о предстоящих трудностях, о заботах и хлопотах по устройству и существованию общины. На это казачка ответила: «Личное мое счастье Господь отобрал, хочу послужить Богу и родному народу. Благословите и помолитесь за меня, грешную».

9 января 1896 года Анна Васильевна подала епископу Омскому и Семипалатинскому Григорию прошение: «По милости Божией я имею во владении землю в количестве 1198 дес. и 558 саж. Мне желательно посвятить всю эту землю в дар Богу с тем, чтобы на ней воздвигнута была женская обитель в честь Св. Арх. Михаила и чтобы в сей обители совершалось поминовение моих родителей...». Преподнесенный в дар церкви земельный участок стоил около 30-35 тысяч рублей. 19 января последовало согласие епархиального начальства. Для знакомства с монастырским уставом и житьем инокинь Анна Васильевна совершила путешествие по святым обителям – побывала у Симеона Праведного, в Тобольском, Ивановском и в Троицком монастыре Челябинского уезда.

В 1896 году в березовом лесу неподалеку от станицы Пресноредутской были вырыты землянки для будущих насельниц женской общины. Когда сестер «собралось порядочное количество, выстроила из березового леса молитвенный дом (1897 г.), в который неоднократно в дни Великого поста приезжал со-

вершать богослужения приходской священник из ст. Пресногорьковской» (Русский паломник, 1903 г). На строительство были использованы средства от продажи дома в станице Пресновской, оказали помощь отец и Николай Казин.

В создании общины огромную роль сыграли соратницы Анны Васильевны – дворянка, дочь офицера поселка Сибирского Наталья Прокофьевна Панкова и вдова вахмистра поселка Усердненского Пресногорьковской станицы сестра Мария Никифоровна Лепехина. По словам очевидца событий протоиерея Григория Яковлева: « Эти три женщины, две дворянки и казачка, соединясь во имя Божьей любви к людям, стали трудиться над устройством жизни и счастья других людей. На маленький, светящийся в степи маячок стали стекаться судьбой обиженные, униженные, осиротелые и обойденные судьбой русские женщины и жизнь во вновь возникшей тихой пристани началась по уставу православных русских женских общин». В землянках терпели всякие лишения Мария Лашманова и девицы Феврония Столбовская с Евфимией Быковой.

Летом следующего года из своего леса была выстроена крытая тесом часовня, вмещавшая до 30 человек, и три деревянных жилых дома. Хорошую питьевую воду брали из колодца, выкопанного рядом с кельями. Насельницы распахали и посадили шесть десятин пшеницы, развели большой овощной огород, готовили сено и дрова на зиму. Из окрестных казачьих станиц и переселенческих поселков стали поступать пожертвования. После того, как община приютила девочек – сирот, жители Петропавловского, Кокчетавского, Атбасарского, Троицкого уездов, городов Кургана, Шадринска, Челябинска, Омска, Екатеринбурга, Тюмени и даже великий молитвенник земли Русской о. Иоанн Кронштадский стали посылать денежную помощь, книги и одежду.

Седьмого ноября 1901 года Святейший Правительственный Синод утвердил « представление Преосвященного Омско-

го Сергия об учреждении женской общины с именованием ее Архистратиго – Михайловскою... На участке проживают до 50 насельниц, занимающихся земледелием и ремеслами, для совершения богослужения имеется небольшой молитвенный дом и сооружается новый храм, есть школьное здание и дом для священника».

В этот период только что созданная община столкнулась с духовным испытанием. В районе станицы Пресногорьковской появился запрещенный священник Иаков Барбарин (1864 - 1914 гг.с. Давыдовское). Будучи настоятелем храма в с. Давыдовском Курганского уезда он был отрешен от места и уволен за штат за сектантскую деятельность. Крестьяне села Осиновка писали о нем в Тобольск что: « много живут под его распоряжением девиц, которые живут в особой избе и будто бы молятся Богу. А молодые женатые мужчины каждую ночь ходят к ним начиная с вечера и проводят там всю ночь до утра, и говорят, что мы всю ночь молимся, а девицы эти и много замужних женщин косы отрезали и волосы носят в кружок, как мужчины». Все новообращенные почитали только своего учителя, который не обращал внимания на запрет служить – святил воду, совершал службы, проводил бракосочетания. В районе женской общины Макарьевской волости ему помогал казак поселка Богатинского Михаил Полников. Воспользовавшись отсутствием начальницы они явились в общину в августе 1901 года и «произвели здесь немало соблазна» (о.А.Поникаровский). Им удалось прельстить и увести с собой восемь сестер. Анна Васильевна 5 октября написала Преосвященному Сергию, Епископу Омскому и Семипалатинскому, что в станице Пресногорьковской «с каждым днем усиливается хлыстовщина». Барбарин с новыми последователями направились в станицу Звериноголовскую поклониться новой чудотворной иконе. Крестный ход везде был радушно встречаем. Женщины казачьих поселков Пресно-

редутской и Камышловской пришли с Барбариним в Пресногорьковскую. Здесь они остановились на несколько дней. «Барбарин собирал народ и выступал с проповедями. Собрания эти больше напоминали радения хлыстов. Однако в Пресногорьковской «богомольцам» не повезло. Их обман разоблачил один урядник, заявивший, что «в Зверином чудотворной иконы не бывало и ныне нет». В результате Барбарин был побит, а «нечестивое скопище» изгнано из станицы» (Шатилов С.Ф). Из восьми сестер Казинской общины назад вернулись только две. Две сестры ушли в другие монастыри, иные же «так и не выпутались из сетей вражых, остались там, где только печаль и вздыхание». Очевидцы оставили описание о. Иакова: «детина огромного роста, жгучий брюнет с большой окладистой бородой, такими же густыми волосами, падающими на плечи. Лет не более 32-33. Некоторые женщины, подходя к нему на благословение, начинали громко рыдать и дрожать от непонятого страха. Женщины почему-то были молодые и красивые. «Святой» объяснял присутствующим, что это великие грешницы и тут же исцелял их. Иногда во время богослужения в церкви появлялась вода и поднималась выше колен. Женщины кричали о чудесах. Во время движения «богомольцев» от станицы Крутоярской к Песчаной путь вдруг преградила невесть откуда появившаяся речка. Женщины, подняв платья, перешли ее вброд, речка тут же исчезла. Случайно оказавшийся здесь пастух со стадом, увидев это необычное зрелище, счел, что это бродит толпа сумасшедших, и от страха угнал стадо подальше. В Звериноголовской этот «святой» жил в особняке с целым гаремом, пока не прибыли мужья из окрестных станиц и заключили «святого» под стражу. Женщин-бунтовщиц отодрали плетьюми...»

Летом 1902 года был освящен поместительный деревянный храм во имя Святой Троицы. Для приобретения опы-

та и знаний монашеской жизни настоятельница общины в 1903 году посетила Саровский и Дивеевский женский монастыри, после чего совершила паломничество во Святую землю – город Иерусалим. Во время ее отсутствия руководила общиной Варвара Алексеевна Кокина (монахиня Апполинария). 23 мая 1903 года настоятельница Градо - Троицкого Казанского монастыря игуменья Феофания одела в монашеское одеяние Наталью Панкову, Ксению Климову, Хионию Матвееву, а 20 июня – Варвару Кокину, Ирину Распопину и Веру Гребенщикова.

Приехавший в общину епископ Гавриил 15 мая 1906 года постриг в монашество Анну Васильевну, с наречением имени Евпраксии. 27 мая 1908 года Казинская община была переименована в монастырь (указ Св. Синода № 2983)

11 января 1909 года настоятельница была «за ревностную и полезную деятельность» возведена в сан игуменьи монастыря. Ближайшие ее сподвижницы также приняли духовные имена – Евстолия, Епифания, Серафима, Аркадия, Нина, Ефимия, Еликонида, Евлампия, Анна. В 1907 году казначеей общины служила Апполинария, благочинной была Виталия, обязанности церковной старосты выполняла Ангелина, в качестве экономки работала Ирина Распопина. В 1905 году открылась школа для десяти учащихся, в ней преподавала Параскева Забалуева. В 1908 году « в черте усадьбы есть десять домов для помещения сестер, полукаменный двухэтажный корпус, внизу трапезная, наверху кельи. За канавой гостиница и дом священнику. На заимке дом для чернорабочих, а другой большой только строится. Там же мельница, кузница и кирпичный сарай» (свящ. А.Поникаровский).

Монастырь укреплялся экономически. Через несколько лет после его основания игуменья Евпраксия обращается с письмом к Императрице Александре Федоровне: «Будучи пионером

христианства, в таком глухом углу, как Киргизская степь, монастырь дает приют уже 154 сестрам и призывает 20 девочек, круглых сирот. Содержится монастырь исключительно на средства, приобретенные трудом сестер из которых большая часть старух немощных, и в их числе 6 слепых...». Настоятельница заботится о школе, «этом рассаднике знания в духе православия, самодержавия и народности», поэтому просит Царицу выделить средства на строительство « благолепного» храма и школы.

К 1915 году, благодаря помощи Синода, были построены две церкви (страховые оценки по 10000 рублей), часовня, профторный дом, больница, хлебопекарня, дом священника, баня, трапезная, двухэтажная каменная школа. Монастырь обзавелся сельскохозяйственной экономией, расположенной у озера за версту от усадьбы, с ветряной мельницей, кузницей, большим количеством лошадей, дойных коров, быков. Была куплена паровая молотилка. Монастырь имел мельницы в Звериноголовской и Петропавловске, содержал подворье в Омске (угол Тюремной и Вдовьего переулка, заведующая монахиня Магдалина) и Кургане (по ул. Мяготина, 106). У самого дома игуменьи вырос большой сад. Собирали в нем крыжовник, клубнику, малину, яблоки. Вся огромная территория березового леса была окопана глубоким рвом (выкопан в 1907 году наемными рабочими – прим.С.В.). К центру была проведена высокая насыпь, по ней приезжали гости, шли богомольцы со всей округи.

Мужчин в монастыре было двое – священник (последовательно служили - Николай Федорович Попов, Александр Михайлович Соколов 1901 - 1907, Сергей Яковлевич Бисеров 1907 – 1908, Александр Поникаровский, Иван Симонов, Павел Парханов) и дед - мельник, ловивший рыбу для общины в круглом озере. Отец Александр Соколов усыновил мальчика – казаха, крестил и выучил его, дав фамилию Александров, женил и по-

мог приобрести дом. Отец Павел Парханов после открытия в бывшем монастыре детского дома работал в нем фельдшером и заведующим аптекой. Священники жили в каменном доме за рвом.

Монахини из казачьих семей несли послушание в рукодельных группах, иконописной, чеботарне, просфорне, работали доярками, птичницами, сеяли и убирали хлеб. В храмах монастыря шли ежедневные богослужения. Деятельность старых монахинь была строго регламентирована. Одна занимала должность казначея, другая несла ответственность за внутренний распорядок службы, третья руководила хором.

О хоре вспоминали те, кто был на службе в храме: « Это было красивое, волнующее, театральное исполнение. Церковный хор в исполнении 20 прекрасных молодых голосов под руководством дочери казака станицы Крутоярской Марии Бобровой, приводил молящихся в восхищение, вызывая слезы на глазах. Священник о. Иван Симонов имел сильный голос и, бывало, подхватит какую-нибудь ноту вместе с хором, кажется, будто церковь поднимается в воздух». Сохранились несколько фамилий монашек из окрестных станиц – Анфиса Лещева, Луша Подгузова, Таня Львова, Зина Дедова, Нюра Смыслова, Сима Песьяная, Нюра Косоногова, Нина Конгурцева, Марфа Смыслова...А сколько их прошли школу монастыря! В 1911 году игуменью Евпраксию за подвижничество Священный Синод наградил наперсным крестом.

По воспоминаниям очевидцев, в 1917 году Евпраксия была хорошо сохранившейся женщиной. На лице ее почти не было морщин, еще видны были следы былой красоты. Полная, с гордой осанкой, она всегда во время богослужения проходила через всю церковь к своему месту, толпа молящихся с трепетом и поклонением расступалась, давая ей дорогу. С обеих сторон ее поддерживали две монашенки, третья несла позади черный

шлейф. Около иконостаса она садилась в огромное обитое черным бархатом кресло. Разговаривали с ней через специальную трубку, так как она стала плохо слышать после смерти мужа.

Игуменья с сестрами с огромной тревогой восприняли октябрьские события 1917 года. Монахини стали свидетелями жестоких боев между казаками Сибирского корпуса и красноармейцами 5-й армии осенью 1919 года. Игуменье Евпраксии было ясно, что близится конец делу всей ее жизни. Но, пока шла братоубийственная Гражданская война, у богоборческой власти не доходили руки до расправы с монастырем. Однако уже летом 1920 года в сводке Омской губчека говорится о том, что: «Тормозами проведения мясной заготовки является агитация духовенства Пресногорьковской волости, где находится женский монастырь... Ввиду неохотной сдачи крестьянами хлеба и сильной агитации духовенства местными властями брошены в уезд 500 вооруженных красноармейцев для успешного проведения разверстки...».

В феврале 1921 года началось Западно – Ишимское восстание казаков и крестьян против Советской власти. Оно было безжалостно подавлено регулярными частями Красной армии. В конце зимы монастырь был захвачен пресногорьковским отрядом ЧОН. Обвинив монахинь в том, что они снабжали оружием повстанцев отряда есаула Ивана Дурнева и прятали руководителей восстания, чоновцы арестовали игуменью Евпраксию, монахиню Феофанию, несущую послушание монастырского казначея, и матушку Серафиму. Их увезли в Макарьевку и расстреляли на льду озера Церковного, против огородов Макара Садового и дядьки Прасола. Убитые пролежали под мартовским небом всю ночь, а наутро тел не оказалось. Лишь спустя год их местонахождение было обнаружено комиссией по изъятию церковной утвари - прах покоился в главном алтаре Троицкой церкви монастыря. По свидетельству

очевидцев тела были обезглавлены, на груди игуменьи лежала большая черная книга. Той ночью молодые монашки, следовавшие за отрядом и бывшие свидетелями казни, погрузили замерзшие тела на телегу и привезли в монастырь. Существует иная версия расстрела монахинь, обозначенная в письме старожила Макарьевки Степана Аникеевича Хамазина. В письме говорится, что, по словам деда Хамазина, трое монахинь – игуменья, сестра Феофания, сестра Нина(?) или Серафима, были убиты в северо-западной части озера в ста метрах от берега. Убитые пролежали ночь и день и лишь на следующую ночь жители Макарьевки (Крюк? Братчиков?...) на санях вывезли трупы в монастырь. Убиты были выстрелами в затылок, в расстрельной команде было около десяти человек. Власти, с целью опровержения слухов о вознесении монахинь, выставили их останки на всеобщее обозрение. Тела были похоронены у небольшой часовни в центре кладбища поселка Песчанка. Старожилы окрестных поселков считают, что пьяные чоновцы ковалевского отряда забрали сестер из-за сокровищ игуменьи, которые, будто, были спрятаны ею в монастыре. По свидетельству жителя Песчанки Ивана Подобина в алтаре были найдены только черепа и остатки одежды. Версию о расстреле на озере подтверждает и краевед А.И.Дедов со слов послушницы монастыря Зинаиды Дедовой. По воспоминаниям директора детдома Николая Петровича Расюка при уничтожении зданий в 1966 году в алтаре были найдены два черепа с круглыми отверстиями в затылочной части, они были закопаны на песчановском кладбище. О том, что местные жители хорошо знали участников расстрела говорит такой факт - через два десятилетия, в годы войны, в Макарьевку привезли анновского крестьянина Филиппа Порфирьевича Журавлева, который должен был сменить на посту председателя колхоза Ивана Виниченко. Жители знали об участии его в расстреле и не хотели голосовать.

Несмотря на это Журавлева утвердили председателем. Жил один, на отшибе ни с кем не общался.

В бывшем монастыре началась перестройка. «Необходима изоляция построек, напоминающих старое монархическое время, как старая церковь и часовня, которые, в случае невозможности продажи с торгов, надо передать населению близлежащих сел, ввиду того, что таковые до сего времени находились в ведении монахинь, которые привлекают к богослужению значительную массу, агитируя среди таковой», - писал в 1923 году представитель новой власти. Монашки разбрелись кто куда. Они были опасны для богоборческой власти и подвергались преследованию. Зинаида Владимировна Дедова (1885 – 1934 гг.) вместе с монахиней Хавроньей после ухода из монастыря служили в молельном доме села Филиппово, устроенном местными крестьянами в небольшой землянке. В Чулошном жила монахиня Марьяна, арестованная за свою пасторскую деятельность. Монахини продолжали дело своей невинно убиенной игуменьи.

Храмы превратили в клуб и школу. В алтаре Троицкой церкви, где нашли тела монахинь, была устроена сцена. В экономике, на берегу озера, открыли социалистическую сельхозартель «Труд». В дальнейшем здесь был детский дом, в котором жили дети «врагов народа». Бывший священник Павел Дмитриевич Парханов служил в нем фельдшером и заведовал аптекой. Детдом просуществовал до середины 60-х годов. В послевоенные годы детгородок, по описанию Николая Лавринова, выглядел так: «Миновав последние деревья на бугре, оказываюсь в поселочке с теми же, что и до войны несколькими одноэтажными домиками, двумя двухэтажными зданиями и двумя сооружениями, по – прежнему непривычной формы, с неестественными кровлями, напоминающими теперь почему-то всадников без головы. Это - приспособленные под клуб и

школу церкви бывшего женского монастыря. Потемневшие от времени строения, остатки садовой изгороди отдавали старой, казались ветхими и тоже игрушечно маленькими. Непривычно тихо и безлюдно даже по сельским представлениям». Последний директор детского дома Николай Петрович Расюк рассказал автору о находке в старых подвалах трех черепов с характерными отверстиями. Их нашли в 1966 году и погребли там, где много лет назад положили монахинь. Место захоронения в наше время определить не удалось – часовни давно нет, как нет и старушек, знавших эту историю.

В 2019 году от всего огромного комплекса монастырских зданий остались лишь стены двухэтажной школы и 1-ый этаж дома священника. Метрах в двухстах от этого дома на восток раскопана кирпичная кладка фундамента алтаря – все, что осталось от некогда великолепного храма во имя Святой Троицы. В ее стенах в 50-е годы располагалось здание клуба. Где-то здесь, на церковном погосте, покоится прах есаула Казина. Местность покрыта остатками фундаментов различных сооружений, заросших кустарником и молодыми березами. По краю крутого склона проходит еле заметная борозда – ров, опоясывающий территорию монастыря, время почти сровняло насыпь дороги, петляющей вдоль озера к Макарьевке. В монастырском саду тишина. Опавший лист толстым слоем устилает землю. Изредка хрустнет под ногами ветка. Десяток огромных столетних сосен составляют аллею (*за проступок каждая монашка должна была посадить деревце и ухаживать за ним – прим.С.В.*), по которой некогда любила гулять игуменья, даже через сто лет видны остатки посаженных тогда деревьев, различима планировка парка из акации и сирени. Завершает строй сосен два сросшихся гигантских, в три обхвата, карагача. Дом игуменьи стоял у плодового сада, в нем осталась сирень и дикие яблоньки, акации и мощный карагач. Вид, открывающийся с гребня, на котором в 1897 году отрыли первые землянки, очень

красив – глубокая долина, озеро, привольная лесостепь. Посещение этого места оставляет в душе человека глубокий след – здесь существует поверье, что души расстрелянных монахинь неприкаянно бродят по окрестностям.

Подвижнический вклад игуменьи Евпраксии в развитии основ православного христианства в нашем крае трудно переоценить. До сих пор на Пресногорьковской линии пожилые люди вспоминают много хорошего о монастыре и его настоятельнице. Будем же и мы хранить память о настоятельнице Архистратига – Михайловского монастыря, крестный путь которой и мученическая смерть явили нам пример беззаветного служения Господу...

В 2015 году казаки Кустанайской русской общины сибирских казаков (*атаман войсковой старшина Шилов Олег Геннадьевич*) установили поклонный крест на месте, где некогда располагался алтарь Троицкой церкви, и прикрепили памятную доску на стену монастырской школы. Ежегодно, 27 июля, в день основания крепости Пресногорьковской, здесь проводится крестный ход и молебен об убиенных монахинях (о. Евгений Елагин).

***О есауле Алексее Прохоровиче Казине**

Родился в 1841 году в семье сотника Прохора Казина (умер в 1840 – 47?) в Акмолинской области, воспитывался в Сибирском кадетском корпусе. Мать – Надежда Степановна. Алексей Казин был женат на дочери священника Петуховой Анне Васильевне. Детей они не имели. После окончания кадетского корпуса Казин вступил в службу хорунжим в 6-й полк 16 июня 1861 г. 17 марта 1866 г. хорунжий Казин был направлен на Ново-Кокандскую линию. Приказом генерал-майора Черняева был назначен командиром 15-й сибирской сотней. За проявленные боевые отличия при преследовании бухарцев под началом Садыка в апреле 1866 г. и каракиргиз под началом Манака в мае месяце 1872 г. он был на-

гражден орденами Святой Анны 3 степени и Святого Станислава 3 степени с мечами и бантом. 28 декабря 1873 г. хорунжий Казин А.П. был произведен в сотники СКВ. За отличие в делах против кокандцев он был произведен в Есаулы 10 января 1876 г. со старшинством от 10 августа 1873 г. За отличие оказанное в делах с кокандцами в 1875-76 гг. он был награжден орденами Св. Станислава 2-й степени с мечами и Святой Анны 2 степени с мечами. В 1877 г. Казин был назначен командиром 3-й сотни 2 полка. Из-за развития тяжелой болезни он был отчислен из строевого состава войска 1 октября 1879 г. Вновь Есаул Казин А.П. был зачислен в строевой состав 26 августа 1882 г. в Сибирский Казачий №1-го Ермака Тимофеева полк и назначен командиром 3 сотни (формировалась в Пресногорьковской станице). Был уволен от командования сотней 10 июня 1885 г.

Есаул Казин А.П. скончался в возрасте 49 лет от тяжелой и продолжительной болезни – туберкулеза 10 января 1890 г. Перед смертью его исповедывал и приобщал священник Павел Парышев. Священник Василий Петухов с псаломщиком Петром Робустовым совершали погребение 13 января на кладбище Михаило-Архангельской церкви станицы Пресновской. В 1901 году прах есаула был перенесен по разрешению департамента полиции для перезахоронения на территорию женского (Казинского) монастыря. По предположению автора, похоронен Казин на погосте у Троицкой церкви. Сегодня от величественного храма остался лишь фундамент, заросший высокой травой, могила старого есаула сгнинула навсегда.

Люди и судьбы

«Фершал до революции был из немцев, болезни по глазам узнавал...», - говорили автору ветхие пресногорьковские старушки в 80-е годы прошлого столетия...

Родился Александр Петрович Шехтер в Одессе в 1862 году, в семье переселенцев из Курска. В молодом возрасте увлекся идеей устройства справедливого общества, подружился с известным народовольцем Б.Д.Оржихом, который вовлек его в революционную деятельность. В семье Шехтер уже были осужденные за причастность к делам «Народной воли»: двоюродные сестры Саши, Софья и Анастасия, в 80-х годах отбывали каторгу в Забайкалье.

В 1885 году в Харькове, будучи студентом ветеринарного института, Александр создает подпольную группу, занимающуюся распространением нелегальной литературы и работой типографии. Один из нестойких членов группы – Елько, после ареста на допросе выдал товарищей полиции. После первого ареста Александр был исключен из числа студентов и сослан в Полтаву. Начались долгие годы жизни под надзором полицейского управления.

В 1886 году Александру вместе с молодой женой разрешили проживание в Курске, где остались родственники Шехтеров. Здесь он вновь был арестован и посажен в Курскую тюрьму. После двухлетнего пребывания в заключении Александр был сослан на Север в Усть-Сысольск (ныне Сыктывкар) сроком на пять лет. Жена с маленьким сыном Борисом ушла от него, этот разрыв Александр переживал очень тяжело, даже заболел нервной болезнью. По возвращении ему было запрещено проживание в столице и университетских городах. Александр стремился закончить начатое когда-то обучение, но лишь в 1896 году получил разрешение на поступление в Казанский ветеринарный институт. После окончания факультета Александру Шехтеру было предложено поехать в станицу Пресногорьковскую Петропавловского уезда Акмолинской области, под надзор полиции, который был снят только в 1917 году.

В 1902 году Александр Петрович женился на Анне Кубриной (1872 г.р.), сестре будущего колчаковского генерала Николая Кубрина. Тогда еще поддесаул, Кубрин был категорически против брака дворянки с «каторжником», поэтому молодым пришлось тайно венчаться в соседней церкви в казачьем поселке Песчаный. Брат порвал всякие отношения с сестрой и не общался с ней вплоть до своей гибели в 1921 году. Дети его очень хорошо отзывались о «тете Анне Павловне», часто бывали в гостях у Шехтеров.

Александр Петрович и Анна Павловна жили в хорошем деревянном доме в центре станицы. Здесь появились на свет дети: Мариамна (1902-1952 гг.), Николай (1904-1984 гг.), Павел (1905-1971 гг.), Лидия (1908-1992 гг.). Всех их крестили в ста метрах от дома – в Пресногорьковской церкви.

Александр Петрович проводил в станице большую просветительскую работу, совмещая ее с основной работой ветврача и врача. При церкви он организовал воскресную школу, в которой все учителя, в том числе и он сам, работали бесплатно. Они учили талантливую молодежь, не имеющую возможность оплатить обучение. Здесь же проводились любительские спектакли и концерты, средства от которых шли на приобретение учебного материала. В 1910 году было образовано «Братство». Эта организация имела неплохую библиотеку, была открыта народная столовая и магазин «Самопомощь». В нем все продавалось значительно дешевле, чем в купеческих лавках. А.П.Шехтер активно способствовал созданию потребительской кооперации и организации кредитного товарищества в крупной торговой станице.

В 1912 году А.П.Шехтер убедил население поселков Пресногорьковской волости о необходимости строительства высшего начального училища. Он ездил на прием к князю Трубецкому (прием велся исключительно на французском языке)

и командир Его Императорского Величества конвоя пожертвовал 3000 рублей. Методом народной стройки была возведена двухэтажная школа (об учебе в ней в 1918-21 гг. с большой теплотой вспоминал писатель Г.М.Мусрепов). В период гражданской войны А.П.Шехтер преподавал математику и русский язык из-за отсутствия учителей. 1-я Мировая война помешала бывшему народовольцу построить в станице «народный дом». Зимой 1919- 20 гг. в волости свирепствовала эпидемия тифа и А.П.Шехтер с утра и до поздней ночи оказывал помощь больным, посещая их на дому. В 1920 году скончалась Анна Павловна, верный друг и помощник во всех делах. Александр Петрович остался один с четырьмя детьми. Большую помощь в их воспитании оказала сестра жены Елизавета Кубрина, арестованная в 1932 году и осужденная на 8 лет, как сестра белого генерала. Б.Д.Оржих написал об этом периоде жизни своего друга: «У него была в конце жизни какая-то своя, особая вера, с совершенно специальной психикой». Видимо, именно эта вера была путеводной звездой на всем жизненном пути бывшего народовольца.

Но в 1922 году нечеловеческие перегрузки и испытания прервали жизнь Александра Петровича Шехтера.

Его воспитанница, директор школы, награжденная орденом Ленина, Т.Д.Меринова пишет в 1978 году внуку Владимиру Павловичу Шехтеру: «Он добросовестно, безупречно выполнял свою работу, пользовался большим авторитетом у граждан станицы. Все, что делал этот энергичный, добрый человек, было направлено на улучшение жизни народа. Умер он скоропостижно, ночью, от стенокардии. Днем еще занимался в школе, учил детей арифметике. Он был хорошим учителем. Дети его любили».

Четверо детей Александра Петровича и Анны Павловны закончили высшие учебные заведения в Омске, Ленинграде и

Москве. Они прожили достойную, полную лишений и горестей жизнь, неся в душе свет добра, подаренный им замечательными родителями. Этот свет по сей день живет в сердцах многочисленных потомков семьи Шехтер.

Глава III. По данным архивов

К истории развития торгово-экономических отношений на Пресногорьковской линии в XVIII – XX веках

Построенная в середине XVIII столетия в междуречье Тобола и Ишима Пресногорьковская линия крепостей и редутов стала местом товарного обмена между поселенцами и кочующими в этих местах казахскими родами.

Однако в первые месяцы строительства крепостей торговля была запрещена царскими властями. Уже осенью 1752 года в крепость Святого Петра приехали казахи для сатовки (менового торгога). Им было сказано, что торговать нечем, и чтобы они «скот свой довольствовались в степи, а внутрь границы отнюдь бы не ездили»[1].

Торг для гарнизонных драгун и гренадер запрещался. «Сим рекомендую, - приказывал бригадир Крафт в январе 1753 года, - дабы впредь оно не чинено не было»[2]. Однако, после частых обращений комендантов крепостей и казахских старшин осенью 1754 года Крафт донес Коллегии иностранных дел, что новая линия крепостей будет закончена в 1755 году и просил разрешения учредить в крепости Святого Петра торгов русских купцов с казахами, «ибо из того немалая казне прибыль, а военным людям в харчевых припасах во удовольствие может быть»[3]. В следующем году был принят таможенный

устав для российских купцов. При введенной паспортной системе купцы должны были указывать в документе состав приказчиков, с которыми они направлялись в степь.

Абылай-султан неоднократно обращался к бригадиру фон Фрауендорфу с просьбой учредить сатовку по новой линии. Полагая, что торговля с казахами будет незначительной, а бухарцы из – за нападений в степи с товарами приезжать не будут, Фрауендорф считал, что следует «для приласкания и удержания на наших границах учредить только малую сатовку»[4].

В 1759 году фон Фрауендорфом был издан указ о сатовках в крепостях Святого Петра, Лебяжьей, Кабаньей, Пресногорьковской. Об открытии торгова на новой линии было объявлено с барабанным боем[5]. Султану Абылаю разрешили ехать с «товарами, со скотом, лошадьми и пленными калымчатами в Петропавловскую крепость безо всякого опасения»[6].

В 1760 году на линию прибыли кашгарские купцы с товарами. В 1765 году на Новоишимской линии крепостей торговали тобольские и тюменские купцы, приходили караваны из Средней Азии. Из степи пригоняли «калмыков и других военнопленных инородцев: правительство разрешало эту покупку по недостатку в Сибири таких людей, которым по указам крепостных велено иметь...». Работорговля была запрещена лишь в 1825 году[7]. Торг проводился на меновых дворах, открытых в Пресногорьковской и Петропавловской крепостях в 1766 году [8].

Академик И.Фальк оставил описание торговли в крепости на Ишиме: «...Площадь находится под пушками сей (Святого Петра) крепости, обнесена рогатками и имеет несколько лавок, казахи приходят всегда на торг караванами, для того, что вместе способнее гнать им скот свой из столь далеких мест: и тогда в крепости бьют в барабан и приставляют к торговой

площади караул, а между тем собираются купцы и когда выложат они товары, то пропускаются казахи со своим скотом, они пригоняют больше всего лошадей, бойных быков и широкохвостых баранов, да сверх того привозят овчины, мерлушки и по несколько мехов. Все сие променивают они на железные котлы, вертела, сукна, шелковые материи, платки, позументы, иглы, бисер, огниво... Торг сей для российского купечества весьма прибыточен, потому что лошадей перепродают в драгунские полки...приходят также бухарцы и китайцы... берут на промен тонкие сукна, красильные вещи ...»[9]. Подобный торг имел место в любой части крепостной линии, он был выгоден для обеих сторон.

Жители соседних селений Уйской и Горькой линий занимались продажей товарного зерна, производство которого непрерывно возрастало. Драгун Донов, побывавший на Староишимской линии в 1747 году писал, что казахи «не на что так не жадны, как на муку: ржаную или пшеничную, заодно считают, а о сукнах только просят: каких хочешь лучших лошадей выбирать и смотреть, приводят иноходцев и парами коней же великих и хороших»[10]. По свидетельству Н.Рычкова в станицу Звериноголовскую «казахи приходили толпами, приводя с собой табуны овец, коров, лошадей»[11]. Разрешая казахам беспошлинную торговлю скотом, власти руководствовались следующими соображениями: «Когда кайсаки более к хлебу привыкнут, то чаять можно, что они впредь время от времени около новостроенных крепостей кочевать привыкнут и тем их в верноподданническом послушании удобнее содержать будет, сверх того, от них на мену всегда по довольному числу лошадей, годных для драгун, без великого казенного ущерба, так же и баранов достать можно»[12].

В 1763 году была утверждена инструкция, которая разрешала казакам и старшинам производить обмен товарами с платежом в казну пошлин. Для привлечения населения степи

к торговле с 1760 года отпускались средства из казны: для крепости Пресногорьковской - 50, Петропавловской – 200 рублей. Деньги шли на прием и угощение влиятельных кочевников. В крепостях были устроены мечети, караван-сарай для приезжих и гостиные дворы[13].

Купеческие караваны, проходившие через Звериноголовскую, Пресногорьковскую, Пресновскую таможенные заставы на юг подвергались внимательному досмотру. Здесь тщательно следили за тем, чтобы купцы не провезли в степь огнестрельное оружие, порох, свинец, российские монеты и солдатское сукно. Побывавший в крепостях Горькой линии в 1771 году путешественник Христофор Барданес отмечал, что «казахские торговцы стараются о своей продаже, меняют рогатый скот и лошадей на разные сукна, красные юфти, железные ложки... просят всегда придачи из мелочных вещей как - то игол, пуговиц, наперстков, булавок медных, перстней оловянных...»[14].

Несколько позже было установлено торговое движение из Бухары, Ташкента и Коканда, проложившее в казахские степи несколько путей, по которым шли караваны: по течению Сары - Су через Ак-Барак к станице Пресногорьковской и дальше на Троицк, другие на Акмолинск и Петропавловск[15]. Поручик Я.П.Гавердовский пишет: «В Бухарию дорога от границы воспринимает свое начало от крепости Пресногорьковской, куда товары привозятся из крепости Святого Петра на повозках, и при досмотре таможенном, отдается на руки кайсакам. Караваны, вступая таким образом в степь, склоняются на юго-запад к реке *Абуге*, встречая повсюду многие озера, болота и долины, поросшие березовым лесом. Чрез *Абугу*, по причине топких и болотистых ее берегов, переправляются в одном только месте бродом, именуемым *Кара*, т.е. черный. От сего места идут к лесу *Аманкарагай*, а далее от оногo к реке Сыр продолжают путь по дороге, идущей из города Троицка»[16]. Караваны ох-

ранялись отрядами, снаряженными на линиях, которые должны были сопровождать их в обе стороны. А. Левшин приводит данные о торговле скотом - в 1819 году продано в Пресногорьковской - 4 485 голов, Троицке - 2356 голов, в Петропавловске - 69679, в Омске - 3238, в [17]. Капитан И. Андреев пишет о меновой торговле в Пресногорьковской: «...Для привлечения к российской стороне народа киргиз-кайсацкого содержится во оной ежегодно на угощение их присылаемых из крепости Омской по 50 руб. и учрежден с 1766 года меновой двор и торг, который состоял под ведением и смотрением комендантской канцелярии по 1774 год, но в рассуждении малого количества в приезде на сатовки киргизцев, потому же как российского купечества, сбор пошлинной суммы весьма недостаточен [18]. По ведомостям, изученным Андреевым, сбор пошлинных денег в крепости при сатовках составил 429 рублей за период с 1767 по 1784 год.

Значение меновых дворов значительно выросло после введения в 1837 году покибиточной подати. В документе за 1844 год говорится: «Кайсаки продавали много произведений своих за деньги, которые увозили в степь для уплаты покибиточного сбора». В своде законов Российской империи, принятом при Николае I, о торговле со степными жителями говорится:

«Кочующие близ линии могут по нуждам их бывать в крепостях, редутах, форпостах и селениях, подобно как россияне делают, для сбыта их произведений» [19]. К 80-90 годам XIX века главной формой организации торговли стали ярмарки и торжки.

Из внутренних губерний России везли на ярмарки в пределы Сибирского войска: зерновой хлеб, муку, крупу, овес, сельские ремесленные изделия и мануфактурные товары. Вывозные предметы торговли на сибирских и российских рынках - лошади, рогатый скот, овцы, и полученные от них продукты:

кожи, сало, шерсть, рыба, икра, рыбий жир, соль, огородные овощи, мед, воск, бревна, жерди, дрова. Казаки выменивали у казахов скот, кожи, овчины, муку, сено, материю, глиняную, деревянную и железную посуду. В станицах продавали самодельное вино и табак - самосад.

Первая ярмарка в Сибирском казачьем войске была учреждена в 1849 году в станице Николаевской. К 1853 году были открыты еще три ярмарки в степных поселениях: в Кокчетавской и две в Акмолинской, последние первенствовали своими оборотами над всеми ярмарками. Первое место в торговом обороте занимал Петропавловский уезд, в котором кроме десяти ярмарок происходили еженедельные торжки: в ст. Пресновской, Пресногорьковской, Новорыбинской и Екатериненской.

«Тут благоприятствует близость к горькой казачьей линии многочисленного и значительного крестьянского населения Ишимского, Курганского и Ялуторовского округов. Главную массу стекающегося на ярмарки народа составляют казахи, казаки и крестьяне из соседних внутренних округов. Купцы и приказчики приезжают не только из ближайших, но и из отдаленных городов Тобольской и Томской губерний, а также из Оренбургской и Пермской губерний. Из торгующего населения больше всего бывают татары»[20].

Для помещения товаров в казачьих поселениях построили ярмарочные балаганы, за которые взималась плата в станичный доход. В ряде станиц были устроены гостиные дворы из деревянных лавок. В Пресновской построено лавок 51, в Николаевской 53, в Кокчетавской 57, в Пресногорьковской 22, в Арык-Балыкской 57, в Атбасарской 39. Скот продавался под открытым небом в чистом поле.

В Пресногорьковской проводили три ярмарки, на которые привозилось товаров на сумму 200 тыс. рублей золотом (18 мая начиналась двухнедельная Константиновская ярмарка, с 1 но-

ября Михайловская, с 24 по 29 июня – Петровская, «красный» базар располагался у церкви, торговля скотом – за озером Пресным[21]. Здесь «собиралось столько скота, что от одного конца площадки до другой нужно было два часа скакать на коне» (очевидец).

В Пресновской «бывают две большие ярмарки (главный продукт торговли – скот), одна – в декабре (до 200 тыс. руб.), другая в январе (до 130 тыс. руб.).»

Местные ярмарки были связаны с Ирбитской и Нижегородской. К примеру, на Пресновской Афанасьевской ярмарке 1891 года из опрошенных купцов 16 человек привезли мануфактуру с Ирбитской ярмарки. Купец из станицы Звериноголовской привез с Крестовской ярмарки 150 пудов мануфактуры на 5 тысяч рублей. Из опрошенных четверо приехали из Звериноголовской, трое из Петропавловска, четверо из Кургана, двое местные, по одному из Кустаная и Ишима. Курганские купцы Харламовы привезли с Нижегородской ярмарки в Пресновку чай, сахар, табак, фарфоровую посуду. Василий Харламов привез из Москвы скобяные и москательные товары, посуду, самовары, чай, сахар, лампы, всего 250 пудов на 2500 рублей. С остатками товаров он планировал отправиться на ярмарку в село Моршихинское Курганского уезда. Курганский купец Петр Савостьянов привез из Нижнего Новгорода и Ирбита фарфоровой посуды 200 пудов на 1000 рублей. Купец из ближнего села Теплодубровного привез из Ирбита мануфактуры на 5000 рублей (Щеглова Т.К.). Гурты купленного скота гнали по Казачьему тракту на Троицк и далее - в Казань и Нижний Новгород. Бараны забивались в Петропавловске и в станицах, где процветало мелкое товарное производство. В Пресногорьковской в 1876 году работали 3 салотопенных и кожевенных завода, построенных на опушке леса Салотопник. Кожевенный завод в Пресногорьковке принадлежал Василию Кладену. В год здесь выделывали 1500 кож на сумму 6000 рублей. Салотопенным заводом

владел казак Константин Усплентев - в 1875 году было произведено 2330 пудов сала на сумму 9200 рублей. Сбыт продукции производился в Шадринске[22]. В 2010 году было исследовано место расположения завода. Найдены элементы утвари, серебряная ложка и монета – екатерининский пятак 1768 года. В 1880-х годах в станицах появились иностранные предприниматели. В 1882 году пресногорьковские казаки приняли на сходе общественный приговор, разрешавший швейцарскому подданному Антону Лорецу и российскому подданному Карлу Рули постройку трехпоставной ветряной мельницы на земле станицы. Мука пользовалась большим спросом на ярмарках, поэтому ветряные мельницы ставились во всех крупных населенных пунктах.

Масло и сало через Сибирскую торговую компанию в Кургане переправлялось в столичные города и за границу. Не последнее место на рынках станиц занимали продукты рыбной ловли и охоты. В Усть - Уйской и Звериноголовской продавали рыбы на 2500 рублей в год, ее вялили, сушили и продавали возами. Пресногорьковские предприниматели торговали солью. Еще в мае 1756 года сюда был определен соляной голова к продаже казенной соли «и велено по сношению с сибирским соляным комиссариатом на новую сибирскую линию и в крепость Пресногорьковскую к продаже казенной соли ...определить соляного голову с целовальником»[23]. Ломка соли проводилась на многочисленных горько – соленых озерах, окружавших станицу.

Житель Пресногорьковки Сергей Преображенский так описывает соляной промысел в начале прошлого столетия: « В 8-9 километрах от станицы находилось Рассольное озеро. Рядом с ним в ста метрах находилось озеро с прекрасной пресной водой. Во время перебоев с солью, любители наживы продавали ее по цене в десятки раз большей. На озеро приезжали люди, делали из кровельного железа противни и на огне рассол выпаривался. По-

лучалась белая, хорошая на вкус поваренная соль. В засушливые годы, какими были 1891, 1911, 1921-й, соль садилась в два – три сантиметра. Сотни людей брали в станичном правлении допуски за установленную плату и гребли соль специальными граблями. Собранную соль, кто на лодках, кто на плотках, вывозили или выволакивали на берег. В день добывали более двухсот пудов. До одиннадцати утра собирать соль было нельзя – в ней скапливалась селитра, которая с восходом солнца испарялась, такая соль была несъедобна. К вечеру соль от поверхности уходила на дно озера в грязь. Толщина слоя грязи была до одного метра» (вокруг озера сохранились многочисленные следы землянок, глубокие ямы разных размеров – прим. автора).

В середине XIX века развился извозный промысел. Немалую роль в нем играли разъездные агенты. Они выезжали из линейных станиц на юг и производили торговые сделки. Обычно это были бедняки-казахи, работающие у местных жителей. Они выезжали с товаром в степь, а возвращались со скотом. В Пресногорьковке имелся ветеринарно – охранный пункт по проверке скота на заболевания, располагалась одна из крупнейших таможенных застав.

И.Завалишин писал в 1867 году о торговле на сибирских линиях: «...Контрабанда не последнее дело и широко практикуется даже и кордонными казаками: ибо нет человеческой возможности углядеть на таком громадном пространстве. Первокласные таможни на сибирских линиях находятся в городах Петропавловске и Семипалатинске, а таможенные заставы в городах: Павлодаре, Омске и Усть-Каменогорске, да в станице Пресногорьковской.

Среднеазиатская караванная торговля состоит из хлопчатой бумаги, марены, сухих фруктов, изюму, кишмишу, цицварного семени, мягкой рухляди, халатов и пр. В Среднюю Азию отпускается: плис, полуситцы, нанка, миткаль, юфтью, тюменский товар кожанный, сукна, медные и железные изделия, посуда, сун-

дуки...»[24]. Тот факт, что Пресногорьковская имела первоклассную таможенную заставу, подтверждает ведомость о пошлинах, собранных в таможах Сибирского округа в 1848 году – Усть - Каменогорская – 2171 рубль, Пресногорьковская – 5294 рубля, Омская – 4468 рублей, Петропавловская – 80028 рублей [25].

Таможни в Омске, Петропавловске, в станицах Пресногорьковской и Николаевской, были упразднены в 1868 году, в связи с окончательным разгромом южных ханств. Сформированные в Акмолинской области гурты продвигались по исторически сложившимся направлениям:

- по Казачьему тракту – из Омска вдоль Горькой линии через Пресногорьковскую на Троицк,

- по Всесвятскому тракту – из Атбасара в село Всесвятское (ныне Сарыколь), отсюда тракт разветвлялся: на Кустанай, в Звериноголовскую и Пресногорьковскую,

- по Арык – Балыкскому: на северо-запад в Пресногорьковскую и Новорыбинскую.

Путь прогона скота в Тобольскую и Пермскую губернии лежал из Пресногорьковской на Курган и Шадринск»[26]. Спрос на скот в центральных районах России был чрезвычайно высок - в связи с распашкой в 1910 году задонских степей казахский скот занял главное место на Петроградских и Московских рынках. Состояние дорог поддерживалось местными жителями - каждая семья обязана была отработать на почтовом тракте несколько дней в году - делали подсыпку, ставили верстовые столбы. Такая насыпь сохранилась между Пресногорьковкой и Камышловкой, остались даже фрагменты мостов. При следовании в 1891 году по Казачьему тракту цесаревича Николая, будущего последнего императора России, его экипаж преодолел расстояние в 110 верст за 7,5 часов, т.е. двигался со скоростью 20 – 22 версты в час, «этой быстрой езде много способствовала ровная прекрасная дорога... «(очевидец). Рядом с трактом пролегла скотопрогонная дорога,

по которой передвигались гурты скота из Степи в центральные регионы Российской империи.

Таким образом, краткий обзор торгово-экономических отношений на северной границе в период военно-хозяйственной колонизации Среднего жуза, позволяет сделать вывод о том, что посредством торговли в крепостях активно укреплялись экономические и культурные связи между народами, происходил непрерывный рост товарного производства и денежного обращения в крае, шел постепенный процесс разложения натурального хозяйства. Караванные пути, некогда проложенные по пустынным регионам от военных фортов в южный Казахстан и Среднюю Азию, стали в следующем столетии основой для строительства автомобильных и железных дорог, соединивших между собой современные города Республики Казахстан и сопредельные государства.

Источники:

1. Исторический архив Омской области РФ
Ф.1.Оп.1.д.29.л.523
2. Там же, Ф.1.Оп.1.д.33.л.4об.
3. Там же, Ф.1.Оп.1.д.36.л.299об.
4. Горбань Н.В. Из истории строительства крепостей на юге Западной Сибири // Вопросы географии, №31. М.,1953.-С.220
5. Там же, С.221
6. ИАОО РФ Ф.1.Оп.1.д.72.л.585
7. Россия. Полное описание нашего Отечества. - Т.18. Киргизский край. СПб.,1903.-С.355
8. Путинцев Н.Г. Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска со времени водворения западносибирских казаков на занимаемой ими ныне территории. - Омск,1891.-С.80

9. Фальк И. Полное собрание ученых путешествий по России. Записки акад. Фалька.-т.4, СПб.,1894.-С.36

10. Виниченко С. Военно-хозяйственная колонизация Северного Казахстана // История Казахстана. Преподавание в школах и вузах.№1, 2004.-С.17

К истории строительства крепостей - «звезд» в середине XVIII века

Много лет назад моя ежедневная дорога в школу пролегла по узким улочкам и переулкам старой Пресногорьковки, фактически по центру бывшей казачьей станицы. В середине 70-х годов прошлого века здесь было довольно много дореволюционных построек, крытых тесом и кровельным железом. Но больший интерес вызывали полуоплывшие земляные валы, едва различимые в обывательских огородах. Тогда казалось, что их фрагменты не имеют какого-то определенного плана, но через много лет удалось соединить эти бесформенные земляные бугры в единую «звезду», сыгравшую свою определенную роль в середине XVIII века в качестве крепости, построенной по системе Римплера.

Из архивных документов можно многое узнать о размахе строительства крепостей Пресногорьковской линии в летние и осенние месяцы 1752 года. По мартовскому указу Сената в Тоболо-Ишимском междуречье предписывалось строить 9 четырехугольных крепостей и 2 шестиугольных (Звериноголовская и Святого Петра), а также 33 редута и 42 маяка. Земляные восьмиугольные сооружения появились на их месте несколько позже, после 1765 года. Проект строительства Новоишимской (Пресногорьковской, Новозаложенной или Новой Сибирской линии) возглавлял генерал-майор от фортификации прадед А.С.Пушкина Абрам Ганнибал. Строительством крепостей руководил инженер-поручик Михаил Борисов, который руководствовался картой генерала Киндермана, собственноручно начертанной им летом 1746 года.

Место под строительство Пресногорьковской крепости было выбрано с учетом рельефа местности. Было решено заложить ее в дефиле (перешейке) озер Пресного и Горького, в западной его части, на высоком «неводопойном» месте. С южной стороны на расстоянии двухсот метров от вала местность прорезал глубокий, заполненный водой, лог, впадающий в озеро. С северной стороны грива опускалась в низину, имеющую свой петляющий лог, названный «пьяным». Он был заболочен и достигал Горького озера. С запада к самым валам подступали могучие березы выпиленного позже леса Лазаретника, а по краю восточного берега соленого озера росли сосны реликтового бора. Строительство началось 13 июля 1752 года по старому стилю.

Четырехугольные крепости строили следующим образом: заплот из положенных друг на друга бревен высотой в пять сажений (10 метров!) образовывал сжатый по сторонам четырехугольник, каждая сторона которого составляла 100 метров. Его ставили так: столбы с пазами с двух сторон вкапывались через каждые 6 метров, в пазы вкладывали затесанные с концов бревна на большую высоту. «В наружных стенах поделаны с деревянными задвижками бойницы к лучшей неприятельской обороне для произведения мелкаго ружья выстрелов». Сторожевая башня была срублена из трех «портаментов», из них два были поставлены на место, а третий сруб готов, «токмо на место не поставлен». Было закончено строительство четырех драгунских казарм, трех офицерских светлиц и черных изб, бани и двух проезжих ворот – с восточной и западной сторон крепости. В казармах потолки намощены, «токмо драньем не покрыты», а в светлицах клали печи. Для печей тут же делали и производили обжиг кирпича – около трех тысяч штук. Одна большая артиллерийская батарея была почти готова и стояла на деревянной «плацформе». На краю крепости строили провиантский амбар, 15 рядов его было срублено. Вокруг крепо-

сти начали зарывать в землю надолбы. Но это было только начало! Леса березового и соснового поблизости было «довольно». Гренадеры и казаки валили, пилили и превращали вековые деревья в оборонительные сооружения.

В 1765 году планировалось построить церковь, магазин, «пирамиду», «навес обозу», шесть офицерских покоев, «канцелярку», колодезь (из документов по крепости Пресногорьковской).

К тому времени в крепости находились гренадеры Нашебургского полка, капитан, два капрала, барабанщик, 25 драгун Олонецкого полка, 20 солдат Вологодского полка, 2 денщика из рекрут, 24 казака и «протчих» - 75 человек. Кроме строительства, драгуны и гренадеры упражнялись в воинских дисциплинах. Драгуны были людьми бывалыми – царская служба тогда длилась четверть века. Полки имели богатые боевые традиции. К примеру, Олонецкий драгунский полк был сформирован еще в 1707 году из рейтарского полка полковника Моисея Мурзенка и принимал активное участие в Северной войне со шведами. Перед выдвижением в Сибирь полк дислоцировался в Нижнем Новгороде.

В именном списке казаков Ялуторовского казачьего полка за 1752 год значатся приписанные к крепости деревни Черемыховой Денис Мокин, Утяцкой слободы Алексей Фролов, деревни Предеиной Семен Предеин, деревни Новой Фома Лапин.

В сентябре сюда были отправлены казаки Курганской слободы деревни Первухиной Филипп Перфялин, Белозерской слободы деревни Куликовой Федор Корюкин, Егор Шорин, деревни Смолиной Григорий Чуляков, Григорий Казанцев, Сергей Мамонтов. Они остались зимовать в недостроенных казармах, под прикрытием мощных заплотов. Эти выписные казаки были первыми жителями Пресногорьковской крепости. В течение последующих двух лет

выписные казаки работали на постройке линейных укреплений под охраной конвойных команд. В 1755 году отправка казаков прекратилась и строительство заканчивали регулярные войска.

Поручик Вологодского драгунского полка Яков Укусников записал в дорожном дневнике данные о Пресногорьковской крепости, в которой он 29 августа 1753 года сделал остановку на ночлег из-за дождливой и ветреной погоды:

«Четырехугольная. Положение места под крепостью ровное, между озер Пресным и Горьким, кои в расстоянии одно от другого в 200 сажен, в Пресном озере в летнее время бывают жужжелки, и цветет: подле Горького озера выкопаны два колодца, в них вода пресная: длиною озеро Пресное 1 верста 360 сажений, шириною 1 верста 122 сажени. Глубиною 3 сажени, обросло камышом, лесу на строение соснового в 10 верстах, березового и сенных покосов поблизости довольно. Дорога от Пресного редута до крепости Пресногорьковской ровная, местами сухие кочки, по тракту по дороге в сторонах сухие и березовые колки, посреди тракта назначен маяк».

Возле крепости расположилась слобода (форштадт), в которой жили казаки. В месяцеслове XVIII века дано описание поселений того периода: «Крепости и редуты окружены бревенчатыми стенами высотой в 2 сажени, видом подобны четверугольнику и имеют деревянные по углам батареи и по одной башне с воротами. Пространство сих крепостей имеют в поперечнике от 70 до 100 сажен, а иногда и более, однако редко. Крепостные стены обыкновенно окружены в небольшом от них расстоянии невысокими надолбами (палисадами) в два ряда, некоторые же обведены сверх того рвом шириною от 3 до 5, а глубиною от 2 до 3 футов. Посреди крепости построены деревянные церкви, а около оных казармы, сарай и магазины деревянные. При всякой крепости находится открытое предме-

стье. В редутах напротив того, которых обширность простирается до сорока сажен в поперечнике, церковей нет. Да и усадьбы при них бывают редко. В протчем походят они всем на крепости. Часть крепостей обведена земляным городом». «Земляные города» строились в виде многоугольников, проектировщики использовали особенности рельефа местности, привязывая их к водоемам. Крепости и редуты были восьмиугольными, четырехугольными с прямыми сторонами, или, по образному выражению нашего современника представляли собой «сжатый по сторонам четырехугольник, вместе с бастионами похожий на цветок с распущенными лепестками».

Линия протянулась от крепости Звериноголовской до Омской на 540 верст. Тобольная дистанция (Пресногорьковская линия) состояла из пунктов: крепость Звериноголовская, редут Алабужский, редут Сибирский(после 1781 года), редут Пещаный, редут Пресной(1752 - 1764), крепость Пресногорьковская, редут Березовый(1752 – 1764), редут Пресногорьковский, редут Семиозерный, крепость Кабанья, редут Пресноизбный, редут Второпресный, крепость Пресновская, редут Первопресный (Преснотретишный), редут Болотоколодезный, редут Кладбинский(Лавдапресный), крепость Пресносенжарская, редут Пресносарапульский, редут Дубровный, крепость Становая, редут Гагарий, редут Кривоозерный, крепость Святого Петра (ныне город Петропавловск). В 1753 году крепость Звериноголовская и редут Алабужский были отнесены к Уйской линии Оренбургской губернии. От Алабужского редута до Пещаного расстояние 18 верст, от Пещаного до Пресного 12 верст, от Пресного до Пресногорьковской 11 верст 326 саж., до редута Березоваго 10 верст 400 саж., до Пресногорьковского редута 13 верст 467 саж., до Семиозерного 15 верст 313 саж., до Кабаньей 7 верст 302 саж., до Избного 17 верст, до Второпресного 14 верст 201 саж., до Пресновской 12 верст 420 саженой (май 1755год).

Дальше на восток к Иртышу были построены крепости Покровская, Николаевская (в 1761 году), редуты Тарский, Лосев, Соленоозерный, Горький, Волчий (в 1761 году), Волчий (в 1752-55 гг.), Пустоозерный, Дубровный, Степной, Мельничный, Иртышный, вошедшие в Тарскую дистанцию (Горькая линия). Последние были тщательно исследованы и описаны в прошлом веке омскими учеными А.Ф. Палашенковым, Д.Н.Фиалковым, А.Д.Колесниковым, И.Ф.Кириякиным, М.И.Саньковым.

Между крепостями и редутами на расстоянии 5-6 верст ставили маяки. Они имели караульную и сигнальную часть. В первой строили помещение на 5-6 человек, рядом ставили конюшню. Эти строения обносили палисадом с бойницами, у ворот располагали вышку. Сигнальная пирамида ставилась в степи, в полукилometре от блокгауза. Она обкладывалась сухой травой, имела основание в 2 сажени и высоту от пяти саженей. В некоторых местах ставили сигнальный шест, обмотанный сухим сеном. По периметру караульного маяка возводили рогатки и надолбы. Рогатки представляли собой брус длиной до шести с половиной метров, с выдолбленными в нем сквозными отверстиями, в которые всаживали заостренные спицы-жерди, расположенные крестообразно по брусу. Звено рогатки имело двухметровую высоту. Рогатки располагали в четырех метрах от ограды маяка. Еще в 20 метрах от рогаток в степи ставили деревянную стену – надолбы.

Строительство в крепостях не прекращалось в любое время года. Силами гарнизонов проводились различные работы по обустройству поселений. Драгунам, гренадерам и казакам пришлось выполнять привычную для них тяжелую работу – валить лес, пилить, копать, строгать. Объем работ, выполненных ими за короткий срок, впечатляет сегодняшнего историка. Сухие строки архивных документов красноречиво говорят об этом. На 16 января 1756 года в Пресногорьковской построены

башни над двумя проезжими воротами, провиантский магазин, тринадцать казарм с сенями, три офицерские светлицы с четырьмя избами, конюшня с караульной избой и амбаром для «клажи овса». Крепость окружили рогатками надолбами, но ров еще нужно было копать. Бастионов было насыпано четыре, требовалось достроить шесть деревянных батарей и пороховой погреб. Кроме того, нужны были «гласи для нетечения вверх воды», которые предполагали сделать, используя землю из рвов. Крепости Пресногорьковская, Кабанья, Пресновская и Становая имели вид регулярного четырехугольника с четырьмя полигонами и редантами вместо бастионов.

В 1755 году на сибирских пограничных линиях (Пресногорьковской, Иртышской и Колывано – Кузнецкой) располагались 18 крепостей, 13 форпостов, 31 редут, 23 станции и 35 маяков. За три прошедших с начала строительства года, Россия, используя минимальные силы, вернее, колоссальное их напряжение, смогла сделать широкий шаг к началу военно-хозяйственной колонизации юго-восточных территорий империи.

Построенные на скорую руку крепости и редуты быстро приходили в ветхость, дома и казармы, выстроенные из березы, недолговечны: уже в 1761 году во многих крепостях обветшали жилые постройки и башни, нуждались в ремонте рогатки и надолбы. Ремонт производился ежегодно и требовал большой затраты рабочей силы - работали оставленные в крепостях команды и колодники.

«К немалому сожалению - писал Ф.Соймонов, - усмотрено, что показанная работа производится по малоимению свободных в наличии людей, теми же, кои в разъездах и караулах находятся, должен, оставя свою лошадь или ружье положе, взяться за топор, кирку или мотыгу и так работать, покуда ему время в очереди наступит на часы или в разъезд вступить». В 1758 году была командирована одна тысяча из донского и яиц-

кого казачьих войск сроком на два года, позднее присылались башкиро – мишарские команды.

На схеме Пресногорьковской крепости после летних фортификационных работ 1774 года реданы образуют углы правильного восьмиугольника. На валах устанавливались чугунные пушки (некоторые из них находятся сейчас в запасниках Костанайского краеведческого музея, одна - в музее Пресногорьковской школы). Глубина рва от поверхности земли составляла 5 футов (1м 60 см), высота вала от 6 до 8 футов (1.91-2.53), ширина рва 30.5 фута (9.6 м). Расстояние от угла до противолежащего угла 200 сажень (468 м). Крепость имела двое проезжих ворот – западные и восточные, зеркально симметричные. Северные бастионы еще в середине 70-х годов прошлого века служили ребятам для военных баталий.

В наши дни валы крепости практически стерты временем с лица земли во время строительства новой школы в 1982 году. Лишь по неровностям местности можно угадать, где проходили защитные сооружения. Омский ученый, доктор географических наук Д.Н.Фиалков обращал внимание на перспективность использования метода аэрофотосъемки. Действительно, с воздуха четко видны валы и рвы, которые трудно обнаружить на земле.

Начало перепланировки крепостей положил визит с инспекцией на линию генерала фон Шпрингера, которого вид тамошних укреплений убедил в необходимости этого. Кроме личных впечатлений у генерала была инструкция императрицы Екатерины II от 1763 года, касающаяся перестройки крепостей линии.

Уже в 1765 году начались земляные работы, сделавшие крепости более грозными. В ходе перестройки были заменены деревянные постройки ярусной фортификации на продольно-фланговые земляные укрепления. Крепость Пресногорьков-

скую усилили бастионами, расположенными посередине изломанных сторон четырехугольника, которые одновременно являлись куртинами. В старой крепости деревянная часовня Троицкого драгунского полка располагалась у восточного бастиона (или в центре?) до 1770 – х годов. У ее стен тогда располагалось кладбище. Так 6 июня 1770 года «погребены убиенные Василий Артемьев Томилов 54 года, Иван Иванов Банщиков 61, отрок Василий Хвостов 14 лет. Убиты нечаянно, без покаяния, проезжающие. Погребены у часовни с отпеванием». Здесь хоронили редко - в метрических книгах Николаевской церкви встречаются записи «погребены в поле...погребены в пустом месте за неимением церкви с отпеванием». Месторасположение часовни на современном плане автор определяет как «площадь у аптеки» возле здания акимата. В январе 1774 года церковные службы производились уже в новом храме, а часовню планировали раскатать и перевезти в Пресновскую крепость, по просьбе ее жителей. Деревянную церковь построили строго в центре земляной крепости, рядом вырыли колодец.

В противоположных куртинах крепости располагались ворота, обеспечивающие выходы в форштадт и степь, были устроены места для спуска в ров. Старая крепость имела сторону длиной в 80 метров и располагалась восточнее, выходила южным валом к обрывистому берегу Пресного за акиматом. Ее центральная часть приходилась на площадь у аптеки и половину сквера, где стоял обелиск героям гражданской войны. Новая крепость, построенная западнее, к самому лесу Лазаретнику, имела сторону в 170 метров, ее полигон составил 252 метра. Форштадт (слободу) упорядочили с помощью строго прямоугольных кварталов на шесть дворов, ширина квартала составляла 55 метров. Улицы ориентировали вдоль берегов озер. Деревянные укрепления форштадта в узком перешейке между Пресным и Горьким озерами заменили земляным укре-

плением с реданом и дополнили рогатками по берегам озер. В 1785 году ров и вал в восточной части перешейка располагались на расстоянии 628 метров от восточного угла новой крепости, т.е. от нынешнего здания акимата (б. с/совета) - «ре-траншемент для прикрытия форштадта между озер выкопан». Остатки рва хорошо прослеживаются по улице Кирова через два квартала за современным магазином «Меркурий». Такова была тогдашняя длина слободы, состоящей из 9 кварталов, которые не изменились за прошедшие столетия. Улица Кирова имела всего пять кварталов. Весь узкий перешеек между Пресным и Горьким озерами для обороны обывательских строений был укреплен рогатками и надолбами, протянутыми у береговой линии вдоль огородов.

Подобный план перестройки крепостей осуществлялся на линии по системе немецкого инженера Георга Римплера, предполагавшей расположение огневых средств не в углах, а посередине куртин, что позволяло развивать сильный фронтальный огонь. Таким образом были перестроены крепости Кабанья, Пресновская, Становая, Полуденная, Лебяжья, Покровская согласно плана Пресногорьковской крепости. «Проект перепланировки Пресногорьковской крепости был типовым для большинства четырехугольных долговременных укреплений Горькой линии» (Д.С.Шемелина). Проект подписали фон Шпрингер и инженер Малм. Форштадты всех названных крепостей были укреплены надолбами и рогатками, кроме Кабаньей, которая была усилена земляным укреплением с тремя реданами и не имела церкви на крепостной площади.

В 2011 году, по данным петропавловского исследователя С.Б.Игнашкова, из бывших крепостей и редутов казахстанского участка линии остались в относительно неплохом состоянии редуты Ганькин, Кривоозерный, Скопин, Пресноизбный,

Сибирский и крепости Полуденная, Лебяжья, Кабанья. Им был обнаружен и обследован редут Преснотретишный, полностью распаханный в наши дни. Находки монет до 1765 года убедили в том, что редут был упразднен именно в этот период.

Гайдамаки на Пресногорьковской линии

С детских лет известны читателю колоритные гоголевские персонажи повести «Тарас Бульба». Запорожские казаки представляются нам одетыми в красные шаровары, затянутые кушаками, беспрерывно дымящие трубками-люльками. Их буйные бритые головы в незапамятные времена часто покоились на пиках у городских стен Речи Посполитой, наводя ужас на обывателей польских местечек запавшими глазницами. В 1770 году на дорогах Сибири появились этапы казаков - запорожцев, отправленных в изгнание после подавления Колиивщины, движения против засилья панской шляхты, в защиту веры православной. Казаки из отрядов Гонты, Швачки, Зализняка, Неживого оказались в крепостях и редутах Пресногорьковской укрепленной линии.

Командир Степного корпуса принял решение укрепить ими немногочисленные гарнизоны линии, повысить их боеспособность. 14 октября 1770 года генерал фон Шпрингер лично осмотрел этап, пришедший из Тобольска в Омск, и определил арестантов в казаки на «вечное житие». Своим указом он повелел поселить их по новой линии: «В крепостях Святого Петра и Пресногорьковской, яко в сих крепостях коменданты состоят по пятидесят, а в прочих крепостях по дватцать, в редутах по четырнатцати человек, одних рядовых казаков, а старшинам их казачьим остатца постолкуж и при тех же местах как они прежде состояли». Участник академической экспедиции И.Фалька Христофор Барданес, побывавший в наших краях в

1771 году, писал о казаках Пресновской крепости, говорящих по малороссийски и одетых по-турецки. Известный писатель И.П.Шухов писал в одном из своих очерков, что прапрадед его был запорожским казаком. Действительно, в списках служилых людей конца XVIII века значится капрал Петр Иванов Шухов, женатый на крестьянской дочери Катерине Степановне, есть у них трое детей – Иван, Константин и Марья, но запорожские корни писателя требуют подтверждения.

В крепостях запорожцы недолго ходили холостыми. В жены брали женщин из различных категорий населения – среди невест дочери казаков, выходцы из деревень Курганской, Челябинской и Оренбургской слобод, женщины, присланные в Сибирь на поселение, дочери драгун Вологодского полка, были жены из Омска и Кургана, дочь священника из деревни Увалной, из Пермского наместничества, дочь крестьян из Колывани, солдатская дочь Омского батальона. География прибывших на линию «женок» была весьма обширна, но в основном это казачьи и драгунские дочери. В Пресногорьковскую крепость осенью 1770 года привезли одного из атаманов - полковника Семена Неживого (1748 г. р.), бывшего чигиринского крестьянина. 21 июня 1768 года он писал российским властям: « Я атаман куренный уманский, видячи кривду народа православного, собравши козаков, вооружился и тех конфедератов из Украины отогнал, а некоторых ляхов смерти предал. Теперича содержусь в Медведовце со всею своею командою и ожидаю милостивой резолюции: что мне впредь поступать; со всею своею командою народу христианскому никакой обиды не делал и которые города доставал, и те города подписались».

Семен Неживый был наказан по указу императрицы Екатерины Великой: «Колесовать и живого положить на колесо, но вместо того, отменя оное... бить кнутом, дать сто пятьдесят ударов и, вырезав ему ноздри и поставив на

лбу и на щеках указные знаки, сослать в Нерчинск, в каторжную работу вечно». До Забайкалья атаман не доехал. Конвоировали его в редут Пещаный вместе с женой Марией Рубаковской и сестрой Феодосьей. Как сложилась дальнейшая судьба мятежного атамана и его семьи - неизвестно. В линейной ревизской скаске 1782 года автор не нашел упоминания о нем и его близких.

Вместе с Неживым пригнали в Пресногорьковскую крепость по этапу гайдамаков Чуба, Колесниченко, Бондаря, Пашенко, Донца, Киселя, Жема, Безродного, Кривого, Кравченко, Тищенко, Павло Шрама из Каниболотьского куреня. Среди микротопонимов Песчанки встречается название Шрамов колок. Внук Павла, Шрамов Гордей Ефимович (1797 – после 1879 гг. Омск), стал первым, выпущенным в 1817 году Омским училищем офицером Сибири, дослужился до полковника, с 1867 года командовал 9-м казачьим полком. В Пресногорьковском редуте оказались казаки Григорий Бандура (в топонимии – озеро Бандурино), Осип Васильченко, Степан Жура, Иван Негода, Федор Попов, Осип Ротатой, Степан и Кирило Чебак (Чебан), Михайла Черных, Марко Швабцкой [проф.Н.А.Еремин].

Казаки были обвенчаны 2-го июля 1770 года в Введенско-Николаевской церкви города Тобольска с «присыльными» и местными женщинами. Еще один вождь - Никита Швачка с женой Доминикой Ефремовной остался под надзором властей в крепости Святого Петра (современный Петропавловск). В метрических книгах Троицкого драгунского полка Никольской часовни крепости Пресногорьковской, записи в которых вел священник Герасим Родионов, можно прочесть и о запорожцах. 27 декабря 1771 года у «запороцкого» казака Ивана Чупа сын Степан. Крестным (восприемником) стал запорожец Алексей Плосконос. 20 августа «нечаянно, без покаяния» утонул в возрасте 65 лет

запорожец Степан Жура. 25 августа 1774 года у Максима Донца родилась дочь Федосья, крещеная уже в новой деревянной церкви в центре вырытого колодниками и казаками земляного укрепления. На следующий день отцом еще одной Федосьи стал Степан Соболев...

Осенью 1773 года на Яике вспыхнул мятеж казаков-раскольников во главе с донским казаком Емельяном Пугачевым, объявившим себя государем Петром Федоровичем. Очень быстро восстание охватило всю Оренбургскую губернию и Башкирию. Генерал Деколонг предписывал в своих приказах «всем воинским командам, на сибирских линиях расположенным, посылать немалолюдные разьезды поутру, а с вечера и конвой посылать с заряженными ружьями и во всем воинском ополчении». Земляные укрепления в крепостях было приказано привести в порядок и оборонительное состояние, «пушек с их снарядами, имея также во всякой исправности, поставить в надлежащих местах на батареях и, одним словом, не дремать и всегда наблюдать безопасность». Пять легких полевых команд (10-14-я), сформированные из бывших драгунских полков, выдвинулись из крепостей линии в район мятежа, с ними ушли 249 казаков, забрав с собой часть артиллерии, 3-х и 4-х фунтовые пушки. Немногочисленные гарнизоны линейных крепостей находились в сложном положении – на севере повстанцы взяли Утяцкую, Марайскую, Иковскую и Курганскую слободы с многочисленными деревнями. Туда отправилась 13-я полевая команда из крепости Святого Петра под командованием майора Эртмана с намерением «восставшие слободы очищать от злодеев, не только очищая, но и истребляя». В слободах были поставлены «для кары преступников виселицы, глаголи и колесы». С юга небольшие редуты атаковали казахи Средней орды - хан Абылай сосредоточил южнее Пресногорьковской и Звериноголовской крупными силами, около сорока тысяч человек.

Он сжег редуты Алабужский и Крутоярский, сделал попытку взять Пещаный, выполняя договоренность с Пугачевым о дальнейших совместных действиях в Сибири. Об этом плане поведал на допросе следственной комиссии Упак Абзалов. Об этом же говорили на допросах близкие сподвижники самозванца Творогов и Чумаков. Пойманный в районе Звериноголовской драгун Азовского полка Мезенцов даже утверждал, что Пугачев находится в 50 верстах вверх по реке Алабуге, чем вызвал немалый переполох в штабах правительственных войск. Драгуна повесили по приказу Деколонга как пугачевского агента.

Реальную опасность для командования Пресногорьковской крепости представляли башкиры, служившие здесь годичную службу. В крепости их было 120 человек, жили они в урочище Татарском даже зимой, в хорошо утепленных жилищах (Х.Барданес,1771 год).

Комендант Пресногорьковской крепости Ерофей Францевич де Гаррига в донесениях начальству выражал обеспокоенность тем, что эта крепость крайняя на Сибирской линии, расположена ближе других к войскам Пугачева, а в ней состоит большое число башкирцев и ссыльных запорожских казаков, на которых совершенно нельзя полагаться. В конце октября 1773 года в Тобольске был заключен под стражу беглый с Сибирской линии из крепости Полуденной, ссыльный запорожский казак Василий Гноенко, «который по расспросам показал о соглашении с бывшими на линии казаками из запорожцев к измене и что он с линии бежал, дабы подговорить к тому других из таковых же казаков, присланных за вины и содержащихся под стражей в Тобольске».

Несмотря на это начальство активно использовало боевой опыт запорожцев в подавлении пугачевского восстания - они служили сотниками, капрами, пятидесятниками в полевых командах. В 1773-1774 гг. в бывшем в Оренбургской губернии

«замешательстве в походах и сражениях были»: Иван Пащенко, Николай Сничар, Осип Андреев, Степан Щербина, Никита Кузенко, Федор Таранов, Афанасей Белой, Иван Репин, Денис Нос, Павел Бойко, Роман Маловец. У многих казаков имелись на теле раны, нанесенные в прошлых сражениях. Данило Волошко и Григорий Крот были поражены в грудь и правую руку копьем, а Корней Кравец ранен в левую руку пулей. У Епищенко «на голове от конского бою рубец», Василий Грицков «во время схватки ранен в руку правую около локтя кольем от чего и знак», у Кротова «на правой ноге пониже колена рубец», у Ивана Гараки «нос порубан саблею и у правой руки средний палец крючком», Петр Бородавка имел «на правой щеке от посеку рубец», у Григория Герасимова на шее рубец, у Матвея Белого «на руке большой палец отрублен», Степан Щербина помечен рубцом «на правой щеке ниже рта», у казака Загороднева Никиты «от сабельного бою левая рука высохла, у левой ноги двух пальцев нет», у Саввы Паденко «на брюхе рубец», а у Ивана Хучева на голове 5 рубцов». Крепости в этот период находились на осадном положении – ездить в одиночку в степь было опасно. Так, 26 августа 1774 года был убит калмыками пятидесятилетний Максим Верба, 19 ноября - Данило Тимченко. 20 декабря погиб от рук калмыков казак Николай Фадеев.

Одним из тех, кто положил начало славной на линии фамилии, был Федор Заднепрец. 8 февраля 1770 года он и его сын Петр были зачислены в Сибирское казачье войско и служили вместе с Антоном Алексеевичем Моториным, сыном отставного солдата. В 1769 году Моторин венчан в (Верх) Каминской слободе священником Желницким первым браком с Матреной Алексеевой Перфильевой из крепости Кабаньей. В стычке с калмыками 22 декабря 1774 года он был тяжело ранен. Казаки привезли его в Пресногорьковскую крепость, где

он перед смертью исповедан, к тайнам приобщен, погребен при церкви. Петр Федоров Заднепрец венчан 11 января 1775 года в Николаевской церкви крепости Пресногорьковской «первым браком той же крепости умершего казака Антона Моторина с женою его вдовою Матреной Алексеевой второбрачной обоим полуторный брак». Запорожцы показали свой вольный нрав в сибирских крепостях и в мирное время. О преступлениях и наказании говорят судебные приговоры – их прогоняли сквозь строй, били плетью и тростями за кражи лошадей и оружия, за побег. А Сничар был наказан за «выдачу старой девки взамужество за беглого колодника Варгулина».

Прозвища казаков уже в конце XVIII века послужили основой для фамилий их правнуков. Потомки Федора Заднепреца стали именоваться Зенепрецовыми, Бородавки-Бородавкиными, Негоды-Негодиными, Ротата-Ротатовыми, Тарана – Тарановыми, Донца - Донцовыми и т.д. Носители малороссийских фамилий Кравченко, Колесниченко, Косенко, Горковенко именуются в документах «старинными» казаками и отнесены к старожильческому населению. В 1849-51 годах некоторые из них отправились в заливные округа, открытые в Степи, в качестве инструкторов для обучения казачьей службе малороссов из-под Харькова и Полтавы.

Запорожцы составили чрезвычайно малую часть создаваемого Сибирского линейного казачьего войска, однако оставили значительный след в его истории.

От автора: В реестре Запорожского казачьего войска за 1649 год в Лохвицкой сотне Миргородского полка значится козак Тимофей Винниченко. Из этих мест Полтавской губернии в 1897 году прадед автора Руф Григорьевич Винниченко переселился в Северный Казахстан...В эти же годы появились в лесостепи Петропавловского и Кустанайского уездов поселе-

ния, названия которых можно найти на старых картах Малороссии – Веселый Подол, Гуляй-поле, Сорочинское, Зубани... Переселенцы таким образом попытались «унести свою родину на подошвах сапог» в неизведанные края.

Новоселы с украинскими фамилиями Тихоненко, Стародуб, Ванжа, Ступак, Демченко, Борисенко, Довбня, Зубань, Дорошенко, Ильминские давали старые названия новому месту жительства, сохраняя таким образом память о покинутом крае, родине предков, которую еще долго вспоминали в протяжных украинских песнях и рассказах на завалинках хат - мазанок.

**На 19 января 1774 года в крепости Пресногорьковской
состояли на службе казаки:**

Атаман Василий Савин, пятидесятники Лукьян Вяткин, Егор Загурский, писарь Кирила Пестов, Филипп Ребров, капралы Федор Прянишников, Петр Ребров, Федор Седельников, Карп Набоков, подлекарский ученик Ефим Черепанов, Василей Чюкрев, Кандратей Кучин, Антон Моторин, Иван Парфенов, Федор Горшков, Яков Казаков, Иван Томской, Иван Новгородцов, Василей Караганов, Афонасей Гоголюхин, Миклай Фадеев, Захар Давыдов, Матвей Уразов, Алексей Щеглов, Максим Пушкарев, Михайла Карпов, Андреян Неклюдов, Трифан Ребров, Василей Шульга, Иван Чюп, Иван Новгородцов 2-й, Яков Безродной, Максим Донец, Григорей Бондарь, Федор Заднепрец, Алексей Осаченко, Андрей Рулин, Марко Швабский, Данило Волошка, Осип Васильченко, Афонасей Белой, Анисим Черета, Казьма Казак, Петр Безъязыков, Петр Заднепрец, Василей Кисель, Иван Литвин, Семен Донец, Астап Белой, Григорей Крот, Степан Сухих, Микита Кузенко, Сава Паденок, Иван Реткой, Иван Белой, Денис Нос, Григорей Тарас, Василей Живтило, Осип Закрыч, Осип Ротатой, Кастентин Храпенко, Мартын Скорина, Павло Бойка, Степан Щербина, Григорей Несеяной. Прибывшие ис походу казаки при

господине капитане князе Уракове* из разных крепостей: Карп Лосенок, Леон Евменев, Влас Прыткой, Алексей Цвеленко, Кандрат Каменской, Василей Чернявской, Василей Безверхой, Моисей Шейка, Федор Ткаченко, Федор Мекота, Герасим Нейка, Алексей Плосконос(по материалам ОГАЧО, <http://ka-z-ak.ru/index/58>).

*Ураков Иван Григорьевич(1721 – не позднее 1775 года), участник боевых действий против пугачевцев, упоминается А.С.Пушкиным в «Истории Пугачевского бунта».

Топонимика Пресногорьковской станицы

Ойконимы: Пресногорьковка – название села, расположенного между(дефиле) двух озер Пресным и Горьким(1 - м Соленым) на расстоянии 400 метров. Основано как военное укрепление, крепость, 13 июля(ст.стиль) 1752 года по Указу Сената Российской империи. Название крепости дано по наименованию двух озер. Казахи в XIX веке называли станицу Стац, так как в ней располагался штаб одного из сибирских казачьих полков .

Поселок Волна – расположен на берегу озера с пресной водой, основан в 20-е годы прошлого века.

Поселок Пещаный – в 22 км от Пресногорьковки, название дано по названию одноименного озера с широкой песчаной отмелью. Редут Пещаный был основан летом 1752 года между двумя озерами.

Поселок Крутоярка – в 12 км от Пресногорьковки, стоит в дефиле озер Хохловатое и Серебряково на крутом обрыве. Основан как редут в 1798 году.

Поселок Богоявленский – основан на православный праздник Богоявления, в 1846 году вошел в состав Сибирского казачьего войска. В советское время поселок носил название Октябрьский, в честь главного праздника Октябрьского переворота.

Поселок Первомайка – в 20 км от Пресногорьковки, основан после гражданской войны переселенцами из Пермского края.

Гидронимы – лимнонимы: Набоково озеро – названо по имени полковника Федора Набокова (1768 – 1831). В начале XIX века здесь стоял пикет казаков 1-го полка.

Озера Волгарево, Шавалдышево, Колпаково, Шумково, Кырчиково, Калабаево, Ситниково, Иванушкино, Федосово, Столарево, Коробейниково, Кожевное, Ситниково, Саматово, Игнашкино, Скопино, Стариково, Александрово, Мамоново, Попово, Безносорово, Коровино, Рытово, Пасынково – все озера названы по фамилиям казаков, которые имели у озер пахотные и сенокосные земли.

Озеро Каняево – названо по имени отставного драгуна Азовского полка Николая Каняева

Озеро Лобзоватое – название означает плавучий травяной болотный островок.

Пятиверстное, Семиверстное – озера расположены на трактах в 5 и 7 верстах от Пресногорьковки

Озеро Табакеркино – место у озера было засеяно табаком-самосадом, который сажали местные казаки.

Озеро Гранькино – по озеру когда-то проходила грань, делившая земли нескольких хозяев – землепашцев.

Озера Татарское – в середине XVIII века на берегу озера стояла сотня башкир, охранявших границу, которая менялась ежегодно. Диванчик, Канонерское.

Озеро Курортное – место отдыха пресногорьковчан.

Озеро Орлово – название дано по имени крестьянина, имевшего надел земли.

Озеро Долбилово – названо по имени поручика Азовского полка Василия Долбилова.

Гелонимы: болота Усово, Репинское, Чукреево, Мерчино, Дедово, Черепаново, Грибаново, Реброво, Рататово, Голиково,

Жуково, Шибаетов – наименования даны по фамилиям местных казаков.

Крестовое болото – рядом в XIX веке стоял молельный дом раскольников.

Чертово болото - с местностью связаны мистические истории, передаваемые из поколения в поколение.

Моховое болото – богато мхами, которые использовались при строительстве домов.

Пригонное болото - рядом расположены большие пастбища.

Дримонимы: Колки Бухменевы, Толчины, Карчажкины, Федоровы, Снесаревы, Будановы, Коровины, Селезнев колок, Тихонов колок, Губин колок, Щеглов колок, Тарыкин колок, Волгаревский колок – березовые леса названы по фамилиям местных казаков.

Маячная роща – расположена на тракте на Петропавловск, название получила в XVIII веке по стоящему у рощи маяку.

Татарский колок – в урочище Татарском, на берегу озера Татарского в середине XVIII века по указу императрицы Екатерины Великой располагалась башкирская сотня, проходящая годичную службу на линии.

Семиверстный колок – расположен в 7 верстах от Пресногорьковки к северу.

Хоронимы: Урочище Большая Ляга - «ляга» (яма, заполненная водой), урочище Гусиное, Урочище Долгое.

Дромонимы: «царская дорога» - от бывшего поселка Камышловского до Пресногорьковки, по тракту в июне 1891 года проезжал будущий император России Николай Второй (Романов).

На карте 1872 года отмечены земельные наделы офицеров войска: участок сотника Макара Едрилова у озера Гренадер-

ского, на месте исчезающего ныне поселка одноименного названия, полковника Елгаштина участок – севернее Гренадерки, есаула Бедрина участок – слева от дороги Волна- Первомайка, войскового старшины Кизина участок – южнее озера Прохорово, Кубрина участок - на границе с РФ, севернее Гренадерки, слева от бывшего тракта на Нижнюю Алабугу.

Тайна старого погоста

Нынешним летом исполняется век с момента начала Петропавловской операции - одной из самых важных военных операций по освобождению Сибири от армий адмирала Колчака. Три месяца жестоких боев лета-осени 1919 года оставили в Тоболо-Ишимском междуречье множество братских захоронений, открытых в чистом поле и на местных погостах. Для белых эти бои были последней попыткой удержать за собою Зауралье в качестве плацдарма для дальнейшего наступления на Москву. Уровень напряжения в схватках достиг запредельного - противоборствующие стороны пленных либо брали в свои ряды, или же тут же рубили. Будучи школьником, автор слышал рассказы старожилов о бое за старым кладбищем Пресногорьковки между двумя красными частями. Обстоятельства его излагались туманно и путано, поэтому было не ясно, что привело к трагической ошибке, говорили только о том, что убитых красноармейцев похоронили здесь же, на кладбище. Находки, сделанные в этом месте - гильзы, пули, штыки - также говорили о жестоком бое. Старый лежак открыл тайну только зимой 2007 года. Копачи, копавшие яму для захоронения ветерана войны М.И.Лапина, наткнулись на братскую могилу – двое были положены в гробах, остальные - друг на друга. Картину произошедшего удалось восстановить по косвенным донесениям, а особенно после личного знакомства с историком гражданской войны О.А.Винокуровым (г.Москва). Имеющиеся данные позво-

лили автору прояснить все обстоятельства того давнего боя.

21 августа, после взятия казачьего поселка Крутоярский, по тракту на Пресногорьковскую наступал 229-й Новгородский полк 26-й дивизии. Ему противостояла конница и пластуны Сводного казачьего отряда (части т.н. «Партизанской группы») генерала Льва Николаевича Доможирова. Основу отряда составляла 2-я Оренбургская казачья бригада под командованием полковника Василия Панова, уроженца станицы Усть-Уйской. Всего под командованием Доможирова было 4266 штыков и сабель, 22 пулемета и лишь одна пушка - трехдюймовка.

Штаб генерала находился в Пресногорьковской. К вечеру теплого летнего дня с северо-запада к окраине станицы подошли неизвестные белым части, открывшие огонь по сотне охранения штаба. Оказалось, что это был 232-й полк 26-й дивизии под командованием Арсения Николаевича Баткунова, бывшего ивановского ткача. Основные силы «Партизанской группы» белых в результате такого маневра попали в клещи и при неблагоприятном для белых развитии событий могли быть окружены и уничтожены бойцами 26-й дивизии в дефиле озер между Пресногорьковской и Крутояркой. Штаб Доможирова вынужден был уйти на Кабанью. Отбиваясь от наседавшей красной пехоты, Сводный казачий отряд в сумерках 21 августа был прижат к лесу Татарскому у самой Пресногорьковской и напоролся на артиллерийский и ружейно-пулеметный огонь с тыла, от станицы. Казаки-оренбуржцы под прикрытием ночи ушли на юг, на поселок Пилкинский и хутор Троебратский, выскочив таким образом из губительного окружения. В это время продолжавший наступать Новгородский полк с криком «ура!» бросился через поле от Татарского колка на окопы у станицы, полагая, что в них засели белые пластуны. Лобовая атака была отбита баткуновцами. Тогда командир новгородцев Никольский отдал приказ отойти к лесу Салотопник и нанести

удар с севера по окопавшимся у кладбища «белым». На половине пути наступающим попался необозначенный на карте длинный, извилистый, заросший кустарником, лог, называемый местными «Пьяным». Его протяженность составляла около версты, он впадал в Горькое озеро. Из кустов лога и бросились новгородцы на ошеломленных бойцов Баткунова в рукопашную схватку. В бою не сразу определились бойцы двух красных полков, что поднимают на штыки своих, а когда наконец поняли, оказалось, что итог этой трагедии был ужасен. По данным О.А.Винокурова, с обеих сторон убиты 17 человек. 65 раненных красноармейцев были размещены в местном лазарете. Сложно сказать, кто был виновен в смерти бойцов. Баткунов писал в рапорте командарму о том, что высылал разведку в сторону Крутоярской, но она пропала без вести и все дело повернулось так, что разбираться с этим было просто некогда – предстояли тяжелейшие бои на петропавловском направлении. В оперативных сводках об этом бое не упоминается. В разведсводках 5-й армии говорится о созданной Партизанской группе Доможирова следующее: из захваченных приказов противника (13–14 августа) выясняется, что в составе 3-й армии (видимо, бывшая Западная армия) образована партизанская группа из 2-й Отдельной Оренбургской казбригады, всех партизанских отрядов (в том числе отряд ген. Перхурова), действующих между 3 и Южной армиями и всех мобилизованных прочих казачьих частей района 3 и 4 отделов Оренбургского казвойска, действовавших между 3 и Южной армиями. Комгруппы ген. Доможирова со штабом группы 15/8 должен был переехать со ст. Варгаши на хут. Кабаний /на тракте Звериноголовская – Петропавловск/. Частям 2-й Отдельной Оренбургской казбригады приказано прикрывать Петропавловский тракт, поддерживая связь к северу с Волжской группой. Отряду ген. Перхурова, прикрывая пути на восток и юго-восток, обеспечивать связь с Южной армией. Разграничительная линия между Партизанской и Волжской группами Березовая – То-

бол – Чульная – Привольная по железной для Волжской группы включительно. По показаниям пленных, части 1 и 2 Пластунских батальонов, 2, 5 и 34 казполков при 2 орудиях 6 конной батареи, занимавшие 21/8 район Богоявленский – Крутоярский, отходят вдоль Петропавловского тракта (выделено автором). Во 2-м Оренбургском казачьем полку 6 сотен до 400 сабель при 2 пулеметах, комполка полковник Бородин.

23 августа в штаб армии поступила оперативная сводка: «26 дивизия – кавгруппа части группы ведут разведку из района Песчаный южном направлении. 2 бригада и части бригады продолжают наступление на выс. Екатерининский и выселок Островский. 3 бригада 232 полк прибыл ст. Пресногорьковская д. Перевалова, 17 верст восточнее ст. Пресногорьковская и продолжает движение на выселок Кабаний (выделено автором). 234 полк 23 часам 21/8 занял д. Починное (на карте нет) и ведет наступление на д. Воздвиженское (на карте нет) Сухменская, 233 полк в движении на Чулошная. 1 бригада части бригады сосредоточились в ст. Пресногорьковская». И в этой сводке нет ничего о бое под Пресногорьковской. Тот факт, что на картах того времени (карты Стрельбицкого?) не указаны многие населенные пункты, говорит о сложностях в ходе боевых операций и, в определенной степени, игравших свою роковую роль в действиях воинских подразделений, попадавших в окружение из-за незнания местности.

Командиры, принявшие участие в этих событиях, были разного возраста, образования, прошли свой жизненный путь и судьба свела их вечером 21 августа 1919 года в военном эпизоде у станицы Пресногорьковской. Они прожили разную жизнь, но закончилась она для них одинаково трагично.

Доможиров Лев Николаевич (родился в 1868 году, станица Магнитная Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии - 1920, Омск), участник русско-японской, 1-й мировой, и Граждан-

ской войн, генерал-майор (10 окт. 1918). Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус (1885), 3-е военное Александровское уч-ще (1887), Офицерскую стрелковую школу (1889). Автор ряда статей по проблемам казачества в «Военном сборнике». Командир 7-го Оренбургского казачьего полка в Великую войну (28 июля 1914 — 1917). Начальник 2-й Оренбургской казачьей дивизии (до июня 1919). С 20 авг. 1919 команд. Конной партизанской группой в составе Третьей армии. Участник Челябинской, Тобольско-Петропавловской операций. Награжден орд. Св. Владимира 4-й степ, с мечами и бантом (1916), Св. Анны 2-й степ. (1914) и мечами к нему (1915), Св. Анны 3-й степ. (1904), Св. Станислава 2-й (1907) и 3-й (1895) степ., Георгиевским оружием (1919, за отличия в боях на р. Тобол). Захвачен в плен в районе Красноярска. В январе 1920 года направлен в Омский окружной военкомат. Расстрелян красными. Дочь Мария (1913 г.р.).

Баткунов Арсений Николаевич родился в д. Самсоново Смоленской губернии (1890 – 1937, по другим данным 1939). «Потомственный пролетарий, текстильщик». Участник Первой мировой войны. В партии большевиков с 1917 года. Посажен петлюровцами в киевскую тюрьму. Командир 232-го им. Облискомзапа полка, 26-й Златоустовской дивизии. В 1922 году награжден орденом Боевого Красного Знамени за подавление Западно-Ишимского восстания. В 30-е годы командовал дивизией внутренних войск. Расстрелян как «враг народа».

Автор связался с жителями деревни Самсоново, что на Смоленщине, там помнят о своем знаменитом земляке, есть небольшой уголок в местном музее, но о пресногорьковском эпизоде в музее сведений нет...

Сибирские казаки в Западно-Ишимском восстании 1921 года

В январе 1920 года, после отступления на восток колчаковской армии новой властью был издан приказ по станревкомам Пресногорьковской волости Петропавловского уезда, в котором говорилось: «Переживаемый грозный момент и продовольственный кризис требуют от всех честных граждан исполнения долга перед революцией – выполнить разверстку хлебную. Никакие обстоятельства не могут служить препятствием для выполнения этой задачи. Все продработники несут полную ответственность за своевременную сдачу хлеба. Поселки и станицы, не исполняющие приказ, будут судиться так же строго, как судят за отказ идти в бой, продработники, не делающие своего дела, будут караться по закону военного времени».

Партизанский отряд Дмитрия Ковалева, имевший боевой опыт, послужил основой для создания ЧОН по сбору зерна у населения. Его укрепили за счет прибывших из Петропавловска рабочих, бывших фронтовиков Данилевича, Дерябина (погиб под Лопушками, похоронен в Пресногорьковке), Костыкина, Черновикова, Ивана Петухова (убит, похоронен в Федоровке), Николая Федина, Петра Ефимова (погиб под Новорыбинкой, похоронен в Ершовке).

Кроме конфискации хлеба в казачьих станицах и крестьянских селах отряд гонялся за многочисленными отрядами, не желающих подчиняться советской власти. В середине лета 1920 года в Горелом ауле, что в 35 верстах от Анновки, появился отряд «бабки Махно». Красный партизан Яков Рыбкин вспоминал: «11 июля 120 бойцов, окружив аул, ударили с двух сторон из винтовок и пулеметов. Бандиты, отстреливаясь, ушли к Рузаевке и объявились в Карасу. 15 июля мой взвод

занял аул Талды (ныне усадьба одного из отделений поселка Майский), но мы опоздали. Бандиты успели расстрелять казахов – коммунаров. Когда речь о расправе дошла до комиссара Ковалева, Иван Алексеевич выступил с речью перед отрядом и поклялся отомстить за убитых». Повстанцы схватили ехавшего из Всесвятского в Кустанай судью Ивашина и зарубили его. Отряд новоявленного «Махно» была полностью уничтожен между Пресногорьковкой и Шибаево.

«Зеленой крестьянской армией» руководили Макар Чумак и Андрей Ярославцов. Задача восставших крестьян состояла в свержении советской власти на местах и захват Петропавловска и Кустаная. «Зеленые» провозгласили лозунги: «Долой коммуны и коммунистов-узурпаторов!», «Да здравствует учредительное собрание!». Крестьяне и казаки все беды видели в продотрядах. Восставшие расстреляли уполномоченных Карасульского и Всесвятского продовольственных районов Ф.Повидайкина и Ильина. В Крыловке был застрелен бедняк Тлеубет Каракучуков, а у Всесвятского убит милиционер Коршун. В ночь с 24 на 25 августа 1920 года «зеленые» захватили Всесвятское (ныне Сарыколь), обезоружили 42 красноармейца и арестовали партийно - советский актив. Райпродкомиссар Медведь дал телеграмму в станицу Пресногорьковскую: «Срочно примите меры помощи Всесвятскому. Зеленые обезоружили красноармейцев, касса взята, все оружие взято. Расстреляны продработники. «Зеленые» выбыли на Убаган в сторону Кустаная. Силы отряда до 100 человек». Отряд ушел на Сорочинку, захватив петроградского рабочего Медведя и начальника милиции Сараева. Позже ими были разоружены 30 красноармейцев уездкома Мешкова. Отряд особого назначения Д.Ковалева после ухода «зеленых» прибыл во Всесвятское из Федоровки. Шестеро сочувствующих восставшим без суда были расстреляны у озера Сарыколь. В отряды особого назна-

чения принимались только коммунисты и комсомольцы. Их усилиями 29 августа крестьянская армия была разбита. Она распалась, стала действовать мелкими группами, напоминая о себе до конца 1920 года. Об этих событиях документы сообщают сухим языком, но в строчках и сегодня чувствуется нечеловеческое напряжение того жестокого времени.

26 августа председатель Акмолинского губревкома В.Барлебен послал телеграмму из Петропавловска в Омск: «В селе Всесвятское неожиданно напали на двух ответственных сотрудников по заготовкам продовольствия, расстреляли районного комиссара, толпа арестовала и обезоружила красноармейцев. За этим во Всесвятское введены дополнительно 50 человек с двумя пулеметами и умелым ведением боя восстание подавлено».

Об этих выступлениях в Сорочинке, которые подавил отряд Ковалева и прибывший из Петропавловска отряд 189-го стрелкового полка, начдив-21 писал: « В районе села Всесвятского на почве продрозверстки вспыхнуло контрреволюционное восстание. Приказываю комполка тов. Серову выделить из состава полка отряд в составе 50 хорошо вооруженных и вполне надежных красноармейцев, придав к нему 2 пулемета. Снабдив отряд продовольствием на 10 дней, отправить его походным порядком (на подводах) через ст. Пресногорьковская в село Всесвятское. По прибытии получить все данные у райпродкомиссара и, объединив ближайшие отряды, работающие по заданию наркомпрода, немедленно подавить восстание. О ходе подавления доносить с ближайших пунктов, имеющих телеграф».

В конце августа 1920 года в Сорочинку прибыл продотряд, который встретила толпа женщин и детей и чоновцы отступили. Вслед за ними для проведения следствия прибыл из Петропавловска чекист Л.Н.Дульский, проводивший следствию по заговору «зеленых». Зерно было отнято у населения подчистую.

1 сентября Дульский докладывал из станицы Пресногорьковской: «Восстание подавлено, некоторые зачинщики арестованы. Красноармейский отряд прочесал степь, бандиты спаслись бегством, продолжаем преследовать. Самому необходимо задержаться еще, выяснить, сколько осталось в деревнях бандитов».

В аналитической сводке Омского губисполкома о состоянии Петропавловского уезда за период 1 – 15 ноября говорится: «Говоря о настроении крестьян и казаков, приходится отметить широкое распространение контрреволюционной агитации кулацкого и казачьего населения, которая направлена к разложению комячек и комсоюзов молодежи, обессиливая этим работу на местах. Исключительно указывают как причину на разверстку – видите, у нас все отбирают, а нам ничего не дают и забирают мобилизацией последних работников из домов и нас хотят оставить голодными. Местные комячейки обессилены. Крестьянство грозит – если вы будете у нас так отбирать, то мы вас всех уничтожим. Такие явления наблюдаются в большинстве в казачьих станицах. Во Всесвятской волости было неорганизованное восстание на почве хлебной разверстки. Все эти недовольства сосредоточиваются на неправильном распределении разного рода разверсток и подводной повинности, так как все тяготы несут бедняки наравне с кулаками. Кулаки приспособились и ввели свою систему: каждую разверстку распределяют со двора. У кого две скотины – берут одну, кулак имеет 10 – тоже одну. И подводная повинность налагается не по размеру хозяйства, а с каждого двора. Такие действия местных сельских исполкомов ставят беднейшее крестьянство под влияние кулака. Члены таковых исполкомов сильно поощряют варение самогонки, в котором усердно принимают участие сами, и милиция не в состоянии с таковой бороться, так как набрана из ненадежного элемента,

вступившего в милицию с целью наживы и спасения от воинской повинности».

В декабре 1920 года, объехав весь Петропавловский уезд в качестве уполномоченного по продразверстке, Л. Дульский докладывал: «Кулачество определенно сказало товарищам – посмотрим, что вы теперь возьмете у нас и как мы будем с вами считаться (из слов партийных товарищей станицы Пресногорьковской). В селе Всесвятском узнаю, что было продовольственное восстание в Сорочинском. Захожу в райпродком, чтобы узнать подробно и получаю ответ от Воеводина: «Такая история будет не только в Сорочинке, но и в каждом селе нашего района, что неизбежно это должно быть при наших работах». Меня удивил этот ответ... решил созвать партийных товарищей Всесвятского и узнать, в чем именно дело и как они смотрят на происходящее. На собрании оказалось, что ни один из товарищей не знал продовольственной политики Советской власти, т.е. никто им не говорил, что значит сия разверстка: не указывают норм на семена и корм, забирают весь хлеб, сырье – словом, выходило, что приходят к крестьянину, берут хлеб молча и все, дальше крестьянин спрашивает у «своих» коммунистов деревни: «Как это так, забирают все, как же будем жить потом?» Свой коммунист ответа не находил, и естественно, создавалась постепенная злоба, этим воспользовалась кулацкая контрреволюция и произошло Сорочинское восстание... На собрании было решено создать «тройки» и приступить к работе без продагентов и «штыка». По Всесвятскому была выполнена минимальная разверстка имеющегося наличия. Товарищ Медведь, продкомиссар Всесвятского района, сказал: «Я тоже не совсем знаю продполитику, ибо работаю по приказам и телеграммам, вам же лучше там, в городе известно, что и как». Самый корень восстания в селе Сорочинском, на мой взгляд, в бестактности, непонимании и необъяснении продо-

вольственной политика гражданам и даже местным ячейкам. Неумение завербовать эту массу своевременно выливалось в нежелательные последствия. Правда, здесь руководили, может быть эсеровцы (так в документе – прим. автора), но почему такой революционный район как Всесвятский, где сотни могил расстрелянных Колчаком покрыли дороги, пролетариат этих мест пошел с кулаком? При желании и энергии можно взять массу под свой коммунистический контроль». Чекист Дульский погиб во время февральского мятежа 1921 года в Петропавловске.

Тогда же уполномоченный по продразверстке в Пресногорьковском районе М.Басков в докладе Петропавловскому уисполкому писал: «Большинство посланных со мною товарищей я почти не знал и познакомился с ними ближе во время пути... все они почти новички в продовольственном деле, сумели расшевелить деревню и провести частично ее расслоение на две группы – имеющих излишки хлеба и не имеющие таковых. Возникали мелкие трения и недоразумения с находившимися уже на местах продработниками, и, конечно, не с рядовыми, а с разными комиссарами этих отрядов. В данное время, помимо уполномоченных, в районе работают три московских продотряда. Рядовые продармейцы почти раздеты и разуты, в связи с холодами их использовать в должной мере нельзя. В каждом поселке произведены тщательные обыски у кулаков, по указанию бедняков и комячек, правда, давшие весьма незначительные результаты. Взято все, что можно, говорить об оставлении нормы или полунормы не приходится. С этим приходится не считаться при самой интенсивной выкачке хлеба, по приблизительному счету (необмолоченного хлеба) с Пресногорьковского района взято около 250000 пудов, т.е. 20% разверстки. Повторяю – взято все, что можно, и, конечно, не излишки, а гораздо больше чем они. При отправке уполномоченных

в район в задачу им ставится, помимо расслоения деревни, еще внушить населению, что выполнение разверсток является для них обязанностью по отношению к пролетариату центра и власти. Эта-то задача, можно сказать, почти не выполнена: такое сознание крестьянам оказалось невозможным и вряд ли, что всецело по вине крестьян, причин много других, совершенно не зависящих от населения. Крестьяне прекрасно знают, что на деревни в 100 дворов Курганского уезда, где население зажиточное, наложено 10 – 12 тыс. пудов, а на таковую же деревню Петропавловского уезда уже не менее 25 – 30 тыс. пуд. Некоторые разверстки наложены слишком поздно... Все это вызывает недоверие, создает конфликты, а главное создает у населения впечатление, что разверстка налагается не соввластью, а что каким-то отдельным агентом продоргана или комиссаром по личному его усмотрению, а может и по злобе на что – либо. Вот в это-то разубедить очень трудно... Сибирский крестьянин, в частности Петропавловского уезда, в общем и целом отдал и отдает Республике все, что можно. Он без особых затруднений, сознавая, что Соввласть – его власть, выполняет все разверстки полностью. Нельзя сказать, что хлеба нет в районе совсем – это будет неправда, он есть, все же его недостаточно, чтобы выполнить полную разверстку. Еще раз от имени всех 25 уполномоченных, посланных со мною в Пресногорьковский район, заявляю, что нами сделано все, что возможно, изъят весь хлеб. Мы в районе твердо помним наказ – не поддаваться слезам и уверениям населения, что у них нет хлеба, а делали свое дело, твердо помня катастрофическое положение центра. В селах, где хлеб немолоченный приняты все меры к обмолоту его. Нельзя скрыть того факта, что многие кулаки в проведении разверсток заблаговременно еще летом сплавили хлеб киргизам, но сделали все это незаметно для своих сельчан, а у киргиз найти его – задача непосильная». Приведенные документы дают от-

вет на вопрос, почему главный союзник большевиков, середняк, оказывал на протяжении длительного времени жестокое сопротивление политике «военного коммунизма». Это сопротивление постепенно сошло на нет лишь после X съезда РКП (б), прошедшего в марте 1921 года, заменившего продрозверстку фиксированным продналогом.

По воспоминаниям А.Скрипкина, боеприпасы отряду Ковалева летом 1920 года доставляли семь красноармейцев под командованием разведчика Никифора Комахи. Следуя из Акчикуля к Анновке, они наткнулись на противника. Комаха остался прикрывать отход обоза, приказав остальным спрятаться в камышах. Его схватили, подвергли пыткам, но ничего не добились. Ему нанесли свыше сорока шашечных ударов и бросили как умершего в трех километрах от Акчикуля. Здесь его подобрала бойца - ковалевцы. Никифор выжил, благодаря богатырскому здоровью, но потерял пальцы на руках, заслоняясь от ударов шашкой.

Всю осень и зиму 1920 года вспыхивали выступления недовольных изъятием хлеба крестьян, их поддерживали те, кто лишился при новой власти положения и состояния. На хуторах Пресногорьковского района стреляли в окна домов активистов. Отряд Ковалева действовал против таких выступлений в Белоградовке, Лопушках, у станицы Новорыбинской. Действия продотрядовцев толкали бывших хозяев земли на ответную жестокость. Так, в Пресногорьковской один из бедняков со своим 15-летним глухонемым сыном жил в шалаше на выделенной ему пашне. Ночью бывшие хозяева земли отрубили им головы и оставили в шалаше. Утром пришедшей с завтраком дочери предстала ужасная картина расправы.

Продрозверстка шла тяжело, политика «военного коммунизма», проводимая в мирных условиях, заставляла крестьян

нина-середняка с недоверием относиться к советской власти, которую он поддержал совсем недавно. Известный казахский писатель Сабит Муканов написал об этом в книге «Школа жизни»: «Продразверстка была завершена Пресногорьковским райпродкомом к началу января 1921 года, и об этом немедленно сообщили по телеграфу В.И.Ленину. Все-таки с продразверсткой пришлось трудно. Выполнялась она гораздо ниже плана. Помню, как комиссар Пресногорьковского райпродкома Дерябин созвал совещание - Акмолинская область обещала товарищу Калинину собрать 3 млн. пудов зерна. Четвертую часть этого хлеба должен был сдать наш Пресногорьковский район. Ленину комиссар обещал выполнить продразверстку к 10 января.

В нашем краю часто попадаются курганы, братские могилы, насыпанные еще во время войн. В 25 верстах от станицы Пресногорьковки насыпан высокий Сары - оба – Желтый курган, изрытый волчьими и лисьими норами. В этих – то звериных норах кулаки окрестных сел и станиц прятали хлеб. Кулацкое сопротивление было столь жестоким, что многие продотрядовцы погибали в этих стычках».

Как продолжение сопротивления в начале февраля 1921 года в Сибири и Северном Казахстане вспыхнуло Западно - Ишимское восстание.

Движущими силами восстания стали остатки колчаковцев, эсеровский крестьянский союз, недовольное продразверсткой крестьянство и казачество. Основными лозунгами восставших были «Долой продразверстку!», «Советы без коммунистов». Возникло несколько повстанческих очагов движения.

До 9 февраля обстановка в Петропавловском уезде была относительно спокойной. 5 февраля горожане поздравляли бойцов 255-го полка, разгромивших у станицы Пресногорьковской «Партизанский особый отряд казачьих войск». Пред-

седатель уездного исполкома Советов В. Г. Барлебен за мужество и героизм вручил командиру полка памятное Красное знамя. Петропавловские чекисты ничего не знали о планах заговорщиков из комитета «Сибирского крестьянского союза». Кроме него существовал еще один центр антисоветского подполья — «главный штаб казачьих войск», координировавший деятельность нелегальных белогвардейских групп и организаций на территории Северного Казахстана, в местах расположения станиц и хуторов бывшего Сибирского казачьего войска. Руководители «главного штаба» подполковник Кудрявцев, полковник Сизухин, подхорунжий Токарев с помощью белогвардейского подполья Омска сумели перебросить в намечаемые места выступления опытных офицеров, перед которыми ставилась задача возглавить боевые действия ударных отрядов. Среди офицеров были войсковой старшина Пелымский, есаул Алексеев, поручик Карасевич, прапорщики Бойченко, Гноевых и др. 10 февраля мятежники захватили участок железной дороги от станции Петухово до разъезда Горбуново. В руках повстанцев оказалась часть Петропавловского и восточные районы Курганского уездов. 11 февраля организационно оформился «боевой район» главкома повстанцев В. Родина.

На юге Курганского уезда и в западной части казачьей линии действовала «Первая народная армия». Штаб ее находился в станице Кабаньей. Начштаба «армии» был некто Дутов - по мнению чекистов, «самозванец, назвавшийся Дутовым, с целью вызвать энтузиазм повстанцев». Среди командиров чекисты называли бывших генералов Анненкова, Лебедева и Церетели, скрывавшихся в Казинском женском монастыре под видом богомольцев, и белых офицеров Ольгинского и Морозова. Фамилии генералов были на слуху с периода боев 1919 года и в этих местах в это время их быть не могло, а «первой армией» на самом деле командовал уроженец станицы Каба-

ншей старший урядник Иван Дурнев. Вооружены повстанцы были плохо. В Пресногорьковском районе «народная армия» насчитывала до 1500 казаков, вооруженных на треть личного состава, большинство - самодельными пиками, топорами и вилами. В каждой деревне и станице организовали кузницы, где изготовляли пики из железных вил.

В Приишимье действовала повстанческая 1-я Сибирская казачья дивизия под командованием подхорунжего Токарева. Уроженец станицы Екатерининской, георгиевский кавалер, Семен Георгиевич Токарев воевал в Первую мировую войну в 1-м Сибирском казачьем полку. После падения Омска, в ноябре 1919 года, он сдался в плен красным, но последующие события заставили его воевать на стороне восставших. Дивизию составляли казачьи полки под командованием вахмистра О.Зубкова и подхорунжего И. Винникова, около 1000 – 1500 человек.

После захвата 14 февраля уездного Петропавловска, отряды восставших двинулись по хуторам и станицам Горькой линии в надежде найти поддержку со стороны враждебно настроенного к советской власти казачества. В районе станции Петухово сформировались две дивизии «Петуховской армии», до шести тысяч человек, к 20 февраля отряды повстанцев захватили Макушино и Лебяжье. На линии восстание охватило казачьи станицы, крестьянские хутора и деревни. Перевороты в станицах Становой, Дубровинской, Михайловской произошли 13-14 февраля. При взятии ст. Петухово крестьянская волна из Ишимского уезда перехлестнула через железную дорогу на Пресногорьковскую линию, 16 февраля восставшие заняли станицы Железную, Богатую, Миролюбовскую, Лапушинскую. 18 февраля пала Новорыбинская, где образовался повстанческий штаб во главе с Л.Проскуриным. В 20-х числах были захвачены Пресновская и Казанская станицы. В Пре-

сновской 21 февраля местные активисты были расстреляны у станичного кладбища.

В листовках повстанцев говорилось: « По всем казачьим станицам создаются отряды из всех годных носить оружие, не считаясь с возрастом».

«Ужасы, творимые повстанцами не поддаются описанию. При поимке коммуниста клали его на козлы и пилили пилой. Опускали товарищей – коммунистов в колодезь, потом вытаскивали и замораживали на морозе 30 – 40 градусов» (из доклада Ф.Н.Воронова Омскому губкому партии). Свидетель писал: «Вот ответственный секретарь, член президиума уисполкома, коммунист. Тов. Гозак, над которым издевалось кулачество станицы Новопавловской. Живому отрезали ноги поперечной пилой. Коммунист Соленик Василий – в гробу лежал кусок порезанного мяса. Райпродкомиссар Петуховского района тов. Соловейчик – живот был разрезан, куда была насыпана пшеница, на груди вырезана цифра 100%, означающая выполнение продразверстки». На Пресногорьковскую от Пресновской наступал отряд урядника Ивана Дурнева и Ольгинского, который насчитывал до 1500 ялуторовских и пресновских казаков («1-я народная армия»). Они захватили станицу Пресноредутскую и Макарьевку, где проживала семья Дурнева. Небольшие группы повстанцев рассыпались по окрестным селам и аулам, проводя разведку. В разведсводке штаба приуральского военного округа от 16 февраля (район 24-й дивизии, Курганский боеучасток) говорится, что «в районе ст. Пресногорьковской замечена банда, численность которой не установлена».

Начальник правого боевого участка 20 февраля доложил военкому Курганского уезда:

«По донесению начальника вооруженных сил тов. Ковалева, повстанческое движение сильно разрастается, чуть ли не

весь Петропавловский уезд восстал, численность банд велика, большинство которых — кавалерия из казачества. У нас же вооруженной силы мало, оружия недостает, патронов совсем нет. Отряд Ковалева от Пресногорьковки отступил, так как бандиты нападают и двигаются по казачьей линии. Ввиду неимения достаточных вооруженных сил и полного отсутствия патронов, устоять и дать отпор мы не в состоянии, и, возможно, придется отступить от Пресногорьковки. Для предотвращения разрастания повстанческого движения категорически требуем немедленной высылки хорошо вооруженного подкрепления с пулеметами и как можно больше патронов, ибо движение повстанцев стихийное. Сообщите Челябинску и Петропавловску. Ждем немедленного подкрепления».

Таким образом, по мнению В.А.Шулдякова «вокруг Пресногорьковской станицы возник самостоятельный повстанческий район. Но можно ли считать его пятым по счету большим казачьим очагом Западно-сибирского восстания? Не исключено, что казаков в Пресногорьковском очаге было не меньше, чем в Пресновской или Исилькульской группировках».

Это предположение подкрепляется расшифровкой разговора по прямому проводу начальника оперчасти штаба Приуральского военного округа (Екатеринбург) с комбригом -69 в 6 часов вечера 23 февраля. «Противник – около 400 пеших и 200 конных занимает Баксарскую (15 верст юго-восточнее станции Лебяжье). В бою под Лебяжьевской захвачен в плен командующий группой народной армии повстанцев Третьяков. Станция Макушино занята противником. Район местности от Петропавловска до Новорыбинской (100 верст юго-западнее Петропавловска) населенный казаками, охвачен восстанием. В Лопатинской волости, 30 верст южнее Лебяжьей, находится противник численностью до 300 пеших и 200 конных, который, наступая на станицу Пресногорьковская, привлек на свою сторону посредством агита-

ции до 2000 повстанцев, вооружения у которых мало. Настроение повстанцев воодушевленное, наступление ведут стройными колоннами, и большинство из них казаки». Видимо, речь идет о действиях «народной армии» Ивана Дурнева.

В Пресногорьковской волости Дмитрий Ковалев стал формировать заградотряд из бывших партизан. В него шли люди из Сретенки, Федоровки, Узункуля, Ершовки, Нурумбета, Евгеньевки, дальних аулов. В окрестные поселки были отправлены разведчики – Георгий Лавринов отправился в Федоровку, Ларюшин в Починовку, Михаил Сухов в Алабугу.

Георгий Лавринов вспоминал: «Сформировали сотню, во главе ее стал Борис Федорович Бедрин, роту пеших добровольцев передали под начало командира продотряда Федора Дерябина. Двумя эскадронами командовал Константин Егоров. Игнат Семенович Усачев возглавил взвод конной разведки. Выступил Ковалев. Он рассказал о грабежах, истязаниях, расстрелах мирного населения. Опасность состояла в том, что банда Волкова в любой момент могла ударить в наш тыл со стороны Звериноголовки». Игнатий Усачев был родом из Кабаньей, где пользовался большим авторитетом. Через пленных казаков он передал повстанцам письмо и часть станичников заколебались, а в разгар активных боевых действий сам проник во враждебный лагерь, рискуя жизнью, и сумел разagitировать непримиримых казаков.

Холодным утром 21 февраля отряд Ковалева выступил к Камышловке. Еще до начала боя отряд потерял бойца – работник исполкома Егор Ларюшин был захвачен повстанцами в казачьем поселке Починный, ничего не сказал на допросе и был зарублен. Труп его был обнаружен в Пресновской среди других убитых. Тело с отсеченной головой привезли в Пресногорьковскую и похоронили на площади. Хоронили с почестями. Все

село было. Молодежь из комсомольцев пели «Интернационал». Поставили досчатый памятник со звездой.

Жестокий бой развернулся у озер Ульевых. Поначалу Дурнев послал в атаку лишь сотню всадников. Он надеялся, что ковалевцы не выдержат натиска конницы, а разгромив пехоту, казаки откроют путь на Пресногорьковку. Сотня стремительно приближалась к позициям ковалевцев и неожиданно попала под перекрестный пулеметный огонь. Среди всадников началось замешательство. Приказа об отступлении не требовалось. Зажатые в тиски конницей Бедрина и Егорова повстанцы, отстреливаясь, ушли в степь на хутор Троебратский. Повстанцы потеряли 40 человек убитыми и 40 ранеными. В этом бою ранен был Ф.Дерябин, погиб Г.Захаров – комбат, уроженец Ершовки, Глядянского уезда. Он привел из Звериноголовской батальон на помощь ковалевцам. До Пресногорьковки его везли на саях под присмотром фельдшера Федора Курбатова, здесь он умер и был похоронен в центре станицы. Роту принял Петр Ефимов, позже погибший под Новорыбинкой. В Ершовке на месте его захоронения установлен обелиск. 27 февраля после двухчасового боя повстанцев выбили из Камышловской, погибли 30 человек.

Правым боевым участком командовал Воротков. В участок входил сводный отряд (которым, по-видимому, командовал Ковалев - прим. автора), 1-й Симбирский полк и батальон особого назначения ВЧК. Сводный отряд с рассвета 6 марта наступал на юго-восток из района Пресногорьковская – Кабанья, «имея справа ограничительную линию Пресногорьковская – Казанский-Евгеньевский - ур. Курол-Городецкий - Коноваловский, а слева Кабаний – Екатеринбургский-Петровский-Благовещенский-Семипольское». Левым боевым участком командовал Ильин, имея под своим началом 249-й и 209-й стрелковые полки.

После поражения у Камышловской Иван Дурнев повел казаков к Ишиму, надеясь переправиться через него. Однако

ледоход не позволил этого сделать. В районе Крещенки и Белогородки завязался бой. Повстанцы ушли на Всесвятское. Обходным маневром главные силы Ковалева ночью заняли Всесвятское, и утром повстанцы встретили там неожиданное сопротивление. Поняв, что окружение неминуемо грозит гибелью, сотня в агонии повернула на Пресногорьковку и заняла ее. Население подверглось грабежам, несколько человек были зверски замучены и тела их брошены в лесу «Маяк». Повстанцы расстреляли председателя Федоровского сельисполкома Федора Каргаполова (под Пресновкой) и председателя Пресногорьковской комячейки Данилу Селезнева (в Хлупово). Отряды повстанцев были разбиты в районе Жолтыков – красноармейский отряд со станции Лебяжье и отряд Ковалева уничтожили остатки недовольных властью Советов. Командующему «народной армией» Ивану Дурневу удалось спастись. В ходе боев Дурнев и Ковалев обменялись семьями, которые находились у них в заложниках. Для переговоров встречались один на один у озера Безносово

За пособничество казакам Дурнева в Пресногорьковке были расстреляны священник Василий Преображенский (останки его и малолетней дочери были обнаружены автором в 1977 году), Петр Васильевич Лутченинов – церковный староста (жене Любаве удалось выкрасть тело мужа и тайно похоронить), Иван Андреевич Столбинов – завскладом кредитного товарищества, бывший белый офицер, учитель Григорий Михайлович Алимов, работник волисполкома Кузьма Петрович Пожидаев, Дмитрий Яковлевич Угренинов, монахини Казинского монастыря. Приговоры были стандартными – «за участие в расстрелах и грабежах».

Апрельские оперсводки тревожны и примерно одинакового содержания: « В Челябинскую губЧК. 9 апреля. В Курганском уезде банда в 100 дезертиров. Около станицы Пресно-

горьковской 300 бандитов. Банды разбирают железную дорогу, жгут мосты, рвут провода и освобождают арестованных». Речь идет о действиях отряда штабс – капитана М.Герасимова, действовавшего в этих местах.

Весь апрель ковалевцы вели активные действия на территории Петропавловского уезда. Так, 18 апреля по приказу командующего войсками Петропавловского района Ф.В.Егорова, отряд Ковалева выдвинулся из Кабаньей на Благовещенку и занял Семиполки, имея задачу не дать повстанцам Булатова прорваться на юго - восток и поддержать наступающие на Архангельскую и Рождественку красные части. В ходу была поговорка: «Ковалевых много» – так быстро передвигался конный отряд, неожиданно появляясь в разных местах уезда.

На стороне повстанцев выступили казаки станицы Пресноредутской – комендант урядник Данила Шилов, вахмистр Григорий Еремеевич Грязнов, Прокоп Ларюшин, Михаил Ряписов, Афанасий Лавринов, Сергей Еремин, Иван Ушаков, Николай и Егор Бутаковы, Никандр Батырев, Черепашковы, станицы Починной - Дедовы, Критинины, Пожидаевы, Пригородовы, Метальниковы, Чирковы, Веневцевы, Головины, пресногорьковцы – Ханин, Алехин, Ширяев, сибирцы – Жуков, Баландин.

За советскую власть воевали пресногорьковчане – Д. Воронин, И.Рулимов, П.Тимофеев, казанцы – Е.Дробышев, Е. Чернооков, военком, секретарь волисполкома, богоявленцы – Бобрешовы Алексей и Ефим Михайловичи, милиционер Павлухов, песчанцы - Суслов А.И., Яганцев И.А., Мехнев Д.П., Дедов И.Т., Угренинов И.П., Попов П.Е., Коваленко Спиридон, милиционер.

Разведчиками в отряде Ковалева были Г.П.Лавринов, М.И.Сухов, А.П.Лавринов. Адьютантом и кучером на тачанке Ковалева служил И.П.Пономарев.

Интересен документ, датированный 3 февраля 1921 года, написанный от руки на листе из бухгалтерской книги, его содержание хорошо передает дух того времени. Стоит привести его полностью, сохраняя орфографию.

«Воззвание! Командира всех сводных красных советских боевых отрядов по ликвидации бандитизма тов. Ковалева.

Товарищи три года упорной борьбы рабочих и крестьян с ненавистным ярмом капитала. Показали нам, что у власти должны быть только мозолистые руки, крепко держащие красное знамя за социализм. Ни одна другая власть не будет так заботиться о бедняке как наша рабоче-крестьянская пролетарская власть. Эта же борьба показала, что враги трудящихся побеждены всюду на кровавых фронтах. Нам осталось победить еще лишь только разруху. Мы твердо уверены, что это препятствие мы победим, нанесем окончательное поражение внутреннему врагу. Кулаки, офицерство, духовенство, прикрывшись доброжелателями народа, избрали орудием своих гнусных замыслов темное казачество. Они затуманили заманчивыми обещаниями глаза казачеству и последние места восстали с оружием в руках против трудящихся. Товарищи крестьяне будьте благо-разумны! Не следуйте примерам этих безумцев, которые обрекли на верную гибель сами себя, свою семью и свою станицу. Это пособники, жаждущие возврата старого гнилого прошлого, будут беспощадно уничтожаться властью трудящихся той властью которая стоит рабочим и крестьянам много крови упорной борьбы с вековыми угнетателями капитала и пр..

Подлинную подписал командир отряда по ликвидации бандитизма Ковалев. Нач. оперштаба Аболин. За адъютанта В. Бомезовская. Разослано».

В 80-х годах пенсионер И.И.Матвиенко вспоминал о том, что писал под диктовку быстро ходившего по комнате Ковалева, подобное послание населению уезда. В нем говорилось,

что те, кто выдает коммунистов бандитам, будут беспощадно караться советской властью. Главную линию воззвания Дмитрий Ковалев проводил жестко в течение трех месяцев борьбы с повстанцами. Подобным образом действовали командиры многих отрядов, жестокость порождала ответную реакцию противоборствующей стороны.

Об этом свидетельствует записка от 12 мая 1921 года руководства Курганского уезда командующему войсками Петропавловского уезда и Челябинскому губисполкому Советов: «...из юго-восточного сектора уезда, где оперирует отряд Ковалева по борьбе с бандитизмом, получают сведения, не подлежащие сомнению и проверке, о том, что отряд деморализующе действует на население, остающееся до сего времени верным к советской власти, своими безосновательными действиями по конфискации имущества без оформления этого актами и протоколами (им допущено до 30 конфискаций), бессистемно проводимому террору (так, им расстреляны без суда служители культа и граждане в Боткинской, Байдарской и Саломатовской и других волостях, по заверениям волисполкомов, люди лояльные к Госстрою), по самоснабжению своего отряда на глазах населения. Принимая во внимание, что дальнейшее такое бестактное поведение т. Ковалева с точки зрения политической этики терпимо быть не может, в то же время, ценя его заслуги по борьбе с бандитизмом и зная, что он непосредственно в служебном отношении не подчиняется командованию нашего уезда, настоящим уисполком просит Вас принять соответствующие меры к укрощению пылкого командира и призвать его к порядку в порядке команды, иначе уисполком вынужден будет отказаться от услуг т. Ковалева, как бы ценны они не были». Отряд был расформирован в середине мая.

Внесудебные расправы были обычным делом. Даже спустя многие месяцы после восстания, в декабре 1921 года, районные начальники милиции в Тобольском уезде, вместо отправки арестованных в уезд, расстреливали их на месте. Части Красной армии, подавлявшие мятеж в Петропавловском уезде занимались, по признанию начальника 21-й дивизии Ф.Егорова, массовыми грабежами. В станице Боголюбовской красноармейцы 26-го кавалерийского полка ограбили дома всех местных жителей и разорили церковь в Михайловской. В Новорыбинской конфисковали у казаков 60 подвод.

Реальную опасность для новой власти представляли священнослужители. В.И. Ленин писал тогда: «Чем большее число представителей реакционного духовенства... удастся нам расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать» [ПСС, 5-е изд.].

«Первыми жертвами стали ныне канонизированный епископ Петропавловский Мефодий и несколько священников Вознесенского собора, имена которых пока неизвестны, обвиненные в том, что якобы колокольным звоном встречали восставших при захвате ими Петропавловска. Коммунисты не приняли во внимание того, что восставшие пришли ровно в 4 часа дня, когда, как всегда, заблаговестили к вечерне. Тело архиерея долгое время лежало на пустыре, на пути к вокзалу – для назидания. Некоторые из священников по приговору судов были отправлены в концлагеря».

Были расстреляны священники о. Владимир Панькин (с.Благовещенское), о. Александр Знаменский (с.Бугровое). В Омской тюрьме скончался о. Стефан Андреев, священник Пресновской церкви [Шатилов С.Ф.].

Восстание закончилось поражением крестьянства и казачества и стало называться в официальной историографии «мя-

тежом». Подобная участь постигла восстания в Кронштадте и Тамбовской губернии. Председатель Сибревкома И.Н.Смирнов в телеграмме В.И.Ленину 12 марта 1921 года сообщил, что в одном только Петропавловском уезде убито при подавлении восстания 15 тысяч крестьян, в Ишимском – 7 тысяч. За весь период восстания только в Тюменской губернии и Петропавловском уезде было убито свыше 35 тысяч крестьян. Ряд станций были фактически уничтожены – например, Лобановская, Кокчетавского уезда. В 1979 году внук одного из активных участников восстания Петр Пономарев рассказывал автору, как дед, лобановский казак, утопил в Ишиме оружие и сдался большевикам. Был расстрелян чекистами.

В Пресногорьковке был создан отряд ЧОН, его командиром назначили Церахто Ф.Н. Рота насчитывала 150 человек и взвод кавалерии, состоявший из казахов Анастасьевской волости, которым командовал казак из Камышловки Ларюшин. Взводными были бывший вахмистр Борис Бедрин и Григорий Зубцов (комендант Пресногорьковки). Рота занималась продразверсткой вплоть до начала новой экономической политики.

Об этом рассказывает Федор Церахто: « Оставалось уничтожить остатки самых оголтелых бандитов, скрывавшихся в лесах. Многие сами выходили и сдавались властям. Руководящий состав округа состоял в основном из знакомых ребят. Егор Никитович Чернооков руководил заготовительной организацией, Ваня Губин был уполномоченным ГПУ, Павел Ширяев – народным судьей, Паузин – заместитель секретаря райкома РКП (б). Но были и такие, которые не внушали доверия. Мой подчиненный, командир первого взвода Бедрин, был раньше казачьим офицером из богачей, председатель волисполкома Успенев и секретарь райкома РКП (б) Давыдов – темными, никому не известными личностями.

Вскоре Давыдова убрали, а Бедрина я заменил другим командиром. Вместо Давыдова был избран секретарем Паузин. Это был исключительно честный труженик. В ночное время через окно из винтовки тяжело ранили Зубцова. Преступника найти не удалось. Вскоре после этого случая я шел поздно ночью на квартиру. Вышел на площадь. Вдруг из-за угла улицы выскочили два всадника. Я окликнул их, мне не ответили. Я выхватил браунинг и повторил вопрос, вместо ответа грянул выстрел. Пуля прожужжала мимо. Я упал на землю и сделал два выстрела. Всадники проскочили в другую улицу и скрылись. Пришлось каждую ночь назначать в станице патрули. Ночные дежурства несли комсомольцы 16 – 17 лет из беднейшего казачества, беззаветно преданные революции». В деревянной раме бывшего Пресногорьковского волисполкома в 2015 году обнаружены пули от трехлинейки, стреляли по окнам.

О том, что обстановка была тревожной и через несколько месяцев после подавления Западно – Ишимского восстания свидетельствует оперсводка от 17 августа 1921 года по Челябинской губернии: «Развивается мелкий уголовный бандитизм. В Курганском уезде наблюдается действие мелких банд, в Пресногорьковском районе оперирует банда численностью в 500 человек. Бандитизм усиливается, население сочувствует бандам».

Несмотря на это гражданская война в крае постепенно затихала. Казаки, ушедшие с белыми, продолжали вести борьбу против Советов на Востоке. Остатки Народной повстанческой армии направились на юг, в район Кокчетав. Бойцы «1-й Народной армии» старшего урядника И.И.Дурнева влились в казачью дивизию Токарева, а сам Дурнев был избран командиром 1-го Сибирского казачьего полка, около 400 сабель.

6 апреля дивизия с ходу взяла Каркаралинск. В селе Бутагора полк Дурнева разгромил красный отряд, зарубив около полусотни человек. Были захвачены 400 винтовок, два пулемета. Здесь 1-я казачья Сибирская дивизия и Первая Курганская освободительная дивизия были объединены в Сибирскую народную дивизию под командованием подхорунжего С.Г. Токарева. В Каркаралинске повстанцы порубили около 120 человек – весь каркаралинский актив и сочувствующие, захваченные во время собрания - особо отличилась сотня Григория Грязнова.

Дивизия с боями пробивалась в Китай, ее преследовал отряд Крокса. У реки Ащу-су преследователи были разбиты и потеряли, по словам И.Дурнева на судебном процессе 1925 года в Акмолинске, 360 бойцов. 9 мая, перевалив хребет Тарбагатай, дивизия оказалась в Синьцзяне. На реке Эмиль – хо 1700 бойцов Народной дивизии соединились с 4-ым Оренбургским корпусом генерала А.С.Бакича. Отряды Токарева сражались под красным знаменем, что было непонятно непримиримым оренбургским казакам. В течение всего 1921 года соединения вели активную борьбу против красных на территории Китая и Монголии. Конец их был трагичен. Омский историк В.А.Шулдяков пишет: «Бакич с остатками своего отряда бежит в Монголию - в Улангом. Теперь не только бойцы, но и сам железный генерал ощущает безысходность. Силы исчерпаны. Парализована воля. В ночь с 29 на 30 декабря 1921 года Бакич и с ним 700 белогвардейцев и повстанцев (среди которых был полковник С.Г.Токарев – прим.С.В.) капитулировали перед монголами. Согласно легенде, Бакич вытащил из кобуры и отбросил в сторону револьвер, взял в руки большой деревянный крест и так пошел во главе колонны своих людей – сдаваться». В Урге 3 февраля 1922 года 20 руководителей были переданы Советам. В Новониколаевске двадцатку судил Е.М.Ярославский, старый большевик-ленинец, он и зачитал в мае 1922 года рас-

стрельный приговор. О Токареве в нем говорилось: «...в начале 1921 г., организовав отряд из казаков и крестьян для вооруженной борьбы против Советской России, принимал участие в вооруженном восстании в районе Петропавловска, и, что после подавления восстания с отрядом численностью около 1200 человек скрылся на территории Китая, где вступил в ряды корпуса генерала Бакича, причем отряд его был наименован дивизией, начальником коей он, получив от Бакича чин полковника за боевые заслуги, остался».

Судьбы участников тех далеких событий во многом были схожи. Часть рядовых казаков после долгих мытарств вернулись на линию и были амнистированы, их имена встречаются в посемейных списках станиц за 1930 год. Но в конце 30-х годов почти все, кто уходил с Токаревым в Монголию, были репрессированы. Вахмистр Григорий Еремеевич Грязнов был расстрелян в Омске в 1923 году. Полковник Иван Иванович Дурнев вернулся в родную станицу Кабанью, просил дочь Шуру поскорее выйти замуж и сменить фамилию, попрощался с семьей и намеревался бежать в Польшу, но был арестован, предан суду и расстрелян в Акмолинской тюрьме в 1925 году. Красный партизан Дмитрий Ковалев проводил коллективизацию на Дону, оттуда его привлекли к раскрытию заговора на московском заводе КИМ. Был застрелен шестью выстрелами в упор в московском переулке в 1933 году. Брат Иван, комиссар отряда, с почетом похоронен в Москве. Командир красного эскадрона урядник Борис Бедрин был расстрелян в 1938 году. Его хорошо характеризуют воспоминания свидетельницы: «Мужчины в прошлые те годы погибали по руководству Бори Бедрина, без суда и следствия уничтожал. На кого-то имел злорадство с юных лет, он же был потомственный, из дворянского племени». В 1937-м году был расстрелян и разведчик Игнатий Усачев. Молох революции требовал новых жертв.

Методы, применяемые в период «военного коммунизма» с успехом использовались в период коллективизации. Так, в станице Богоявленке Пресногорьковского района уполномоченный по хлебозаготовкам выводил зажиточных и середняков на улицу и морозил их по несколько часов, предлагая сдать хлеб. В станице Сибирке под угрозой расстрела заставили середняка вывезти последние 26 пудов хлеба. Были посажены в холодный амбар 16 человек, в том числе женщины. Беднячку, жену красноармейца, вызвали в комсод и предложили сдать излишки хлеба. За отказ несколько раз раздетую сажали на снег. Такие действия вызывали протест. 21 июля 1930 года петропавловская газета «Смычка» писала: «В селе Богоявленка Пресногорьковского района 6 июля 1930 года сын кулака Орлова выстрелом из ружья убил общественника – активиста тов. Алехина».

В государственном архиве Костанайской области есть интересный документ Р-125 Оп.5.Д.141, в котором говорится о подрывной деятельности казаков поселка Богоявленский Пресногорьковского района. На них было заведено следственное дело по подозрению в шпионаже и вредительстве в колхозе «Красноармеец». Привожу документ полностью, не комментируя и не рассуждая по поводу фальсификации дела:

Были арестованы председатель колхоза Куркин Петр Ильич и председатель ревкомиссии колхоза Татаринцев Василий Емельянович, оба в прошлом служили в белой армии Колчака и отступали с таковой за границу, откуда прибыли в 1923 году, как эмигранты.

В процессе следствия установлено, что Куркин и Татаринцев, находясь в отступивших белых частях, были завербованы для шпионско-разведывательной работы и с этой целью направлены в СССР. Находясь в поселке Богоявленском Пресногорьковского района Куркин и Татаринцев в 1924 году установили личную связь по шпионской работе и по договоренности

между собой развернули активную антисоветскую вредительскую деятельность. Следствием установлено:

Куркин Петр Ильич в 1919 году вступил добровольно в белую армию, с которой и отступал за границу. Находясь за границей в Китае, Куркин в мае 1922 года был завербован в иностранную разведку казачьим урядником Дедовым, действовавшим от имени генерала Глебова, который дал ему задание заниматься диверсионно-вредительской и шпионской деятельностью, после чего Куркин был отправлен в СССР. Форма связи была обусловленная письменная, с условными знаками. Прибыв в 1923 году в поселок Богоявленский, обвиняемый Куркин установил связь с другим таким же, японским шпионом Татаринцевым, совместно с которым и вел шпионско-вредительскую работу. Будучи бригадиром колхоза «Красноармеец», обвиняемый Куркин вел активную вредительскую работу, выражавшуюся в том, что умышленно ухудшал качество сена и его объем, за что в 1933 году был осужден. В 1938 году, будучи уже председателем колхоза «Красноармеец», умышленно хлеб ссыпал на старые тока, зараженные клещем. Дал установку скирдовать мокрое сено и косить его на бруцеллезном участке, в результате чего сено колхоза испортилось. Наряду с этим Куркин всеми способами разваливал трудовую дисциплину в колхозе, посылая в бригады червивое мясо, не снабжая их питьевой водой. Как следствие этого, колхоз вместо потребных 10000 центнеров скошил 3000 центнеров, которое будучи смешанным мокрым, в большей степени испортилось. В июне 1938 года в целях расширения вредительской деятельности, Куркин завербовал для этой цели кулака Костырина Александра.

Обвиняемый Татаринцев Василий Емельянович в белую армию Колчака был мобилизован в 1919 году и будучи враждебно настроенным к Советской власти, по своей инициативе

перешел в карательный отряд полковника Катанаева, с которым отступал до города Читы.

В 1921 году в апреле месяце Татаринцев прибыл в город Владивосток и поступил служить в часть полковника Глохина, где после непродолжительного времени, названным полковником был завербован в иностранную разведку, от которого получил задание завербовать несколько человек из числа гражданского населения для освещения настроения населения и выявлять большевиков из среды солдат и гражданского населения. Вербовка была оформлена соответствующей подпиской. Татаринцев должен был работать под кличкой «Сорока».

В целях конспирации разведывательной деятельности, Татаринцев «демобилизован» из армии и стал проживать в пограничном селе Покровке, занимаясь там шпионско-провокационной деятельностью.

В 1923 году Татаринцев возвратился на родину в село Богоявленское, где в 1924 году установил связь с другим разведчиком Куркиным, а затем пробравшись в руководящий состав колхоза «Красноармеец» начал активно проводить подрывную вредительскую работу. Вредительская деятельность Татаринцева заключалась в том, что он спаивал колхозников в разгар полевых работ, которые по этой причине не выходили на колхозную работу, прикрывал вредительство, проводимое председателем колхоза Куркиным, способствовал заражению хлеба из урожая в 1938 году и принимал участие в вербовке во вредительскую группу кулака Костырина.

На основании вышеизложенного – обвиняются:

Куркин Петр Ильич – 1900 года рождения, уроженец села Богоявленское, по национальности русский, гражданин СССР, казак-станичник, беспартийный, доброволец белой армии, с которой отступал за границу, в 1933 году был осужден на 5 лет

лишения свободы, перед арестом работал председателем колхоза «Красноармеец» Пресногорьковского района.

В том, что будучи завербован японскими разведывательными органами, по заданию таковых активно проводил шпионско-вредительскую деятельность, направленную на подрыв экономической и оборонной мощи ССР, то есть совершил преступление, предусмотренное статьей 58 пункты 1 и 8 УК РСФСР.

Обвиняемый Куркин П.И. виновным себя в предъявленном обвинении признал, а также изобличается показаниями обвиняемых Костырина, Татаринцева и свидетелями: Алексеевым, Чукреевым, Бобряшевым, Бобряшевым А., Бобряшевым Аф., Фроловым, Фурсовым, Даньшиной и Бобряшевым С. Практическую шпионскую деятельность отрицает.

Татаринцев Василий Емельянович – 1890 года рождения, уроженец села Богоявленского, по национальности русский, гражданин СССР, казак-станичник, служивший в белой армии в карательном отряде полковника Катанаева, беспартийный, перед арестом работал в колхозе «Красноармеец» в качестве председателя ревкомиссии.

В том, что будучи завербован японскими разведывательными органами, по заданию таковых активно проводил шпионско-вредительскую деятельность, направленную на подрыв экономической и оборонной мощи СССР, то есть совершил преступление, предусмотренное статьей 58 пункты 1-а и 7 УК РСФСР.

Обвиняемый Татаринцев виновным себя в предъявленном ему обвинении признал полностью, а также изобличается показаниями и очными ставками с другими обвиняемыми Куркиным и Костыриным. Практическую шпионскую деятельность отрицает.

Настоящее обвинительное заключение составлено в городе Кустанае в ноябре 1938 года.

Начальник Пресногорьковского РО НКВД младший лейтенант госбезопасности Николаев.

Согласен – начальник 3-го отделения УГБ УНКВД лейтенант госбезопасности Халтурин.

Приложение: из документов РГВА (О.А.Винокуров – С.Виниченко)

Казачи, сдавшиеся красным частям в Монголии в 1921 году и проживавшие на линии в 1930 году

Починовка - Дедов Егор 45лет, Дедов Егор 22 года, Крети-нин Иван Васильевич, 1908 г.р, Кретинин Иван Алексеевич, 1910 г.р

Пресноредуть - Черепашкин Павел, 29л, Ларюшин Про-коп, 29л, Ряписов Михаил 35л, Черепашков Михаил, 45л, Че-репашков Степан, 17л, Лавринов Афанас, 29л, Устенеев Иван 25л, Еремин Сергей, 35л, Ушаков Иван, 25л, Бутаков Егор, 49л, Воротев Александр, 33г, Бутаков Николай 27л, Ларионов Захар 43г, Батырев Никандр, 42г

Починовка - Пожидаев Артемий, 41г, Ширяев Федор, 44г, Алехин Павел, 30л, Головин Антон, 36л, Тагозин Яков, 37л, По-жидаев Михаил, 45л, Пожидаев Николай 18л, Приходов Ан-дрей, 40л, Никитин Кирилл, 30л, Матальнин Григорий, 30л, Ханин Николай, 24г, Пожидаев Алексей, 30л, Чирков Влади-мир, 35л, Метальников Петр, 36л, Метальников Парфен, 29л, Веневцев Егор, 35л, Веневцев Михаил, 38л,

Метальников Филипп Тимофеевич, 1880 г.р, пос.Почин-ный, пресногорьковцы - Головин Антон Миронович, 1884 г.р, Головин Григорий Миронович, 1893 г.р, Метельников Григо-рий Васильевич, 1880 г.р, Ханин Николай Иванович, 1897 г.р, Никулин Кирилл Сергеевич, 1888 г.р, Олехин Павел Андре-

евич. 1893 г.р, священник Андреев Степан, 50 лет, хорунжий Грязнов Григорий Еремеевич, 1888 г.р.

В списке 4-го повстанческого Сибирского казачьего полка есаула Погребных значатся казаки Пресногорьковской станицы:

Пономарев Никита, Черепанов Иван, фельдшер Петров Алексей, Степанов Павел(дожил до 70-х годов – прим. автора), Степанов Александр, Седельников Павел, Черепанов Кирилл, Тимофеев Яков, Коломин Владимир, Столяров Семен, Ермолаев Филипп, Головин Яков, Кузнецов Иван, Попов Александр, Петров Андрей.

По спискам поселков Пресногорьковской станицы за 1930 год вернулись из плена:

Ст.Камышловская: Пономарев Никита Григорьевич,6, середняк.

ст.Пресногорьковская : Черепанов Иван Георгиевич,9 середняк.

ст.Песчаная: Петров Андрей Ларионович 5, бедняк.

ст.Пресноредутская: Тимофеев Яков Николаевич, 5 середняк, выехал всей семьей на заработки в 1930 году

Черепашков Степан Михайлович 5 ижд. бедняк(других Черепашковых по 4 станицам нет)

Ларишин Прокоп (скорее – Ларюшин) - в списках нет.

Лавринов Афанасий Никифорович,6 ижд. Бедняк.

Еремин Сергей Петрович, 9 ижд. Средняк.

Ушаков Иван Семенович,7 ижд.средняк.

Бутаков Николай Егорович,9 ижд. Кулак. (Бутакова Егора в списках нет)

Ларионова, Воротева, Устенеева - в списках нет.

Ст. Починная:

Дедов Георгий Егорович, 6 иждивенцев, середняк.

Кретинин Иван Васильевич, 5 иждивенцев, середняк.

Кретинин Иван Алексеевич, 4 иждивенца.

Пожидаев Артемий Григорьевич 5 ижд, середняк.

Николаев Пожидаевых четверо – Николай Прокопьевич,
7 середняк, Николай. Михайлович, 5 середняк,еще один Ни-
колай Михайлович, 5 середняк, Николай Иванович
3,середняк.

Пожидаев Михаил Федорович, середняк.

Пожидаев Алексей Алексеевич, середняк.

Ширяев Федор Савич.7 середняк.

Алехин Павел Андреевич 7 середняк.

Головин Антон – нет в списках по 4 станицам.

Головин Григорий Миронович,8 середняк.

Ханин Николай Иванович,середняк.

Чирков Владимир Семенович, 9 середняк.

Веневцев Михаил Григорьевич.7 середняк.

Веневцев Егор – Георгий Веневцев, георгиевский кавалер.

Пригородов Андрей Изотович(в списке Приходов),
7 середняк.

Метальников(в списке Матальников) Парфен Иванович,
6 середняк.

Метальников Петр Иванович 7. Середняк.

Метальников Григорий Кузьмич.3 середняк.

Виниченко Сергей

Небесная конница

Памяти Р.М.Самарина

Казак в холодной речке искупался,

И помолился на далекий дом,

На дно затона тихо опускался,

Казачьей шашкой споротый погон...

Ждала его далекая чужбина,
Иной язык и желтолицый брат,
И в тесных переулочках Харбина
Так остро не почувствуешь закат...

И станут казаку ночами сниться
Родных станиц степные ковыли,
И сердце будет яростно стремиться
Куда снега дороги замели...

И в снах своих в ушедшей коннице,
Друзей он будет узнавать,
Устанет колокол на звоннице
На небо сотни отправлять...

А он, измученный бессонницей,
Не успевал навек проститься,
С той в небесах летящей конницей,
Которая не возвратится...

Глава IV. Поисковые материалы

Леонтий Садовой против генерала Пепеляева

На моем письменном столе лежит потрепанная временем книжка В.Кожевина «Легендарный партизан Сибири». На ее обложке едва читаемый текст: «Бравому пулеметчику 230-го стрелкового полка 26-й стрелковой Златоустовской дивизии, Пятой армии, участнику ледовой обороны Сасыл-Сысы Леонтию Григорьевичу Садовому от автора.1971 год». Книга эта адресована уроженцу села Макарьевка Пресногорьковского

района, принимавшего активное участие в обороне Якутска от отряда белогвардейского генерала А.Н.Пепеляева зимой 1923 года.

Как же оказался в далекой северной тайге наш земляк? В какой такой ледовой обороне он отличился? И за что известный сибирский историк подписал ему свою книгу? Ответы на эти вопросы оказались у дочери красноармейца - жительницы п.Троебратное Полины Леонтьевны Садовой, долгие годы проработавшей учителем в местной школе.

Леонтий родился в 1901 году в многодетной семье крестьянина Григория Андреевича Садового, погибшего на германском фронте в 1915 году под городом Дубно.

В период колчаковщины по уездам Северного Казахстана рыскали карательные отряды, насильно проводившие мобилизацию молодежи в белую армию. Молодых ребят из Макарьевки, Пресногорьковки, Казанки и других многочисленных переселенческих поселков Петропавловского уезда пригнали в Омск и начали наскоро обучать военному делу. Во время Великого Сибирского похода Леонтий заболел тифом и оказался в больнице Красноярска. После освобождения города красными войсками он вступил в ряды РККА, служил инструктором по пулеметному делу. В Златоустовской дивизии Садовой с июля 1922 года, тогда же 230 - й полк перебрасывают в Якутию для борьбы с белыми.

Леонтий служит под руководством легендарных командиров Нестора Каландаришвили и Ивана Строда - полного георгиевского кавалера, «якутского Чапая». В учебниках истории гражданская война заканчивается осенью 1920 года, однако, такая периодизация неверна для Дальнего Востока. Здесь, в якутской тайге и Приморье, оставалось много непримиримых борцов за белую идею. Генерал-лейтенант А.Н.Пепеляев, брат расстрелянного вместе с адмиралом Колчаком премьер-мини-

стра В.Н.Пепеляева, сформировал отряд для похода в Якутию и 8 сентября 1922 года высадился на берегу Охотского моря в порту Аян. Белые захватили восточные улусы Якутской республики и населенный пункт Амгу. 17 февраля Пепеляев намеревался начать решающее наступление на Якутск, но разведка доложила о красном заслоне из трех сотен человек. Бойцы отряда Ивана Строда, после пятидневного тяжелейшего перехода, остановились в усадьбе якута А.Н.Караманова в местности Сасыл Сысы (Лисья поляна).

Четырехугольный двор укрепили плитами замерзшего навоза в пять рядов, засыпали снегом и залили водой. В ледяной крепости устроили пулеметные гнезда и амбразуры. Вовнутрь укреплений завезли трупы лошадей и быков, натащали дрова, лед и сено. С вечера 16 февраля пепеляевцы начали перестрелку, продолжавшуюся всю ночь. На следующее утро белые развернули отчаянную многочасовую атаку на позиции красных. Герои «ледовой крепости» стойко держали позиции. Так началась героическая 18-ти дневная оборона, известная в истории гражданской войны как «ледяная осада». Полина Яковлевна вспоминает с каким ужасом рассказывал о ней отец. Стояли 50-ти градусные морозы с сильным ветром, продуктов не было, питались строганиной с замерзших лошадиных останков. Гарнизон беспрерывно выматывали атаки превосходящих сил противника. Пепеляевцы добирались до обледенелых валов, ставших выше из-за сложенных на них убитых, и вступали в рукопашную схватку с обессиленными от голода и мороза бойцами сводного отряда Строда и военкома М.Г.Кропачева. Строд вспоминал: «Всю ночь исправляли красноармейцы разрушенные окопы. Подтаскивали замерзшие, обледенелые трупы, примеряли, переворачивали, укладывали рядами, заменяли один труп другим. — Этот длинный — не подходит. Тащи покороче. Вот бери того — ка-

жется. Федоров... Небольшие дыры в стенах окопов затыкали конскими головами. К утру новые окопы были готовы. Напрасно белые открывали сильный пулеметный огонь. Мертвые тела были тверды, как камень. Их можно разбить только из орудий».

Лишь 4 марта отряд Курашова освободил героев Лисьей поляны. В Амге торжественно похоронили тела 94-х убитых бойцов, там же положили в госпиталь 96 раненных и обмороженных красноармейцев. Раненого в голову пулеметчика Леонтия Садового выносили в селе Петропавловск якуты Галибаровы.

По - разному сложились судьбы участников последнего боя гражданской войны. В 1937 году был расстрелян трижды награжденный орденом Красного Знамени Иван Яковлевич Строд. Его сын Новомир после детского дома закончил Московский медицинский институт, работал в Якутии и долгое время переписывался с Леонтием Григорьевичем. Генерал А.Н.Пепеляев пережил Строда. Отсидев 13 лет в лагере, он сгинул в водовороте репрессий конца 40 – х годов.

Лишь в 1971 году Леонтию Садовому удалось встретиться в Омске с военкомом отряда М.Г.Кропачевым, написавшим о нем: «Тов. Садовой Л.Г. был ранен в шею навывлет. С незаживающей раной за всю трехнедельную ледяную оборону он был в строю пулеметчиков при их недостатке и убыли. При долгом отсутствии крошки хлеба, тов. Садовой Л.Г. являл собою пример мужественного, дисциплинированного бойца – советского солдата красноармейца, похвального к своим обязанностям классного пулеметчика по всем тогдашним нашим пулеметам».

Самой памятной для ветерана была поездка в Якутию в 1979 году в сопровождении дочери Полины. Леонтия Григорьевича встретили как родного, оставшиеся в живых, ветера-

ны «ледовой осады». Он вновь побывал в местах, где воевал в далекую гражданскую, в доме, где когда-то лежал раненым. С огромным уважением жители Якутии говорили на встречах о молодом пулеметчике из Северного Казахстана, защитившего Якутск от колчаковцев. Леонтий Григорьевич рассказывал о своем жизненном пути, о другой страшной войне, в которой он участвовал уже немолодым человеком. Он уехал домой окрыленный памятью и заботой, а дочь тихо радовалась его доброму расположению духа. Через год старого пулеметчика не стало. Через всю свою жизнь он пронес в сердце дни и ночи, проведенные в местечке со странным названием - «Сасыл Сасы», и синеву наколки на руке – системы пулеметного огня Максим, Кольт и Льюис...

Пограничные рубежи Николая Киженцева

Летом 2016 года школьный музей в Пресногорьковке посетили москвичка Галина Николаевна Сулименко с дочерью Ольгой. Дочь и внучка генерал-лейтенанта Николая Андриановича Киженцева впервые побывали в местах, где прошла его молодость. Встрече гостей с автором предшествовала длительная переписка и посылка с формой генерала, многочисленными документами, фотографиями, наградами. Особенно замечательны для краеведа были: копия, снятая с картины, написанной известным по фильму «Мертвый сезон» разведчиком Рудольфом Абелем с подписью: «Уважаемому Николаю Андриановичу на память», кубинские фотографии с Фиделем и Раулем Кастро, фото с Л.И.Брежневым.

Небольшой биографический очерк повествует об одном из замечательных выпускников Пресногорьковской средней школы, начальнике Главного Разведывательного Управления погранвойск СССР, Николае Андриановиче Киженцеве.

Предки будущего генерала найдены в ревизских сказках за 1782 год, где по редуту Пресногорьковскому значится отставной драгун Вологодского полка Яков Алексеев сын Киженцев с многочисленным семейством. Коля появился на свет в декабре 1914 года в престольный праздник Святителя Николая в семье небогатого казака станицы Камышловской. Отец постоянно воевал и рано ушел из жизни. Николай вместе со старшими братьями с детства познал тяжесть крестьянского труда. Закончив в Камышловке начальную школу, он уехал учиться в Пресногорьковку, где снимал жилье с несколькими товарищами. Жили голодно, учили уроки при лучине на полатах землянки, но хорошая подготовка позволила Николаю преподавать в родной школе. Прямо туда 23 октября 1936 года принесли повестку и он отправился служить срочную службу в пограничные войска в Забайкалье. Кавалерийская подготовка позволила красноармейцу Киженцеву хорошо проявить себя при охране государственной границы, имевшей в этих местах сложный рельеф. После годичной службы паренек из Казахстана поехал в Москву на офицерские курсы. Жизненный путь был определен. Последующие три года Николай служил начальником погранзаставы на границе с Манчжурией у с. Мангут. В 1939 году в этом районе усилилась деятельность японских разведорганов. Они совершали массовую выброску диверсантов из белоэмигрантов, китайцев и корейцев. Лишь за январь – сентябрь были задержаны 106 нарушителей границы. После окончания Высшей пограничной школы в Москве Николай Андрианович служит начальником погранотряда в Нерчинске, занимает должность начальника погранвойск Забайкальского округа. Долгое время ожидалось нападение японских войск, союзников Германии, и граница переживала тревожные времена. Более 40 дивизий вынужден был держать на восточных рубежах Советский Союз, опасаясь войны на два фронта.

В 1945 году Н.А.Киженцева переводят в Кишинев, где он возглавляет отдел по борьбе с бандформированиями ОУН-УПА, действовавшими на территории Украины. Необходимо было продолжать учебу и опытного офицера с навыками оперативной работы отправляют учиться в Высший институт МВД СССР, который он заканчивает с золотой медалью в 1953 году. В последующие годы полковник Киженцев служит начальником штаба управления погранвойск КГБ Туркменского пограничного округа, начальником войск Западного округа в Минске. Выпускник Алма-Атинского Высшего училища КГБ им. Дзержинского 1959 года полковник В.С.Казанин вспоминал эпизод из выпускных экзаменов, когда курсанты сдавали кросс и тащили отстающих. Ряд наблюдателей указали на это руководителям училища, но все решил председатель комиссии полковник Киженцев, который сказал: «Кросс – это, товарищи офицеры, не самоцель. Помощь товарищу в боевой обстановке – это и есть войсковая дружба...».

С 1963 по 1969 год генерал-майор Киженцев служит начальником Главного Разведывательного Управления погранвойск СССР в Москве. За эти годы он побывал в командировках в Европе, Монголии, на Кубе, где встречался с лидерами кубинской революции Фиделем и Раулем Кастро.

В январе-феврале 1968 года китайцы начали полномасштабные провокации на границе. Герой Советского Союза генерал-майор В.Бубенин пишет о провокациях у Киркинского острова: «Толпы китайцев пытались захватить остров, с небывалой яростью набрасывались на пограничников. Картина жуткая. Мы просто дрались, оружие применять было нельзя...». В это же время на остров приехала комиссия по поводу статьи в журнале «Пограничник», в которой говорилось, что на заставе не проводят политинформацию. «К счастью, – пишет Бубенин, – на заставу прибыл генерал-майор Н.А.Киженцев.

Разобравшись во всем, оценив ситуацию в целом, он выпроводил комиссию с заставы, дав на это два часа». В марте 1969 года Н.А.Киженцев участвовал в трагических событиях на острове Даманском, где погибли 58 пограничников.

До 1973 года Николай Андрианович командует Среднеазиатским пограничным округом. В эти годы он является членом ЦК Компартии Туркменистана, депутатом Верховного Совета СССР, почетным сотрудником госбезопасности. С этой должности он уходит в отставку, уезжает в Москву, где до 1988 года трудится помощником министра газовой промышленности Советского Союза.

Николай Андрианович был награжден многими правительственными наградами, из которых самыми ценными считал ордена Красной Звезды и солдатскую медаль «За боевые заслуги». Скончался старый генерал в 2009 году, был с воинскими почестями похоронен на Троекуровском кладбище в Москве. Дочь генерала Галина Николаевна Сулименко и внучка Ольга побывали в Пресногорьковской школе, посетили школьный музей, куда передали личные вещи – одежду, фуражку, папаху, книги и ряд документов, свидетелей героического жизненного пути выпускника школы Николая Киженцева, вся жизнь которого была без остатка отдана служению Отечеству и может быть ярким примером для воспитания молодого поколения.

Перегон (о катастрофе ИЛ-4 в августе 1943 года)

1 июня 1987 года из урочища Татарского на запад по старинному казачьему тракту отправился большой отряд школьников Ленинского (ныне Узункольского) района, проходящих военно-полевые сборы в пионерском лагере «Чайка» у села Пресногорьковка. Марш был задуман штабом сборов (заведующий РОНО Бурхацкий В.Н., начштаба Москаленко В.Н., замполит Виниченко С.Н.) как поход к месту катастрофы боевого самолета, произошедшей в далеком 1943 году. Расстояние до цели составляло более 20 километров по лесостепи в сильную жару с полной боевой выкладкой – макеты автомата, противогаз, гранаты, форма и кирзовые сапоги. Даже для бывалых военруков такой марш-бросок был тяжелым испытанием. Часть школьников остались в лагере нести караульную службу. В основном это были ученики школы райцентра. Несколько дней назад они пришли пешим маршем из Ленинского, вел их пограничник Василий Николаевич Москаленко. Многие сильно растерли ноги и не были способны на длительный марш. Две сотни учащихся показали себя мужественными и стойкими в этом походе – никто не жаловался на трудности, двигались организованно, часто сверяя путь с картой и компасом, помогал и бинокль. Солнце было высоко в зените, когда передовой отряд под командованием Виктора Александровича Дербилова вышел к цели – к месту падения самолета. Яма, окруженная мощными березами, ржавая рама самолета, куски плавленого дюралюминия – вот и все что осталось от военной трагедии жаркого лета 1943 года. Уставшие школьники с интересом слушали рассказ очевидца Александра Алексеевича Бобрешова (1925 – 1995 гг.). С его слов получалось, что самолет попал в грозу и упал от удара молнии. Поиски самолета организовали

не сразу – на третий год войны в селе остались одни женщины, работавшие на сенокосе. Лишь через несколько дней нашли висевшего на березе летчика – тело качалось на стропях парашюта, голову оторвало при ударе о дерево. Почти сразу обнаружили и место падения самолета. Божоявленцы собрали останки трех сгоревших летчиков и похоронили в селе. Двигатель самолета использовали как электростанцию, из парашютного шелка сшили рубашки местной ребятне, а из дюралья клепали лодки рыбаки окрестных деревень. Школьников, слушавших рассказ ветерана, несказанно удивило, что в 1975 году здесь побывала сестра командира самолета и в высокой траве нашла наградные часы своего брата с гравировкой. Прослушав интересный рассказ и подкрепившись на опушке леса, школьники отправились в обратный путь. Лишь после захода солнца, преодолев расстояние более 40 километров, они вернулись в лагерь. Это поход имел большое воспитательное значение, многие из его постаревших участников до сих пор вспоминают его как значимое событие в своей жизни.

Что же на самом деле произошло на рассвете 3 августа 1943 года в глухой лесной чаще Пресногорьковского района? Перегоном боевых самолетов на фронт с заводов Сибири занимались летчики 73-й авиадивизии. Самолет Ил-4 принадлежал к классу бомбардировщиков дальней авиации, имел два мощных двигателя, мог лететь на расстояние до 4 тысяч километров. Трасса Омск – Троицк была давно освоена летным составом 104-го авиаполка. Экипажем командовал опытный летчик, командир эскадрильи старший лейтенант Харитон Лукич Халаев (32 года, уроженец Гомельской области). Штурманом в экипаже служил старший лейтенант Николай Николаевич Малышев (1917 г.р. уроженец села Чириково, Кузоватовского района, Куйбышевской области). Служил в армии с 1935 года. В начале войны 17 сентября 1941 года совершил

подвиг в небе Украины, был представлен к награждению орденом Красной Звезды. Подвиг описан в наградных документах: «...получил задание от начштаба ВВС Юго-Западного фронта генерал - майора Шкурина на разведку войск противника в районе Лохвица. Тов. Малышев, как всегда горя желанием выполнить задание, вылетел на самолете У-2 , достав необходимые сведения о противнике при помощи визуального наблюдения, был встречен сильным зенитным огнем противника и ранен трижды в грудь. Малышев, обладая большой силой воли, сумел доставить сведения. В настоящее время находится на излечении в госпитале г.Свердловска». Борттехник Николай Фаддеевич Шитик(1910 г.р. станция Бахмач) воевал на Юго-Западном фронте, был награжден медалью «За боевые заслуги», имел большое количество летных часов. Самым молодым из команды был стрелок - радист старшина Виталий Тимофеевич Бритарев (1923 г.р.). Жена командира Александра Павловна Халаева была эвакуирована из Белоруссии и проживала в г. Жанасемей Семипалатинской области, супруга борттехника Мария Филипповна Приходько выехала из Украины в казахстанский Усть – Каменогорск. Галина Владимировна Малышева работала на ст. Кузоватово в РОНО. Мать Виталия, Анна Георгиевна Бритарева, проживала в ст. Янаул, Башкирия). Родные летчиков получили похоронки с кратким одинаковым описанием обстоятельств их гибели: «При перелете с аэродрома Омск на аэродром Троицк самолет врезался в тумане на низкой высоте 5-10 метров в лес под углом 60-70 градусов, разбился и сгорел. Экипаж погиб, похоронен в д. Богоявленка». Комиссия, занимавшаяся расследованием, пришла к выводу, что произошел отказ двигателя и нужно было садиться, но мешал плотный туман, покрывший землю после грозы. Радист Виталий Бритарев должен был после десантирования по радиации попробовать посадить самолет с земли, но неудачно призем-

лился на лес. Самолет срезал верхушки деревьев и рухнул в чащу. Мне думается, что дав радисту команду прыгать, комэск Харитон Лукич Халаев попытался тем самым спасти самого молодого из экипажа, но этого не случилось. Пресногорьковчанин Юрий Федорович Ермолаев (1926 г.р.), тогда еще подросток, вспоминает: «Лето было очень жарким и грозовым. Над Пресногорьковкой днем и ночью большими группами на запад летели самолеты. Однажды на окраине села приземлились два военных самолета, прилетевшие сели в машины и уехали. Вернулись вечером, что-то загрузили в крылатые машины и улетели. Ходили слухи о падении самолета, и что военные увезли вооружение и останки летчиков. Говорили также, что упавший самолет нашли песчановские женщины, собиравшие грибы. Чекисты выехали на место падения, все осмотрели. Обломки самолета еще долго валялись в лесу, потом и они исчезли. После войны приезжали родственники летчиков, ездили на место катастрофы».

Сегодня место падения найти почти невозможно – раму сдали на железо, лес неоднократно пилили на дрова, видны остатки большого пожара, молодой осинник затянул все следы. Местные школьники еще находят иногда в густой траве куски оплавленной обшивки, чтобы сдать в цветмет. Обелиск с места захоронения перенесли в 70-е годы в центр села, которое вот-вот перестанет существовать, а прах остался на старом месте и никак не обозначен.

Имена на граните

Я впервые прикоснулся к военной истории моей семьи в раннем возрасте. Эта встреча, подобно шраму от глубокого ожога, навсегда осталась в моем сердце. К памятнику погибшему солдату в селе Макарьевка Северо-Казахстанской обла-

сти меня привел дед, Дмитрий Руфович Виниченко. Я был еще совсем мал и не умел читать и дед поднес меня на руках прямо к мокрой от дождя гранитной плите со столбцами фамилий и указал на три из них. Два его брата и племянник значились в этом горестном списке. Дед был замкнут, молчалив, постоянно курил папиросы «Север». Изредка покашливал. Помню его похороны в солнечном марте - резкий контраст между глубиной весеннего неба и мрачной строгостью старого погоста. Причина молчаливости деда открылась мне много позже, после многолетних поисков.

Дед был призван в действующую армию в конце 1941 года. В апреле 1942 года районная газета «Большевицкое знамя» опубликовала заметку красноармейца Дмитрия Виниченко под названием «Будьте гвардейцами труда». Он писал землякам с фронта: «Недалек тот день, когда будет уничтожен последний гитлеровец и мы снова вернемся к мирному строительству». Дед даже не представлял себе тогда, как мучительно долго будет длиться для него война. Он служил в 9-й армии, оказавшейся к маю 1942 года на южном фланге Барвенковского котла. Несмотря на все усилия наших войск, вырваться из западни удалось не более десятой части окружённых. На одном из поисковых сайтов я наткнулся на воспоминания деда о его земляке, призванным в мае 1942 года Пресногорьковским РВК Николае Григорьевиче Бутенко: « В 1942 году под Харьковом орудийный расчет, наводчиком которого был Бутенко, уничтожен прямым попаданием в него снаряда. Дмитрий рассказал, что удалось найти только руку с часами наводчика. Похоронить погибших не смогли, так как оставшиеся в живых, в том числе и Виниченко Дмитрий, были взяты в плен. После освобождения из плена и последующего осуждения уже на родине и отсидки на Колыме Дмитрий и рассказал родственникам Николаю о тех событиях». К концу мая практически за-

кончились боеприпасы. Однажды над нейтральной полосой красноезвездные самолеты раскидали какие-то ящики, некоторые из них удалось отбить у фашистов. Удивлению не было предела – измученные бойцы, вскрыв ящики, обнаружили... валенки. Пошел слух об измене командования. Однажды, оказавшись в развороченном бомбой блиндаже, деду удалось уснуть на пару часов. Очнувшись в непривычной тишине, он услышал музыку. Напротив блиндажа стоял танк с крестами. Сидящий на его башне немец играл на губной гармошке. Из окопов поднимались бойцы, не имея возможности оказать сопротивление, израненные, с бесполезным без боеприпасов оружием. Так начался плен. Дед оказался в страшной Уманьской яме. Из воспоминаний пленного: «Вот и Умань. Нас загнали в глубокую яму, из которой кирпичный завод брал глину. Яма была метров семь глубиной, метров триста шириной и около одного километра в длину. Нас не кормили, воды не давали. Все лужи повыпивали. Начали есть глину, потом эта глина в желудке сбивалась в комок и человек умирал в тяжелых муках. Фашисты каждое утро выбрасывали на край ямы мертвых пленных и тренировались в стрельбе из автоматов и пистолетов до тех пор, пока им не надоело. Через несколько дней начали организовывать питание. На возвышении поставили несколько трофейных кухонь. Только кухни задымались, голодные люди начали бросаться на них. А немцы открыли огонь из пулеметов. С первых же дней немцы брали на машины по несколько групп для «очистки города». Но потом оказалось, что эти машины были душегубками, в которых задыхались от выхлопных газов. Однажды прошел холодный дождь. Все начали вырывать в стенах небольшие ямки, чтобы согреться. Но потом все это обвалилось и кто не успел выбраться из своего укрытия, того ждала страшная смерть».

Деда повезли в Польшу. Пленные в вагонах-теплушках

стояли, плотно прижавшись друг к другу, во время следования не выпускали из вагонов, некоторые так умерли и стояли, пока поезд не пришел в Польшу. Отсюда бежать было уже невозможно. Этап пригнали в чистое поле, огороженное колючей проволокой. Дед вспоминал, как разгребали грязь руками и ложились спать прямо на землю. Утром примерзали к земле, многие не вставали, их трупы выносили в ров за лагерем. Начались мытарства по лагерям Польши и Германии. Однажды заключенным выдали новую полосатую робу и береты, посыпали песком дорожки в лагере - стало ясно, что ожидают прибытия какого-то высокопоставленного лица. Так и случилось: пленных построили на плацу, появилась группа военных, среди которых выделялась своим ростом фигура офицера в очках. Он заговорил на чистом русском языке. Это был печально известный своим предательством бывший генерал Власов. Он призывал красноармейцев на службу в РОА («русская освободительная армия»), обещал всем, кто выйдет из строя на утренней поверке тут же накормить колбасой и напоить шнапсом. Этой ночью несколько человек в бараках были удушены. На поверке к Власову вышло совсем мало людей. В воспоминаниях дед упоминал Рудольфа Гесса. Не могу припомнить в связи с какими обстоятельствами, но знаю, что последний занимал должность начальника концлагеря Освенцим. Дед как-то рассказал о пытке, которой подвергался за неповиновение несколько раз. Его, совершенно раздетого, запирали в небольшой железный ящик, в котором можно было только стоять на одной ноге. Туда запускали крысу. Поймать ее было невозможно и пытка эта продолжалась, пока пленный не терял сознание. Одно время дед работал в крематории – грузил в вагонетки тела умерших. В 1945 году немцы стали обращаться с пленными мягче – чувствовали скорый конец рейха.

В апреле 1945 года по личному приказу Гиммлера около 5000 советских пленных привезли в концентрационный лагерь Дахау. Они должны были быть уничтожены. Последний месяц войны эсэсовцы не кормили заключенных. Смертность в лагере была ужасающей – были случаи людоедства. Дед вспоминал, что однажды в бараке не услышали лая немецких овчарок, стали выползать и увидели неизвестные танки, ломающие заграждения и вышки. Это были американские солдаты. Заключенные, способные ходить, стали искать в толпе надзирателей, которые выделялись своим упитанным видом, но переоделись в лагерную робу, чтобы спастись. Поймав такого, рвали его как могли. Американцы вначале возмутились таким самосудом, но, увидев крематорий, принялись сами расстреливать задержанных.

Деду пришлось пройти через американские фильтрационные лагеря, в которых ему предлагали остаться на Западе, но он мечтал вернуться на родину, увидеть жену и детей. Дед добрался до родного дома глубокой осенью 1945 года. Николай Дмитриевич Виниченко, мой отец, вспоминал: «Мне было 12 лет, когда наступил день Победы. Помню, очень горько плакал от сознания того, что отец больше никогда не вернется домой. Пропал без вести он еще в 1942 году, а мы считались семьей пропавшего без вести, что было равносильно добровольной сдаче в плен. Бывало, запряжет мама корову, едем с ней ночью в лес, спилим ручной пилой березу и нет сил ее погрузить на сани. Сидим на снегу, плачем. Сроки лагерные тогда за распил давали большие. И вот осенью один демобилизованный солдатик говорит при встрече маме: «Видел, мол, вашего мужа, тетка Настя, на станции Лебяжье, домой идет». Запряг я единственную колхозную лошадь и помчался ночью на станцию. В лесу меня кто-то окликнул, я напугался и не поехал на окрик. Потом оказалось – отец это был». Пришел дед домой, постаревший, худой, в американских ботинках и шинели. Не успел

осмотреться - вызвали в Пресногорьковское НКВД, арестовали и в лагерь. Оказался на Колыме, несколько лет провел там, откуда не возвращаются. Все же вернулся и до смерти вождя народов только выходил в огород картошку копать, более нигде не показывался.

В середине 50-х годов деда вновь вызвали в Пресногорьковку, почему-то в военкомат. Бабушка собрала дорожный мешок, поехали на телеге в райцентр, всю дорогу проплакала. Дмитрий Руфович Виниченко вышел из военкомата без конвоя и молча протянул Анастасии Егоровне орден Отечественной войны I степени за героизм, проявленный под Харьковом. Несмотря на пережитое дед был очень ласков с внучатами – от него исходила теплая волна добра и света.

Шестерых детей вырастили Дмитрий и Анастасия. Двое из них, Николай и Галина, стали педагогами. Галина начала педагогическую деятельность в небольшом поселке Коскуль нынешнего Узункольского района – работала в начальных классах. В Татарстан ее увез муж, встретивший свою судьбу на целине, будучи рядовым автобата, прибывшего на уборку урожая. Фарид остался в целинном совхозе «Северный» Северо-Казахстанской области на два десятка лет, а в середине 80-х потянуло в родные края. Так и стала Галина заслуженным учителем Татарстана после многолетнего учительского труда.

Николай после службы в Военно-Воздушных силах на острове Сахалин, работал в Пресногорьковском районе шофером, в 1961 году пошел в школу учителем трудового обучения. Чего только не изобретала пресногорьковская молодежь в последующее десятилетие! В мастерских у церкви сверлили, строгали, паяли, ковали – здесь царил дух взаимопонимания и поддержки. Подростки с великой радостью носились по улицам старинного села на сделанном своими руками миниавтомобиле с двигателем от мопеда. Тогда же были изготовлены

ряд макетов для музея, схемы которых любовно вырезали из журнала «Юный техник». Макет крейсера «Аврора» был точной копией знаменитого корабля со всеми положенными деталями – якорями, спасательными шлюпками и кругами, в 2020 году макету исполнится полста лет. Многие годы спустя бывшие ученики Николая Дмитриевича часто говорили о профессиональных навыках, полученных на уроках труда, которые остались с ними на всю жизнь, а для некоторых стали определяющими в выборе жизненного пути. Не обходилось и без конфликтов. На запуск небольшой ракеты – в стране начался расцвет космической эры – собрался стар и млад. К удивлению маловеров, ракета все-же взмыла высоко в небо, поднялась выше церковной колокольни, но земное притяжение опрокинуло ее вниз. Горящая ракета рухнула у соседнего сеновала, раскидав сноп искр, сильно напугав хозяина усадьбы. Пришлось прекратить космические испытания к неудовольствию школьников. Отец всегда считал, что человека можно научить чему-то лишь посредством практики. Поэтому мы с братом сами делали поломанные велосипеды, чинили электроприборы, принимали участие в непрекращающемся строительстве на хоздворе, грузили сено, кололи дрова. Благодаря труду мы росли крепкими и выносливыми, способными выполнить тяжелую физическую работу. Дети войны, отец и мать, умели по-настоящему ценить приобретенные на небольшую зарплату вещи, приучали и нас к экономии и бережному отношению к ним. Отличительными чертами отца были справедливость и обязательность в отношениях с людьми. В 1971 году его избрали председателем сельского совета. На этой выборной должности он проработал четверть века – в большом многонациональном округе его уважали и ценили простые сельские труженики. Опыт работы отец, имея за плечами лишь вечернюю среднюю школу, ездил делиться в Высшую партийную

школу в Алма-Ату, где делился опытом работы с ее слушателями. От деда и отца достались их потомкам неизбывная любовь к родной земле – белеющим на горизонте березовым колкам, холодной синеве безбрежных озер, бескрайней шири степей северного Казахстана. С раннего детства, наслушавшись рассказов старожил, стайка подростков бросалась в путь в поисках приключений. Пресногорьковский край был исследован и нанесен на схемы и карты с достоверной точностью. До распространения мобильной связи оставалось несколько десятков лет и мы вдоволь пользовались своей свободой – велосипеды не выдерживали нагрузок, у них лопались рамы, рассыпались подшипники, но это лишь добавляло азарта у юных поисковиков. Никогда не забыть ночевок у тихого лесного озера и долгих рассказов у костра из недавно прочитанных книг про Амундсена и Нансена, Пржевальского и Джеймса Кука. После прочтения «Двух капитанов» виделся нам на далеком горизонте силуэт шхуны «Святая Анна», вмержшей в лед у северных невиданных островов имени какого-то Франца - Иосифа. Неисправимые романтики, ставящие душу выше материальных благ – такими мы остались и теперь, поседевшие, полысевшие, изрядно потрепанные, но все также неистово любящие жизнь.

Я выбрал профессию учителя не сразу – не мог представить себя в классе на месте педагога, считал, что вряд ли способен научить чему-то других. Но пример отца оказался заразительным - и вот я в школе. За годы работы удалось сделать многое – поисковая работа помогла создать уникальный музей с большим количеством документов, фотографий и экспонатов, написано несколько книг по истории прекрасного уголка Северного Казахстана. Но главное состоит в том, что краеведение по настоящему помогло зажечь у многих школьников интерес к истории семьи, малой родины, большого государства. Это означает, что их потомки в свою очередь получают частицу

этого интереса - так возникнет семейная преемственность. И все новые и новые искатели будут с волнением перелистывать старые документы в надежде найти какие-то сведения о предках, чтобы передать их будущим поколениям в качестве примера для подражания. Мои выпускники разных лет, проживающие в разных государствах, уйдя из школы, сохранили на всю жизнь неизбывное чувство Родины, которую защитили и сохранили наши отцы и деды.

Об авторе

Виниченко Сергей Николаевич (родился в 1960 году в Пресногорьковке, Ленинского района, Кустанайской области) учитель истории, краевед, публицист. Автор шести книг и более ста публикаций по истории Сибирского казачьего войска и станицы Пресногорьковской. Награжден медалью «За труды и Отечество». Лауреат премии меценатов «Казына» (2012 год).

Книги и публикации

Пресногорьковские были. - Кустанай, 2006.179 с.

Пресногорьковка. Страницы истории. - Кустанай, 2007. 201с.

Пресногорьковская казачья линия. - Курган, 2011. 315 с.

Живая старина Пресногорьковской линии. - Курган, 2012.230 с.

Исход. Трагедия горьколинейных станиц в начале XX века.- Курган,2012. 260 с.

Листая старые страницы.- Курган,2014.180 с.

Крестный путь игуменьи Евпраксии// в альм. Тобольск и вся Сибирь. - Тобольск.2011.

Электронные варианты: <http://kazneb.kz/site/catalogue?flt=simple&q=Виниченко+Сергей>

Статьи автора на <http://pkzsk.info/> 2019 г.

Статьи в литературно-историческом журнале «Казачье братство» (г.Томск)№5,6,7

Статьи в сб. «История Костанайской области в краеведческих исследованиях». Издание

Лисаковского музея и культуры Верхнего Притоболья» (ред. Буданова Ю.П.) 2017,2018

Статьи на <https://uchitelskaya.kz>, <https://kstnews.kz> (2010-2019гг).

Статьи на <https://www.proza.ru/2019/12/03/1547>

Историческое краеведение, - Учебное пособие. Костанай. 2017

Фото: автор в музее Пресногорьковской СШ, Узункольского района, Костанайской области. Ермаковка и фуражка передана в дар историком Олегом Александровичем Винокуровым (г.Москва)

Фото И.Мармалиди

Последовательность расположения фотографии и документов к очеркам

1. Фото к очерку «Последний атаман» (Набоков Ф.К.)

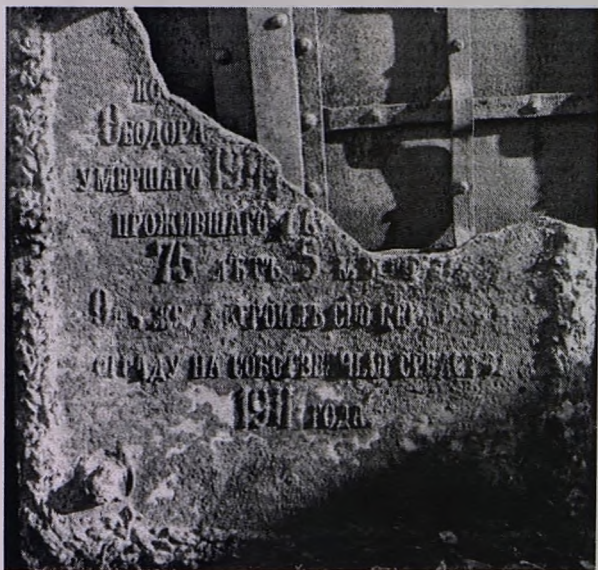
Акварель Чокана Валиханова с указанием пикета Аман-Карагайского и отметкой могилы Набокова, 1852 год.

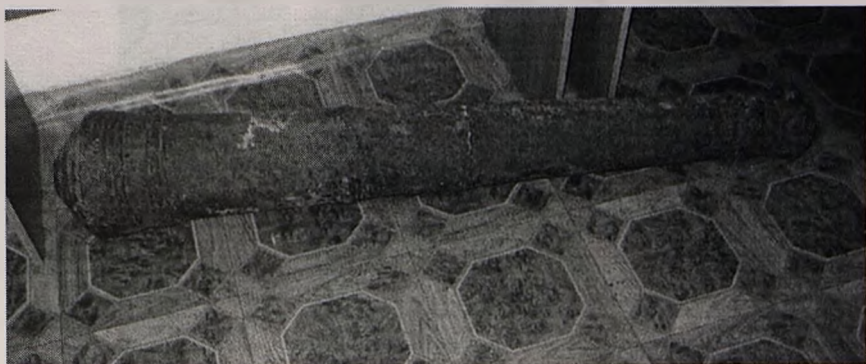
*Акварель Н.Каразина. Зачисление в казаки пленных поляков
(в центре – Ф.К.Набоков)*

Находки С.Б. Игнашкова на редуте Сибирском

*Часть надгробной плиты (найдена Виниченко Владимиром
в 2015 году)*

*Пушка 1730-х годов (экспонат школьного музея
с.Пресногорьковки)*

*На Генеральском острове (фото краеведа Яны Ванжи,
май 2019 года)*

Схема перепланировки крепости 1765 -1785 гг

Современная карта с нанесением схемы крепостей(исследование автора)

**2. Фото к очерку:
«Потанины из редута Островного»
(Потанин Н.И.)**

Храм в станице Пресновской

*Дом, в котором в 1840-45 гг. проживал Григорий Потанин
(Пресновка)*

**3. Фото к очерку
«Три войны Николая Кубрина»**

Есаул Кубрин Н.П., 1914 год

Семейное фото Кубриных(предпол. 1912 год)

Дом Кубрина в станции Пресногорьковской, фото автора. 2010 год

**4. Фото к очерку
«От рядового до командарма» (Глебов Ф.Л.)**

Глебов Ф.Л. фото 1922 года

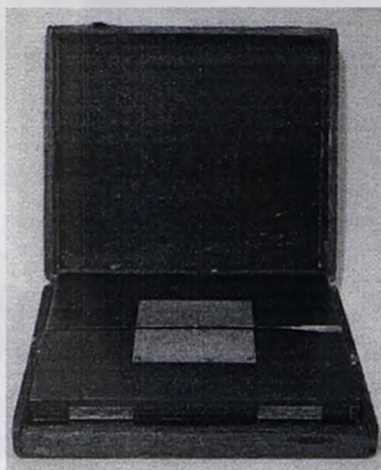

Храм в Шанхае (современное состояние)

5. Фото к очерку
«Тайны отставного генерала»(Нарбут И.Я.)

И.Я.Нарбут с офицерами 2-го полка(5-й справа)

Дарственная гравировка на ките

**6. Фото к очерку
«Жизнь за веру» (Преображенский В.А)**

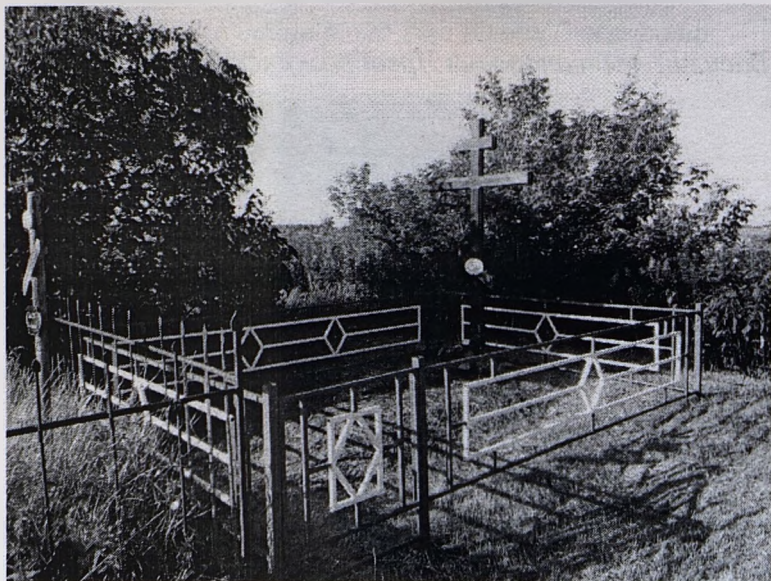
Василий Александрович Преображенский (1878 - 1921гг.)

Преображенские

Храм в Пресногорьковке. Фото 1910 года

*Место захоронения о.Василия в Пресногорьковке,
фото 2019 года.*

**7. Фото к очерку
«Жизнь за веру» (Игуменья Евпраксия)**

Игуменья Евпраксия, слева. 1917 год.

Троицкий храм в монастыре (1902 год)

Паломники в монастыре, 2015 год

Надгробие на месте алтаря храма, где найдены останки монахинь, 2019 год

Казачи Кустанайской русской общины сибирских казаков (атаман Войсковой Старшина Шилов О.Г.) в Архистратиго-Михайловском монастыре, 2019 год

**8. Фото к очерку
«Люди и судьбы» (Шехтер А.П.)**

Ст.Пресногорьковская, 1920 год

*Николай, Мариамна, Лидия, Павел в 1914 году.
Сад у дома Шехтера.*

в телеге/ слева направо/ Николай,
Мариамна, Лидия. Пресногорьковка.
1925 год.

Дом Шехтера в Пресногорьковке, 2018 год

**9. Фото к очерку
«Тайна старого погоста»
(Забывтый бой под станицей Пресногорьковской)**

Место боя, фото автора, 2019 год

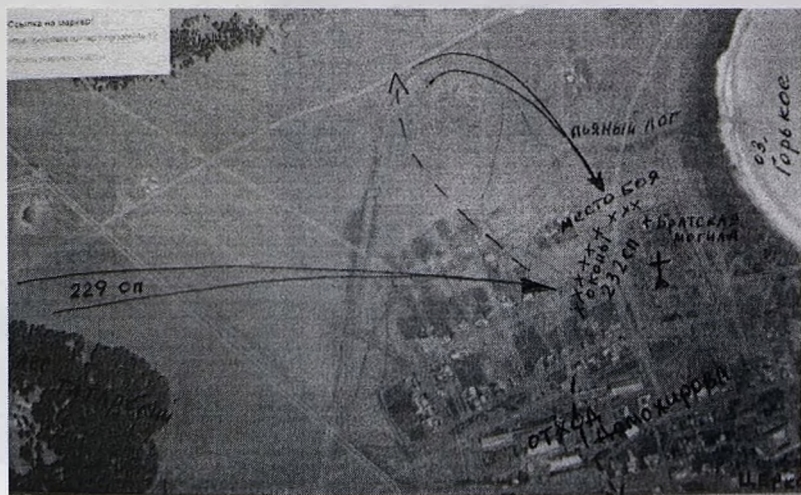

Схема боя 21-22 августа 1919 года

Место братской могилы, фото 2019 год

*Доможиров Л.Н. Командир Партизанской группы
в августе 1919 года*

Баткунов Арсений Николаевич.

Командир 232 –го полка

**10. Фото к очерку
«Сибирские казаки в Западно-Ишимском
восстании 1921**

Начальник 1-й Народной дивизии С.Г.Токарев

Захоронение красного партизана Никифора Комахи

Комиссар Иван Ковалев (слева)

Партизаны Ковалева Д.А. (Ковалев сидит в центре)

11. Фото к статье
«Леонтий Садовой против генерала Пепеляева»

М.Г.Кропачев и Л.Г.Садовой (справа), 1971 год

Генерал Пепеляев А.Н.

12. Фото к очерку «Пограничные рубежи генерала Киженцева»

Генерал-лейтенант Н.А.Киженцев в Среднеазиатском округе, 1971 год

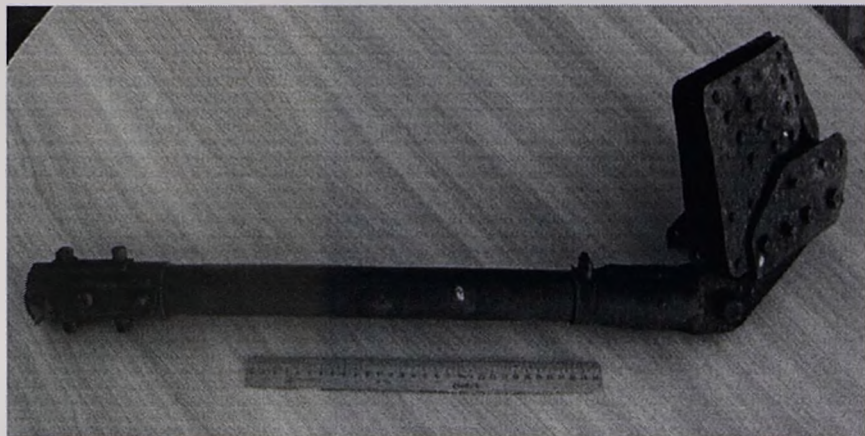

*Дочь генерала, Сулименко Г.Н.
с автором в школьном музее. 2015 год*

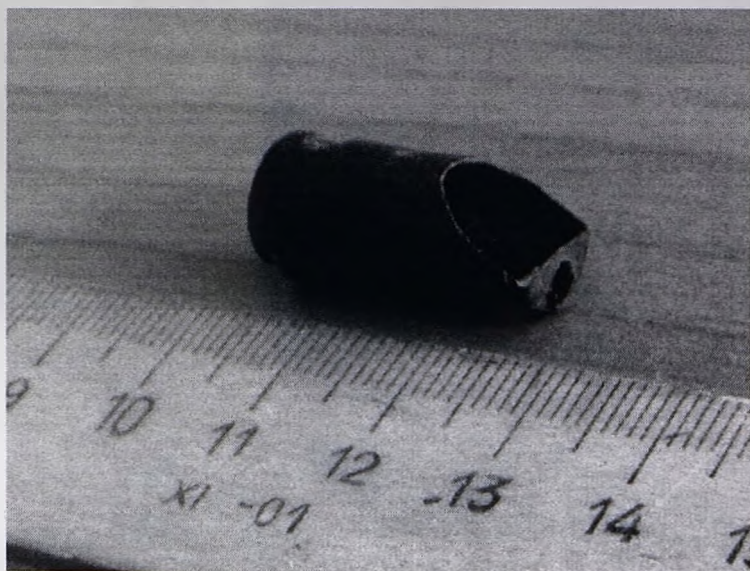

*Потомки генерала Н.А.Киженцева на Параде Победы,
2019 год*

**13. Фото к очерку
«Перегон (о катастрофе Ил-4 в августе 1943 года)»**

Тяга от самолета Ил-4

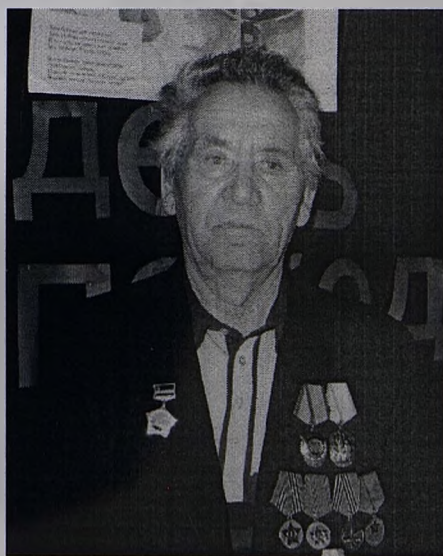

Цоколь лампочки

14. Фото к очерку «Имена на граните»

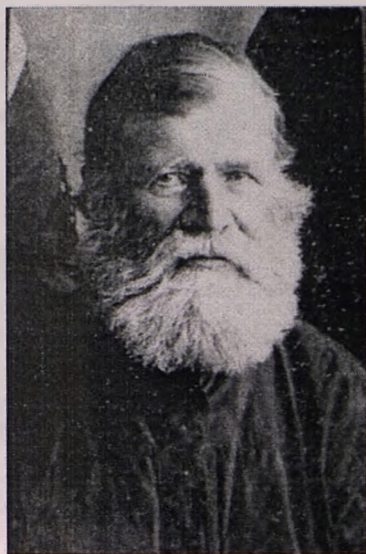

Автор на руках у деда Дмитрия (фото 1964 года)

Виниченко Николай Дмитриевич(1932-2014гг.)

15. Фото казаков Пресногорьковской станицы

*Георгиевский кавалер пос.Починный Веневцев Григорий
Дмитриевич(1869 -1946 гг).
Повстанец 1921 года.*

*Казаки пос.Пресноредутский. В ермаковке (третий слева)
хорунжий Иван Иванович Шилов.*

Братья Токаревы, учащиеся Пресногорьковского училища, воевали друг против друга в гражданской войне.

Три поколения сибирских казаков Шиловых – Геннадий, Олег и Петр (слева направо) в музее Пресногорьковской СШ.

*Фельдшер станицы Пресногорьковской
Яков Поликарпович Вяткин (слева).*

*Семья Федора Токарева(с бородой). Глава семьи раскулачен и
сослан. Погиб в 1929 году.*

Селезнев Семен, стоит слева.

Козаки пос.Пресноредутский.

Казаци Пресногорьковской станицы

*Меринова Т.Д.(1898 -1985 гг.), сидит слева,
(фото 1913 года, г.Курган)*

*Успенъев Егор Васильевич и Сидельников Петр Михайлович,
1914 год*

Дмитрий Семенович Меринов (1927 год)

Казак ст.Пресновской Макар Островский

Три Сергея и Кайрат(автор, Жалыбин С.М., Мукатов К.Т.,Смышляев С.В). 2019 год.Пресногорьковка.

Сергей Виниченко

В поисках минувшего времени

<i>Главный редактор</i>	<i>Тарасенко А.В.</i>
<i>Ответственный редактор</i>	<i>Золотарёв А.Е.</i>
<i>Компьютерная верстка</i>	<i>Чувашкина Д.С.</i>

Подписано в печать 27.02.2020 г.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офисная.
Гарнитура Times New Roman.
Печать цифровая. Объем 13,25 п.л.
Тираж: 200 экз. Заказ № 183

ТОО «Костанайский печатный двор»
110003, г. Костанай, ул. Темирбаева, 39 .
Тел./факс: (8-714-2) 53-54-60
E-mail: kpdvor@yandex.kz

